

Выпуск № 1, 2025

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2025. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. Тюленева, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, д-р ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл.,
г. Иваново, ул. Тимирязева, 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2025. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.

Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL BOARD:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

EDITORIAL COUNCIL:

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)

N.Yu. Gvozdet'skaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region,
Ivanovo, Timiryazew str., 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Иванов Е.Е.** Наивизм насильственной смерти в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» 5
Федорова В.Г. Проблема целостно-выборочного анализа литературного произведения по доминантам 12
Хварцкия Л.Д. Приемы патафизики Альфреда Жарри в пьесе «Король Убю»..... 21
Сырысева Д.Ю. Берлин в экзистенциальной рефлексии (по роману Анаит Сагоян «Дом из парафина») 27

Языкознание

- Хуснутдинов А.А., Шишлова И.Ю.** Фразеология в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина 34
Старостенко Т.Е. Языковая репрезентация динамики художественного текста 45
Карташкова Ф.И., Морозкина Т.В. Газлайтинг: опыт лингвосемиотического анализа (на примере фильма “Gas Light” 1944 года) 51
Генделев И.Д. Корреляция мелодических моделей и кинесических средств в полимодальном дискурсе 58
Куражова И.В. Прецедентные феномены как актуализаторы этнокультурного кода (на материале британской прессы) 63

История

- Иванова Е.С.** Церемониальные функции преторианской гвардии в эпоху Принципата 70
Абидулин А.М., Косульников Д.Д. Катар в современной геополитической системе: турецкий фактор 81
Ильин Ю.А. Февральская революция и люстрация: наброски к проблеме (на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска) 89
Корников А.А., Дворцов Г.И. (игумен Герман). Новый источник по истории семьи маршала А.М. Василевского 103
Исаков А.А., Грубов В.И. Новое в исследованиях начальной истории Арзамаса..... 115

Философия

- Булычёв И.И.** Философия в формате содержания и формы 125
Волкова В.О., Волков И.Е. Когнитивная практика: от понятия к представлению 132
Домнинский П.А. «Время» и «воля» в историософии Г.П. Федотова 140
Шорин Р.В. Неакадемическая философия: личностно-персоналистическая репрезентация (XX век). Часть 1 150
Асланян А.О., Смирнов Д.Г. Философия университетского аудита: контрадикторность регулятивов 158
Лебедев В.С., Смирнов Д.Г. Экстремальное сознание: краткая история идеи 165

Рецензии

- Карпова О.М.** Лексикографическая картина XXI века. *Рец. на коллективную монографию: The Cambridge Handbook of the Dictionary, Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 826 p.* 172
Цветков Ю.Л. Россия и Германия: литературные отображения. *Рец. на кн. Россия — Германия: литературные встречи (1880—1945) М.: ИМЛИ, 2017. 768 с.* 183
Евсеев В.А. *Рец. на кн.: Праздников А.Г. Люди Войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. СПб.: Евразия, 2023. 560 с.* 188

Информация для авторов журнала

- «Вестник Ивановского государственного университета» 194

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Ivanov E.E.** The naivism of violent death in F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" 5
- Fedorova V.G.** The problem of a complete and selective analysis
of a literary work by dominants 12
- Khvartskiya L.D.** Pataphysics techniques by Alfred Jarry in the play
"The King of Ubu" 21
- Syryseva D.Yu.** Berlin in existential reflection (based on the novel
"The House of Paraffin" by Anahit Sagoyan) 27

Linguistics

- Khusnutdinov A.A., Shishlova I.Yu.** Phraseology in "The Captain's Daughter"
by Alexander Pushkin 34
- Starostenko T.E.** Linguistic representation of the dynamics of a literary text 45
- Kartashkova F.I., Morozkina T.V.** Gaslighting as viewed from the angle of lingvosemiotics
(by example of the film Gas Light, 1944) 51
- Gendeleev I.D.** Correlation between melodic patterns and kinesic means
in multimodal discourse 58
- Kurazhova I.V.** Precedent phenomena as actualizers of the ethnocultural code
(based on the material of the British press) 63

History

- Ivanova E.S.** Ceremonial functions of the Praetorian Guard under the Principate 70
- Abidulin A.M., Kosulnikov D.D.** Qatar in the modern geopolitical system:
The turkish factor 81
- Ilyin Yu.A.** The February Revolution and lustration: sketches to the problem
(based on the materials of the democratic press of Ivanovo-Voznesensk) 89
- Kornikov A.A., Dvortsov G.I. (abbot Herman).** A new source on the family history
of Marshal A.M. Vasilevsky 103
- Isakov A.A., Grubov V.I.** New in research of Arzamas initial history 115

Philosophy

- Bulychev I.I.** Philosophy in the format of content and form 125
- Volkova V.O., Volkov I.E.** Cognitive practice: from concept to representation 132
- Domninskii P.A.** "Time" and "will" in Georgy Fedotov's historiosophical system 140
- Shorin R.V.** Non-academic philosophy: personalistic representation
(XX century). Part 1 150
- Aslanyan A.O., Smirnov D.G.** Philosophy of university audit: contradictory
of regulations 158
- Lebedev V.S., Smirnov D.G.** Extreme consciousness: a brief history of an idea 165

Reviews

- Karpova O.M.** Lexicographic scene of the XXIst century. *Book Review:* The Cambridge
Handbook of the Dictionary Cambridge:Cambridge University Press, 2024. 826 p. 172
- Tsvetkov Yu.L.** Russia and Germany: literary displays. *Book review:*
Russia — Germany: literary meetings (1880—1945), Moscow, 2017, 768 p. 183
- Evseev V.A.** *Book review:* Prazdnikov A.G. People of the Wars of the Red and White
Roses. Composition and Models of Behavior of Active Participants in the Socio-Political
Conflict in England in the Second Half of the 15th Century
St. Petersburg, 2023, 560 p. 188

- Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin"* 194

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 5—11.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 5—11.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/H.2025.1.1

НАИВИЗМ НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Евгений Евгеньевич Иванов

Московский международный университет, г. Москва, Россия, ayaom@list.ru

Аннотация. Предметом размышления в статье стала неочевидная идейная позиция автора, неординарная жанровая структура геройной сферы, сильная позиция названия произведения и некоторые моменты контекста. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» рассматривается как своеобразный художественный ребус, разгадка которого ведёт к пониманию авторской логики. Дан ретроспективный метароманно-тематический экскурс в проблематику первого романа Ф.М. Достоевского. Тотальная рациональность, присущая образу взрослого Раскольникова (в противовес его спонтанному детскому протесту против убийства лошади), в связке с интенцией совершить преступление сопоставлены с созерцательно-пассивным модусом существования князя Мышкина. Охарактеризовано соположение инстанций Автора-Творца и главного героя в ракурсе эстетики наива. Вопрос христианских концептов из теологической плоскости перенесён в область аналитики художественного. Особое внимание уделено относительности представлений об убийстве как социальном феномене в преломлении творчества Ф.М. Достоевского. Эволюция темы насильственной смерти в анализируемых романах с наивистических позиций предстаёт результатом гипертрофированной рациональности, противоестественным феноменом, чуждой истинной природе человека, которая как правило связывается с душой. Окаzionale тоpos в творчестве писателя, «реализм в высшем смысле», в ракурсе наивизма даёт возможность новой трактовки нелинейного развития художественной мысли писателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Идиот», «наив», Христос, убийство, герой, реальность

Для цитирования: Иванов Е.Е. Наивизм насильственной смерти в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 5—11.

В романе «Идиот», начиная с названия, возникает неуверенность в адекватной рецепции авторского слова. Именованное «идиот» в оценочно-снижающем значении этого понятия останавливает в оценке главного героя как положительного персонажа. Мало что проясняет и зафиксированное в литературоведении намерение автора «изобразить положительно прекрасного человека» [Достоевский 28.2: 251], поскольку в его основе лежит утрирующий оборот, видимо, намекающий на *отрицательно прекрасного* человека Раскольникова, который решил облагодетельствовать человечество, начав с убийства никчёмной старухи. Не много дают и другие историко-литературные изыскания. Так, запись «князь Христос» из набросков к «Идиоту» в строгом семантологическом (О. Фрейденберг) подходе предстаёт оксюмороном: «князь» с его коннотацией господства, власти, а значит, и насилия (ср. Князь Тьмы) и «Христос», который по мнению Ф. Ницше, образец «остроумия, блаженства мира, мягкости, неспособности быть врагом» [Ницше: 18]. Также, делая князя Мышкина «идиотом», Автор-Творец предельно дистанцируется от кругозора героя, ставит себя в надполифоническую позицию. В противном случае в тексте присутствовали бы непосредственные указания на метафизический план трактовки высокого смысла образа князя Мышкина. В этом смысле интересна реплика Бахтина о Достоевском, о которой вспоминает С. Бочаров: «Еще одна тема звучала настойчиво — о НЕНАИВНОСТИ Достоевского. Он — самый ненаивный. Перед Достоевским наивными кажутся все: Гоголь в “Выбранных местах” наивен очень, Толстой любовался многим, Достоевский ничем не любовался и только искал...» [Бочаров: 474]. В такой изошрённой подаче литературного материала можно сказать, что и «Идиот» — самый «ненаивный» из всех романов писателя.

И. Плеханова в статье, посвящённой «Идиоту», определяет «художественный наив» как «простодушные в действии, концептуальную заявку на героя-идеалиста, провоцирующего всех своей чистотой и активностью. Его появление — индикатор потребности в простом-насушном и способности автора творить “неслыханную простоту”» [Плеханова: 85], а «наив» непосредственно Князя Мышкина именуется исследователем как «высокий»: «В высоком наиве, простодушном, но не тождественном простоте, сходятся правда, красота и невинная воля» [Там же: 92]. Опираясь на данную интерпретацию образа главного героя в романе «Идиот», мы попытаемся определить функционал наива как художественного приёма в контексте сквозной для Ф.М. Достоевского темы насильственной смерти.

Своей первостепенной задачей мы полагаем выявить смысл названия, разобрать схему любовных отношений, определить жанровую пару «герой-героиня», рассмотреть тему убийства в метароманной связке с «Преступлением и наказанием». Для достижения намеченного применялся структурно-семантический и герменевтический анализ.

Продуктивный диалог с авторским «я» предполагает расшифровку поэтологического кода романа. Сложная конструкция романного жанра не позволяет говорить напрямую о наивизме идиостиля, но допускает ввод приёма «мир впервые» в облике героя изоморфно приёму острашения, который используется при анализе «мира наизнанку» в произведении. Затруднённость понимания прозы Ф.М. Достоевского состоит в его уникальном методе, «реализме в высшем смысле», который подразумевает не только полилог отдельных «голосов» в персонажном конструкте, но и трансцендентно иную сферу, за гранью доступного знания. Наличие непостижимого в криптопоэтике «Идиота» обозначено темой убийства, которое у Достоевского радикально отличается от других

романных убийств. Убийство в исследуемом романе странное, загадочное, требующее не только осмысления намёков в ономастическом ракурсе, но и разбор любовного квадрата (герой и героиня любят ещё двоих персонажей), и объяснение самого феномена насильственной смерти в практике человеческих отношений.

Подводный камень — «Князь Христос» из черновикового контекста языковой игры именования героя в самом произведении акцентирован диссонансом имени и фамилии, который объясняется, если автор закладывает суицидальный смысл, ведь мыш — потенциальная жертва льва. В любом случае Достоевский не имел в виду канонического посланника божьего, и это — привязанная к художественному замыслу данного романа символизированная креатура. В данном виде князь Лев Мышкин противостоит другим полифоническим героям писателя. «Наивность — это растворённый в бытии символ, а символ — это сконцентрированный до самовыразительности наив» [Жукоцкий, Жукоцкая: 128]. Он носитель определённой идеи, но идея эта дана не в развитии его внутреннего мира. Мир идиота цельный и устоявшийся, идиотизм неизлечим, если говорить о коннотации психического отклонения. Не без влияния этого романа, наверное, Ф. Ницше высказался об Иисусе как посланнике и жителе иного мира: «Чтобы сделать из Иисуса героя! И более того, какое недоразумение вызывает слово “гений”! Вся наша концепция, наша культурная концепция “духа” не имеет никакого значения в мире, в котором живет Иисус. Произносимое с точностью физиолога, даже совершенно другое слово было бы здесь более уместным — слово идиот» [Ницше: 18]. Резюмируя эту часть ребуса, констатируем, что идея главного героя в том, что он идиот — это значит быть «не в себе», то есть не в повседневном эгоизме нормальных людей. Как сказал Г. Гачев: «в слове наивного — Логос двух ипостасей Абсолюта: Матери (и) Природы и Бога-Духа» [Гачев: 29].

Тема насильственной смерти, центральная в «Преступлении и наказании», в романе «Идиот» звучит в кругозоре не героя-интеллектуала убийцы, а в противоположном онтологическом измерении. Главный герой романа князь Мышкин находится вне поля насилия благодаря его маргинальной особенности, обозначенной автором как отклонение от нормы — «идиот». Мир глазами идиота даёт антропологическую возможность радикального остранения реальности и положения дел в социуме. С опорой на опыт психологического подхода к толкованию феноменов культуры В.П. Руднева попробуем рассмотреть заявленную проблему. Ракурс “*tabula rasa*” героя позволяет увидеть убийство как «мир впервые», или наивно, без искушения осмыслить феномен убийства умозрительно. Такой подход восходит к шиллеровской традиции, связь с которой в достоевсковедении не подвергается сомнению. По предположению А.Н. Рылевой, «слово “наивный” входило в оборот и благодаря переводам Ф. Шиллера (он рассмотрел понятие “наивный” в работе “О наивной и сентиментальной поэзии”» [Рылева 2021: 77]. Князь Мышкин обладает наивно-детским миросознанием, которое как коррелят «идиотизму» выявляет искусственность и контингентность человеческого существования, когда все представления о реальном мире иллюзорны. В «Идиоте» под явленными предметами скрывается суть, противоположная их привычной рецепции. «Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его?» [Достоевский 28.2: 459], — простодушно удивляется князь Мышкин. Его непосредственный взгляд на мир, оптика «естественного человека» соотносимы с восприятием из рая исполненной насилием земной жизни.

Убийство как предельная форма заострения проблемы нормальности в жизни общества раскладывается в романе на два модуля. Первый — это лигитимизированная смертная казнь, второй — как роковая и иррациональная страсть. Остранённость в смертный час перед казнью достигается через «акцентирование случайного, незначительного и никак не связанного с наблюдателем <...> в ситуации переживания приговорённого к смертной казни перед исполнением приговора в “Идиоте” (рассказ князя Мышкина)» [Иванов, Иванова: 38]. Преступник, замороженный лучами солнца, только перед лицом смерти осознаёт упущенную счастливую жизнь «по-идиотски», без суеты, которая считается ненормальной. Обычная жизнь чревата преступлением и предстаёт ошибкой на контрасте с христианской заповедью «Не убий!», которую остенсивно транслирует князь Мышкин в его примере о казни. Именно казнь как порочная норма наказания является здесь преступлением, замыкая круг насилия человеческого общежития, лишённого гармонии. И неудивительно, что обыкновенного языка не хватает для передачи абсурдности насилия ради насилия. Требуется визуальный код рисунка лица человека перед казнью, который самоочевиден и создаёт эффект «мира впервые», наивного, и тем самым действительно убедительного. Именно рисунок, по мнению А.Н. Рылевой, «мгновенно, как взмах волшебной палочки» является «единственным способом быстро создать желаемую реальность наива» [Рылева 2005: 51].

Во втором убийстве релятивно представлена героиня наррация Рогожина в «закадровом» плане как некое таинство. Мы не видим убийство Настасьи Филипповны, нам не сразу понятен его смысл, и оно не является следствием аффективного помутнения рассудка. Как это было и с Раскольниковым, наибольшую эмпатию вызывает сам убийца, а не его жертва. Это убийство надо рассматривать в контексте целого, которое у Достоевского не только полифония голосов внутри наличного мира, но и симметрия отдельных полноценных миров. Полное имя главного героя — Лев *Николаевич* Мышкин. И центральная часть этой ономастической конструкции может трактоваться в связи с фигурой святого Николая, который, как известно, покровитель сирот и путешественников. И то и другое соответствует биографии главного героя романа. Николай-угодник, таким образом, защитник людей бездомных, неприкаянных, не укоренённых в бытии на социальном уровне. Предположение о небесном посланничестве, скрытом в отчестве Льва Мышкина, аннигилирует зооморфные края именовательной загадки героя, связанные с особенностью кошачьих поедать мышей. Надмирный, «райский» порядок в образе Льва Мышкина, свободный от противоречий величественного («лев») и мелкого, тварного («мышь») в имени-фамилии, низа и верха, плоти и духа диссипативно противопоставлен хаосу непримиримых добра и зла в экзистенциальном образе Рогожина, который олицетворяет насильственность обманчиво нормального мира с его влечением к страданию и смерти.

Миры хаоса и порядка тем не менее синергетически открыты друг другу и не имеют демаркационных линий. Их взаимная полнота радикально обнажает природу человеческого существования, в котором мнимое кажется нормой, а понять это можно только насильственным путём первобытного жертвоприношения. В этом и кроется смысл слов Ф.М. Достоевского, что князь Мышкин — «князь Христос», который, как известно, для спасения мира принёс в жертву себя, а не своего ближнего. Данная альтруистическая замена в космогонии жертвоприношения делает учение Христа на самом деле Новым по отношению к предшествующим ему культам, а образ Спасителя не соответствующим нормальности

символического обмена, лежащего в основе семиозиса жертвоприношения. Будучи на порядок выше старого мира, и Иисус, и Идиот относятся к нему с пониманием, поэтому исследователи говорят о «синтезе» Рогожина-Мышкина: «о двух героях говорится как об одном» [Щетинин: 28] или о «двойственном герое» [Касаткина 2021: 18].

В романной логике действительным любовным союзом являются князь Мышкин и Настасья Филипповна, поскольку и тот, и другая двуедино-симметрично любят двоих, тем самым разрушая стандартный паттерн семьи. Это герой и героиня романа «Идиот». В финале они исчезают из читательского кругозора. Один в горный хронотоп, другая — в мир иной, что семиотически соразмерно. Смерть героини нужна для устранения любовной коллизии и дисгармонии в жизни вторых возлюбленных — Аглаи и Рогожина. Поэтому самопожертвование и подразумеваемое в этимологии имени «воскресение» Настасьи Филипповны распространяются и на Мышкина в ипостаси «князь Христос». В «Идиоте» в отличие от «Преступления и наказания» актантом оказывается жертва, своим поведением, начиная с бегства из-под венца, подвигнувшая Рогожина на убийство. Похожий эффект косвенного влияния «положительно прекрасной» демагогии можно будет наблюдать в пьесе М. Горького «На дне», когда появившийся-исчезнувший Лука, проповедующий идею «не обижать человека», разворошил устоявшийся мир «дна» человеческих отношений (возможно, не без умысла) до состояния убийства Пеплом Костылева.

Подводя итог, отметим, что убийство в романе предстаёт в гносеологической («казалось/оказалось») форме. Этого удаётся достичь приёмом «мир впервые» — экфразисоподобной наглядности (рисунок лица казнимого) и самоочевидности в границах абсурдности наказания за преступление как убийства.

Насильственная смерть в её невозможности исправить положение вещей в мире отсылает к «Преступлению и наказанию», где душевное излечение Раскольникова также фиксируется в зрительно-наивистичном модусе (он смотрит на вольных кочевников вдали). Новизной в метароманной (ретро)перспективе является второе убийство, в котором коннотация «насильственной смерти» обращается в свою противоположность: убийство Настасьи Филипповны не насилие, и не смерть, а скорее обретение покоя, в котором угадывается воскресение в ином, трансцендентном мире. В первом романе писателя, где мотивом убийства стала «исходная претензия Раскольникова к Создателю — несовершенство мира» [Касаткина 2023: 258], наказанием становится не только его собственная исключённость из жизни в человечестве, но и само человечество получает эсхатологическую кару в виде эпидемии трихин, которую он видит во сне. Парадоксально, но в «Идиоте» единственным виновником события убийства становится князь Мышкин, который «мухи не обидит» и всем желает добра. Писатель этими релятивистскими перевёртышами показывает всю глубину проблемы реализации христианских идей в текущей жизни и то, насколько реальность далека от совершенства.

Двоемирие здесь и сейчас в образе главного героя и осуществление диссипативного неслияния горнего и земного в результате его деятельности происходит в сочетании слова «идиот» и приёма наива («мир как впервые»), который разрешает проблему оценочно-снижающего значения названия романа. «Идиотизм» из отрицательной ущербности в значении слова выворачивает ложный мир наизнанку, превращает его в хаос, производящий насилие, и предстаёт возможностью, не выходя из рамок реализма, перейти к «реализму в высшем смысле».

Список источников

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.
 Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2005. Т. 6. 408 с.

Список литературы / References

- Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.
 (Bocharov S.G. Subjects of Russian literature, Moscow, 1999, 632 p. — In Russ.)
- Гачев Г.Д. Плюсы и минусы наивного философствования // Философия наивности / сост. А.С. Мигунов. М.: МГУ, 2001. С. 29—35.
 (Gachev G.D. Pros and cons of naive philosophizing, *Philosophy of naivety*, ed. by A.S. Migunov, Moscow, 2001, pp. 29—35. — In Russ.)
- Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Символизм и наивность // Философия наивности / сост. А.С. Мигунов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 128—130.
 (Zhukockij V.D., Zhukockaja Z.R. Symbolism and naivety, *Philosophy of naivety*, ed. by A.S. Migunov, Moscow, 2001, pp. 128—130. — In Russ.)
- Иванов Е.Е., Иванова Г.П. Метароманный комплекс просветления в поэтике прозы Г. Газданова // Культура и текст. 2023. № 1 (52). С. 33—50.
 (Ivanov E.E., Ivanova G.P. Metanovel complex of enlightenment in the poetics of G. Gazdanov's prose, *Culture and Text*, 2023, no. 1 (52), pp. 33—50. — In Russ.)
- Касаткина Т.А. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: о высшей и низшей природе человека // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 14—30.
 (Kasatkina T.A. F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot": about the higher and lower nature of man, *Christian reading*, Moscow, 2021, pp. 14—30. — In Russ.)
- Касаткина Т.А. Обзор II Международной научной онлайн-конференции «"Преступление и наказание": современное состояние изучения» (Москва, 28 февраля — 2 марта 2023 года) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 241—314.
 (Kasatkina T.A. Review of the II International Online Scientific Conference "Crime and Punishment": the current state of study" (Moscow, February 28 — March 2, 2023). *Dostoevsky and world culture. Philological journal*, 2023, no. 2 (22), pp. 241—314. — In Russ.)
- Плеханова И.И. Авторефлексия наива: тип героя, модель творчества и художественная практика («Идиот» Ф.М. Достоевского) // XXI Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге. СПб., 2022. С. 84—93.
 (Plehanova I.I. Naive self-reflection: the type of hero, the model of creativity and artistic practice ("Idiot" by F.M. Dostoevsky), *XXI Holy Trinity Annual International Academic readings in St. Petersburg*, St. Petersburg, pp. 84—93. — In Russ.)
- Рылева А.Н. Семантика слова «наив»: культурологические аспекты // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2021. № 21. С. 76—88.
 (Ryleva A.N. The semantics of the word "naiv": cultural aspects, *Russian Philology: Scientific notes of Smolensk State University*, 2021, no. 21, pp. 76—88. — In Russ.)
- Рылева А.Н. О наивном. М.: Академический Проект: Российский институт культурологии, 2005. 272 с.
 (Ryleva A.N. About the naïve, Moscow, 2005, 272 p. — In Russ.)
- Щетинин Р.Б. Развитие образов Мышкина и Рогожина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 26—29.
 (Shhetinin R.B. The development of the images of Myshkin and Rogozhin in F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot", *Bulletin of Tomsk State University*, 2007, no. 304, pp. 26—29. — In Russ.)

THE NAIVISM OF VIOLENT DEATH IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE IDIOT"

Evgeny E. Ivanov

Moscow International University, Moscow, Russian Federation, ayaom@list.ru

Abstract. The subject of reflection in the article was the author's non-obvious ideological position, the extraordinary genre structure of the heroic sphere, the strong position of the title of the work and some points of context. Dostoevsky's novel "The Idiot" is considered as a kind of artistic rebus, the solution of which leads to an understanding of the author's logic. A retrospective meta-novel-thematic background of F.M. Dostoevsky's first novel problems is given. The total rationality inherent in the image of an adult Raskolnikov (as opposed to his spontaneous childish protest against killing a horse) in conjunction with the intention to commit a crime are compared with the contemplative-passive mode of existence of Prince Myshkin. The juxtaposition of the Author-Creator and the main character in the perspective of the aesthetics of the naive is characterized. The issue of Christian concepts has been transferred from the theological plane to the field of artistic analysis. Special attention is paid to the relativity of ideas about murder as a social phenomenon in the refraction of F.M. Dostoevsky's work. The evolution of the theme of violent death in the analyzed novels from a naive standpoint appears to be the result of hypertrophied rationality, an unnatural phenomenon alien to the true nature of man, which is usually associated with the soul. An occasional topos in the writer's work, "realism in the highest sense" from the perspective of naivism provides an opportunity for a new interpretation of the nonlinear development of the writer's artistic thought.

Keywords: F.M. Dostoevsky, "The Idiot", "naiv", Christ, murder, hero, reality

For citation: Ivanov E.E. The naivism of violent death in F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 5—11.

Статья поступила в редакцию 13.07.2024; одобрена после рецензирования 26.07.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 13.07.2024; approved after reviewing 26.07.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the auth

Иванов Евгений Евгеньевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, научный сотрудник, Московский международный университет, г. Москва, Россия, ayaom@list.ru

Ivanov Evgeny Evgenievich — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Humanities, Research Associate, Moscow International University, Moscow, Russian Federation, ayaom@list.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 12—20.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 12—20.

Научная статья

УДК 82.0

DOI: 10.46726/И.2025.1.2

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНО-ВЫБОРОЧНОГО АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПО ДОМИНАНТАМ

Валентина Геннадьевна Федорова

Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета, г. Бийск, Россия, fvalentinagennadevna@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема целостно-выборочного анализа литературного произведения по доминантам, актуальность которой обусловлена потребностями современного литературоведения. С опорой на исследование А.Б. Есина ставится вопрос об установлении доминант литературного произведения, т. е. тех художественных средств, которые подсказывают кратчайшие пути анализа, позволяющие раскрыть идейно-художественное своеобразие произведения. Определение доминант обусловлено особенностями художественного произведения, устанавливается в значительной степени интуитивно и главным образом зависит от эстетической чуткости исследователя, вырабатываемой практикой. Отмечается, что выборочный анализ является одновременно и целостным, так как предполагает рассмотрение взаимосвязи содержательных и стилевых доминант произведения, поэтому его можно назвать целостно-выборочным анализом. Основное содержание статьи составляют примеры целостно-выборочного анализа произведений художественной литературы по доминантам. На конкретных примерах показано, что обращение к выборочному анализу художественного произведения по доминантам не противоречит принципу целостности, согласно которому каждый элемент произведения должен быть рассмотрен как часть художественного целого. Анализ доминант исходит из целостного восприятия произведения и стремится к итоговому синтезу. В связи с проблемой выборочного анализа уделяется также внимание проблеме адекватности интерпретации художественного текста.

Ключевые слова: литературное произведение, целостно-выборочный анализ, содержательные доминанты, стилевые доминанты, принцип целостности

Для цитирования: Федорова В.Г. Проблема целостно-выборочного анализа литературного произведения по доминантам // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 12—20.

Проблема выборочного анализа литературного произведения — не новая, но до сих пор актуальная и мало разработанная в современном литературоведении, с которой так или иначе сталкивается любой филолог в процессе анализа и интерпретации художественного текста. Как отмечает А.Б. Есин, «в практическом литературоведении мы почти во всех случаях имеем дело с анализом выборочным, когда анализируются не все элементы произведения, а лишь те, которые представляются важными» [Есин: 191]. По словам исследователя, для проведения выборочного анализа важно определить содержательные и стилевые доминанты произведения.

В литературоведении нет универсального определения понятия доминанты. Ф.Е. Соловьева, рассмотрев дефиниции этого понятия в работах по теории

литературы и стилистике художественной речи Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, А.А. Реформатского, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума, Р.О. Якобсона, а также психологии творчества Л.С. Выготского, приводит следующие определения: «Ю.Н. Тынянов рассматривал доминанту как основную категорию, наряду с понятиями “конструктивный принцип”, “конструктивный фактор”, “конструктивная функция”, “установки” произведения. Б.М. Эйхенбаум считал, что “любой элемент материала может выдвинуться как формообразующая доминанта и тем самым — как сюжетная и конструктивная основа”. Б.В. Томашевский определял совокупность доминант как ключевой момент в образовании жанра. В исследованиях М.М. Бахтина нашло отражение более широкое понимание доминанты как объединяющего начала тематической, эстетической и идейной сторон литературного произведения. Л.С. Выготский, определявший момент катарсиса развитием доминанты, продолжил разработку семантического и психологического аспектов понятия» [Соловьева: 424]. В данном исследовании под доминантой мы понимаем те художественные средства, которые определяют идейно-эстетическое своеобразие произведения.

Установление доминант подсказывает кратчайшие пути анализа, которые позволят выйти на понимание идейно-художественного своеобразия произведения, замысла и позиции автора. Доминантный анализ отвечает требованиям целостности и достаточности. «Доминантный анализ текста способствует выявлению функциональной нагруженности каждого элемента текста, являясь убедительным доказательством невозможности существования конкретной идеи вне конкретной формы» [Там же: 425].

Доминанты необходимо устанавливать в каждом конкретном случае, исходя из особенностей художественного произведения. А.Б. Есин отмечает, что доминанты определяются в значительной степени интуитивно, их выбор главным образом зависит от эстетической чуткости исследователя, вырабатываемой практикой [Есин].

Так, мы предполагаем, что в рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» доминантами являются соотношение сюжета и фабулы, а также композиция произведения, рассмотрение которых позволит понять, почему события излагаются не в хронологической последовательности. В рассказе А.П. Чехова «Душечка» доминантой будет композиционная система, через которую преимущественно выражается авторская позиция. Доминантами в рассказах А.П. Чехова «Ионыч» и «Учитель словесности» являются образы персонажей. В повестях Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» в качестве доминант выделяются художественные детали и пространственная организация произведений. Доминанта в рассказах И.А. Бунина «В одной знакомой улице» и «Холодная осень» — временная организация художественного мира. В «маленькой трилогии» А.П. Чехова «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» доминантной является структура повествования.

Анализ доминант во всех случаях будет исходить из целостного восприятия произведения и стремиться к итоговому синтезу. А.Б. Есин указывает на тот факт, что «на уровне доминант яснее всего прослеживается единство и соответствие формы и содержания» [Там же: 193].

Обращение к выборочному анализу художественного произведения по доминантам не противоречит целостности литературного произведения, исследованной в трудах М.М. Гиршмана, Б.О. Кормана, Л.И. Тимофеева, [Гиршман; Корман 1972; Корман 1992; Тимофеев]. А.Б. Есин такой подход называет «целостно-выборочным» [Есин: 198].

По замечанию Б.О. Кормана, «когда мы для анализа выделяем из текста какой-либо элемент и тем самым придаем ему самостоятельность, мы должны постоянно иметь в виду условный характер этой самостоятельности. <...> Иными словами, анализ любой единицы текста должен быть путем к синтезу, путем к целостному пониманию и восприятию произведения словесного искусства» [Корман 1972: 19].

Приведем примеры целостно-выборочного анализа по доминантам.

В рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» обращает на себя внимание несовпадение сюжета и фабулы, в котором Л.С. Выготский увидел уничтожение формой содержания, освобождение от фабульного интереса, чтобы «уничтожить его житейскую муть, чтобы превратить ее в прозрачность, чтобы отрезать ее от действительности...» [Выготский: 199]. «Так житейская история о беспутной гимназистке претворена здесь в легкое дыхание бунинского рассказа», — делает вывод Л.С. Выготский. Его утверждение поставил под сомнение А.К. Жолковский, указав, что «вряд ли преодолению фабулы самому по себе можно приписать достаточно определенный тематический эффект» [Жолковский: 103]. Исследователь отмечает, что без прямого прославления героини происходит ее эстетизация, увековечивается ее эфемерное продолжение в ветре и памяти классной дамы. Образ Оли Мещерской постепенно развоплощается: физический облик → образ в памяти → речь → дыхание → его рассеивание в небе, ветре. Для этого и нужна была такая сложная композиция, для этого и введен внесюжетный персонаж — классная дама, чтобы образ Оли предстал в ее мечтах, ее памяти, чтобы в ее воспоминаниях прозвучали слова героини о легком дыхании, прозвучал вздох Оли, который затем рассеялся «в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре» [Бунин 4: 360].

От разговора о соотношении сюжета и фабулы необходимо перейти к рассмотрению особенностей композиции произведения, показать ее сложность, ретроспективность. Л.С. Выготский сделал пневмографическую запись дыхания при чтении этого рассказа и обратил внимание на то, что оно остается ровным, легким, не сбивается, хотя в основе сюжета лежит трагическое событие — гибель гимназистки Оли Мещерской. Он объяснил этот эффект использованием приема ретроспекции, благодаря которому снимается напряжение, поскольку читатель с самого начала знает о смерти героини, а момент выстрела как бы теряется в массе подробностей.

Нужно отметить также использование таких композиционных приемов, как повтор и антитеза. Эти приемы тоже служат эстетизации образа Оли Мещерской, поскольку его сопровождают мотивы ветра, свежести, дыхания, блеска. А с помощью приема антитезы героиня противопоставлена толпе, из которой она выделяется; начальнице (соблюдение норм, строгость, раздражительность / нарушение норм, беспечность, спокойствие), Малютину (немолодой / юная), казачьему офицеру (некрасивый и плебейского вида / из состоятельной семьи, воплощение красоты), классной даме (живущая выдумкой немолодая девушка / живущая полной жизнью юная женщина), подруге Субботиной (полная, высокая / изящная). Образы начальницы и классной дамы, Малютина и казачьего офицера часто сливаются в читательском восприятии, поскольку эти образы невыразительны, они являются лишь фоном, частью безликой толпы, на котором еще ярче выделяется образ Оли Мещерской, который в восприятии читателя вызывает сравнение с порхающей яркой бабочкой. «Говоря образно, она все время, как бабочка, выпархивает из рамок, норм поведения, возрастов, жизни, смерти» [Жолковский: 118].

Необходимо также затронуть проблему интерпретации образа Оли Мещерской, поскольку широк диапазон трактовок этого образа: от «беспутной гимназистки» (Выготский Л.С.) до «идеала истинной женской прелести, и духовной, и физической» (Антонов С.П.). Анализ рассказа позволяет понять, что это две крайности в оценке героини. Автор далек и от идеализации, и от моральных оценок поступков героини. Он создает эстетически (но не этически) прекрасный образ, любит легкостью и беспечностью своей героини.

Анализ художественного произведения неотделим от его интерпретации, истолкования образов, проблематики, идейного содержания. В этой связи необходимо помнить, что интерпретация зависит не только от читательского восприятия, но, прежде всего, от структуры самого текста, проявляющей авторскую позицию. Обращаясь к проблеме интерпретации, целесообразно исходить из концепции М.М. Бахтина, согласно которой читатель вступает в диалогические отношения с автором [Бахтин]. Читатель привносит в произведение свои смыслы, но наличие авторской позиции, устройство литературного текста программирует тот или иной способ его чтения и истолкования.

В рассказе А.П. Чехова «Душечка» доминантой будет композиция, поэтому анализ ее опорных точек, действия композиционных приемов, позволит выявить неоднозначность образа главной героини и авторского отношения к нему. Система повторов и противопоставлений позволяет понять, как в четырех историях о привязанностях Душечки раскрывается образ героини.

С одной стороны, мы видим, как с каждой историей нарастает авторская ирония по отношению к Душечке, поскольку героиня каждый раз ведет себя одинаково, хотя меняются объекты привязанности: проникается интересами мужа / любовника / ребенка, заботится о них, повторяет их слова, выдавая за свое мнение, даже если это противоречит тому, что она утверждала прежде. В данном случае используется прием противопоставления, посредством которого также проявляется авторская ирония. Когда она остается одна, то не вспоминает о своих прежних привязанностях, чувствах, переживаниях, словах, ей нечем заполнить свою душевную пустоту: «теперь же и среди мыслей, и в сердце у нее была такая же пустота, как на дворе» [Чехов 10: 110].

Читатели обычно не замечают, что, сочувствуя вымышленным невзгодам Кукина, проявляя заботу о Пустовалове и ветеринаре, Оленька совершенно забывает о больном отце. О нем говорится в трех разных частях рассказа, но как бы проходя, без акцента. Сначала Оленька представлена как дочь отставного коллежского асессора Племянникова, затем сказано, что «она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал...» [Там же: 103], а спустя время: «Отец давно уже умер, и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки» [Там же: 109]. Причина не в бездушии или равнодушии Оленьки, а в том, что героиня может любить только кого-то одного, кто находится рядом, перед глазами, и любит всех одинаковой любовью. Поэтому назвать героиню воплощением истинного предназначения женщины, как это сделал Л.Н. Толстой, нельзя. Отношение автора к героине иное, более противоречивое.

На протяжении почти всего рассказа мы видим, как автор иронизирует над Душечкой, приземляет ее, то сравнивая «с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха» [Там же: 104], то подбирая снижающее прозаичное сравнение для показа ее душевного состояния: «И так жутко и так горько, как будто объелась полыни» [Там же: 110].

Портрет героини тоже строится по принципу нарастания телесности: «Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая...» [Там же: 103]. Если в рассказе И.А. Бунина автор развоплощал героиню, постепенно лишая ее образ телесности, то А.П. Чехов, напротив, не дает воспарить героине, ее бескрылой душе.

Однако к концу рассказа авторская тональность меняется. Прием противопоставления, который раньше работал против Душечки, теперь, когда она сравнивается с женой Смирнина, высвечивает ее лучшие душевные качества. Ирония сменяется лирикой, дважды появляется несобственно-прямая речь, в которой автор говорит за героиню, выражая ей свое сочувствие. Видимо, из сострадания к ней он оставляет открытым финал, поскольку инерция повтора задает определенное развитие событий, ведь не зря Оленька приходит в такое отчаяние, когда слышит стук в ворота.

В связи с образом Душечки также возникает проблема адекватности множественных интерпретаций этого образа. В.Б. Катаев в своем исследовании привел диапазон читательских интерпретаций характера героини: от олицетворения душевной пустоты, беспринципности и покорности до воплощения истинного предназначения женщины [Катаев].

Более сложной разновидностью рассматриваемого нами подхода будет сравнение доминант одной категории из двух разных произведений: пространственных образов, временной организации, предметного мира, образов главных героев, речевой характеристики, структурных элементов.

В процессе анализа рассказов А.П. Чехова «Ионыч» и «Учитель словесности» анализ образов главных героев позволяет выявить причины деградации доктора Старцева и «пробуждения» к сознательной жизни учителя Никитина. В обоих случаях перед нами героини-интеллигенты с интеллектуальным и культурным потенциалом, погружающиеся в атмосферу пошлости и обыденщины. Ионыч, несмотря на свою способность к анализу ситуации, свое раздражение пустотой жизни обывателей провинциального городка, не сопротивляется этому опошлению, перекладывая вину на общество, оправдывая себя влиянием среды: «Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь — сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей...» [Чехов 10: 38]. Процесс деградации героя и постепенное дистанцирование от него автора можно увидеть, проанализировав структуру повествования в рассказе [Федорова]. Никитин, напротив, вдруг посмотрев на свою жизнь критически, захотел изменить эту жизнь на другую, сознательную, деятельную, «которая не в ладу с покоем и личным счастьем». «Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны» [Чехов 8: 330]. У героя вдруг спала с глаз пелена, он понял, что его счастливая семейная жизнь оказалась самообманом, он увидел окружающую его пошлость; самодовольство сменилось недовольством собой. И если душа Ионыча со временем мертва, то душа Никитина «просыпается» к новой жизни.

В повестях Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» доминантными в плане поэтики являются художественные детали (портрет, пейзаж, вещь), поскольку художественный мир этих повестей чрезвычайно насыщен деталями, особенно вещными. Из сопоставления повестей будет очевидно, что в «Старосветских помещиках» художественные детали являются частью идиллического мира, показана поэзия домашнего быта, а в «Повести о том, как поссорился Иван

Иваныч с Иваном Никифориным» они создают атмосферу прозаичности и приземленности, вещи выступают как знаки благосостояния и положения человека в обществе, важна их принадлежность какому-либо владельцу, поэтому они выполняют разъединяющую функцию.

На другом уровне доминантной в этих повестях будет пространственная организация. Это отмечал Ю.М. Лотман: «В “Старосветских помещиках” структура пространства становится одним из главных выразительных средств» [Лотман: 267]. Главное отличительное свойство пространства помещиков в повести «Старосветские помещики» — его отгороженность, закрытость, которая многократно усилена несколькими сужающимися к дому кольцевыми границами: «Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осененные вербами, бузиной и грушами» [Гоголь 2: 13], — что придает ему свойства мифопоэтического пространства, в котором время идет по кругу, циклично. Такое сочетание пространственно-временных характеристик организует мир помещиков по принципу идиллического хронотопа, который к концу повести разрушается ходом исторического времени.

В «Повести о том, как поссорился Иван Иваныч с Иваном Никифориным» пространство дискретное, оно поделено внутренними границами на изолированные территории. Маленькие мирки, составляющие чью-то собственность, разгораживает плетень — главная примета городского пейзажа: «Направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень». Н.В. Гоголь показывает всеобщее обособление, разрушение единого пространства и духовного единства. «Город» разрушает «мир».

В рассказах И.А. Бунина «В одной знакомой улице» и «Холодная осень» доминантой будет временная организация художественного мира, анализ которой позволяет сделать вывод, что, при их тематической близости (и там, и там воспоминание о пережитом в молодости чувстве), они повествуют о разном чувстве и его влиянии на последующую жизнь. В обоих рассказах ретроспективная композиция, повествование от 1-го лица, субъективное время. В обоих случаях время замедляется и останавливается в сцене свидания, только в рассказе «В одной знакомой улице» это очередное свидание, а в рассказе «Холодная осень» — прощальное. В рассказе «В одной знакомой улице» есть и сцена прощального свидания, но не на ней сконцентрированы воспоминания, а на сцене горячих поцелуев и жарких объятий в холодном мезонине деревянного мещанского домишки на одной из заснеженных московских улиц. После прощального свидания воспоминания обрываются: «Больше ничего не помню. Ничего больше и не было» [Бунин 7: 175]. Это было сиюминутное, спонтанное воспоминание о пережитой в юности страсти, возникшее под впечатлением от парижской ночи и навеянное стихотворением Я.П. Полонского.

Н.А. Николина обратила внимание, что в рассказе «Холодная осень» «неравномерности членения временного потока соответствует композиционно-синтаксическое членение текста — его абзацное строение, которое также служит способом концептуализации времени» [Николина: 142]. Противопоставляются друг другу первая и вторая композиционные части рассказа по признаку «значимость / незначимость». Первая часть характеризуется дробностью абзацного членения: в сцене прощального свидания все дается крупным планом, все значимо для героини, навсегда запечатлелись в памяти каждая подробность,

жест, слово. «Длительности прощального вечера противопоставлена во второй части рассказа суммарная характеристика последующих тридцати лет жизни рассказчика» [Там же: 141]. Анализ временной организации как доминанты рассказа позволяет понять, что героиня сохранила свою любовь на всю жизнь, она стала единственным ее содержанием и смыслом, остальное — лишь «не-нужный сон». Будущее время героини связано уже с вечностью и ожиданием встречи в ином мире.

В «маленькой трилогии» А.П. Чехова доминантной является структура повествования. По наблюдению М.Л. Семановой, каждый из главных персонажей является то рассказчиком, то слушателем, при этом заметна градация, проявляющаяся в том, что «сами “случаи” расположены в трилогии от более далекого к близкому, интимному» [Семанова: 145]. В ходе анализа можно составить речевой портрет каждого рассказчика, рассмотреть смену способов повествования, точек зрения, степень сближения речевых сфер автора и персонажа, однако довольно сложно определить, насколько автор разделяет позиции своих героев, насколько его оценки совпадают с их суждениями. Анализ доминанты выводит на понимание объективной авторской позиции. Это типичная для А.П. Чехова манера повествования в рассказах конца 1890-х — начала 1900-х годов.

Таким образом, выборочное рассмотрение доминантных аспектов или категорий художественного текста не противоречит принципам целостного анализа. Выборочный анализ акцентирует внимание на основных идейно-эстетических особенностях текста в их взаимосвязи. Поэтому оправданным является определение его как целостно-выборочного, поскольку он предполагает взаимосвязь и взаимозависимость содержательных и стилистических доминант. Определение доминант подсказывает кратчайшие пути анализа, которые позволят выйти на понимание идейно-художественного своеобразия произведения и выявление авторской позиции.

Список источников

- Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. А.С. Мясникова. М.: Художественная литература, 1965—1967.
- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / гл. ред. Н.Л. Мещеряков. М.: Изд-во АН СССР, 1937—1952.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / гл. ред. Н.Ф. Бельчиков. М.: Наука, 1974—1982.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст — 1974: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. С. 203—212.
- (Bakhtin M.M. On the methodology of literary criticism, *Context — 1974: Literary and theoretical research*, Moscow, 1975, pp. 203—212. — In Russ.)
- Выготский Л.С. «Легкое дыхание» // Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. С. 199—222.
- (Vygotskii L.S. “Easy breathing”, *Vygotskii L.S. Psychology of art*, Moscow, 1986, pp. 199—222. — In Russ.)
- Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2002. 528 с.
- (Girshman M.M. Literary work: the theory of artistic integrity, Moscow, 2002, 528 p. — In Russ.)
- Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, Наука, 1998. 248 с.
- (Esin A.B. Principles and techniques of literary work analysis, Moscow, 1998, 248 p. — In Russ.)

- Жолковский А.К. «Легкое дыхание» Бунина-Выготского семьдесят лет спустя // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука. Издательская фирма Восточная литература, 1994. С. 103—120.
(Zholkovskii A.K. “Easy breathing” Bunina-Vygotskogo seventy years later, *Zholkovskii A.K. Wandering dreams and other works*, Moscow, 1994, pp. 103—120. — In Russ.)
- Катаев В.Б. Сложность простоты: рассказы и пьесы Чехова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. С. 30—40.
(Kataev V.B. The complexity of simplicity: Chekhov's stories and plays, Moscow, 1998, pp. 30—40. — In Russ.)
- Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 112 с.
(Korman B.O. Studying the text of a work of art, Moscow, 1972, 112 p. — In Russ.)
- Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / предисл. и составл. В.И. Чулкова. Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
(Korman B.O. Selected works on the theory and history of literature, comp. by V.I. Chulkov, Izhevsk, 1992, 236 p. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
(Lotman Yu.M. At the school of the poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol', Moscow, 1988, 352 p. — In Russ.)
- Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
(Nikolina N.A. Philological analysis of the text, Moscow, 2003, 256 p. — In Russ.)
- Семанова М.Л. Чехов-художник. М.: Просвещение, 1976. С. 144—152.
(Semanova M.L. Chekhov is an artist, Moscow, 1976, pp. 144—152. — In Russ.)
- Соловьёва Ф.Е. Категория доминанты в психологии, литературоведении и методике преподавания литературы в школе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86), ч. 2. С. 423—426.
(Solov'eva F.E. The dominant category in psychology, literary studies and methods of teaching literature at school, *Philological sciences. Questions of theory and practice*, Tambov, 2018, no. 8 (86), pt. 2, pp. 423—426. — In Russ.)
- Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1971. 457 с.
(Timofeev L.I. Fundamentals of literary theory, Moscow, 1971, 457 p. — In Russ.)
- Федорова В.Г. Структура повествования как форма выражения авторской модальности в рассказах А.П. Чехова «Ионыч», «Душечка», «Невеста» // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: материалы VII Международной научной конференции. Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2022. С. 149—156.
(Fedorova V.G. The structure of the narrative as a form of expression of the author's modality in stories A.P. Chekhov “Ionych”, “Dushechka”, “The Bride”, “*General theoretical and typological problems of linguistics*”: *proceedings of the VII International Scientific Conference*, Biysk, 2022, pp. 149—156. — In Russ.)

THE PROBLEM OF A COMPLETE AND SELECTIVE ANALYSIS OF A LITERARY WORK BY DOMINANTS

Valentina G. Fedorova

Altai State Pedagogical University, Biysk branch named after V.M. Shukshin,
Biysk, Russian Federation, valentinagennadevna@yandex.ru

Abstract. The article considers the problem of a complete and selective analysis of a literary work by dominants, the relevance of which is determined by the needs of modern literary criticism. Based on the research of A.B. Yesin, the question is raised about the establishment of the dominants of a literary work, i.e. those artistic means that suggest the shortest ways of analysis, allowing to reveal the ideological and artistic originality of the work.

The definition of dominants is determined by the characteristics of an artistic work, is established to a large extent intuitively and mainly depends on the aesthetic sensitivity of the researcher, developed by practice. It is noted that the selective analysis is — at the same time — complete, since it involves considering the relationship between the content and stylistic dominants of the work; therefore, it can be called a complete and selective analysis. The main content of the article consists of examples of a complete and selective analysis of works of fiction by dominants. Using specific examples, it is shown that the appeal to the selective analysis of a work of art by dominants does not contradict the principle of integrity, according to which each element of the work should be considered as part of an artistic whole. The analysis of the dominants proceeds from the complete perception of the work and strives for a final synthesis. In connection with the problem of selective analysis, attention is also paid to the problem of the adequacy of the interpretation of a literary text.

Keywords: literary work, complete and selective analysis, meaningful dominants, stylistic dominants, the principle of integrity

For citation: Fedorova V.G. The problem of a complete and selective analysis of a literary work by dominants, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*. 2025, iss. 1, pp. 12—20.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 10.05.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 10.05.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Федорова Валентина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета, г. Бийск, Россия, fvalentinagen-nadevna@yandex.ru

Fedorova Valentina Gennadievna — Candidate of Sciences (Philology), associate professor of the Department of Russian Language and Literature, Altai State Pedagogical University, Biysk branch named after V.M. Shukshin, Biysk, Russian Federation, fvalentinagen-nadevna@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 21—26.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 21—26.

Научная статья

УДК 821.133.1-2

DOI: 10.46726/И.2025.1.3

ПРИЕМЫ ПАТАФИЗИКИ АЛЬФРЕДА ЖАРРИ В ПЬЕСЕ «КОРОЛЬ УБЮ»

Лидия Дмитриевна Хварцкия

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва,

Россия, khvartskiya.9634425@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются художественные особенности творчества французского драматурга-экспериментатора, автора эпатажной пьесы «Король Убю», положившей начало новому этапу в развития театрального искусства XX века. Избрав за основу поэтику кукольного театра, используя обновленный художественный язык и возможности актерской пластики, Жарри создал на сцене алогичную реальность без места, времени и действия. Основой действия становится патافизика. Это изобретенный Жарри «научный термин» объясняет абсурдность бытия, выходя за границы традиционного миропонимания. Творчество Жарри резко отличается от наследия предшественников и современников, так как он ниспровергает классические каноны в искусстве, придерживаясь принципов «патافизической науки», основывающейся на синтезе противоположностей. Автор статьи показывает, каким образом патافизическая концепция Жарри реализуется в пьесе «Король Убю». Языковая игра, литературные реминисценции и гротесковый персонаж Папаши Убю вскрывают алогичность и абсурд изображаемого. Таким образом, Жарри выходит за пределы театрального и эстетического канона, сообщая новый статус художественному слову.

Ключевые слова: Альфред Жарри, «Король Убю», теория патافизики, абсурд, парадокс

Для цитирования: Хварцкия Л.Д. Приемы патافизики Альфреда Жарри в пьесе «Король Убю» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 21—26.

Альфред Жарри (Alfred Jarry, 1873—1907) — французский драматург, предвестник абсурдистского течения во Франции, создатель теории патавифики, которая становится доминантой его творчества, проявляясь как в прозе, так и в построении нового явления в искусстве — театрального эпатажа.

В 1888 году А. Жарри начинает обучение в реннском лицее. К тому времени среди учеников сложилась традиция школьных драматических постановок. Лицейисты писали сценарии комедий в стиле Гиньоль, где главным персонажем на протяжении ряда лет становился не полюбившийся многим поколениям старшеклассников Ренна преподаватель точных наук — Феликс Эбер. Юный Жарри с большим воодушевлением включается в разработку сценария школьной комедии, именует главного персонажа Убю. Именно Жарри суждено будет написать эпатажную, ставшую «эпохальной», пьесу «Король Убю», взяв за основу сюжет лицейских сценических проб. Позже, когда пьеса публикуется уже под именем Жарри, автор делает следующую ремарку: «Полностью восстановленная в том виде, в каком она была представлена в кукольном Театре Фуйансов в 1888 году» [Жарри: 2].

© Хварцкия Л.Д., 2025

А. Жарри придумывает и термин, который положит, как он считает, начало развитию целого направления, точнее, «науке о предмете, дополняющем метафизику» — патафизики [Там же: 167]. Этимологию термина «патафизика» А. Жарри описывает в романе «Деяния и суждения доктора Фаустролля, патафизика» (“*Gestes et opinions du docteur Faustroll, pataphysicien*” опубл. 1911 г.): «Патафизика — поскольку этимология этого слова следующая: эпи (ме та физика), то полностью писать его следует как ‘патафизика, предваряя апострофом во избежание немудреных каламбуров — есть наука о том, что дополняет метафизику как в рамках оной, так и за ее пределами, причем за эти самые пределы ‘патафизика простирается столь же далеко, как метафизика — за границы обычной физики» [Там же: 167].

Драматург пускается в игру со словами: словоформа «патафизика» образуется от понятия «метафизика», а также вызывает ассоциации с медицинским термином «патология» — «(от греч. *pathos* — болезнь и *logos* — учение) наука о болезненных процессах в организме, исследующая все уклоняющиеся от нормы явления» [Большой словарь иностранных слов].

Патафизическая концепция подразумевает положение — «исключение есть правило», поскольку отклонение от нормы разрушает устоявшиеся, стереотипные смыслы, предполагая поиск новых. А. Жарри, «неведомый предшественник Хайдеггера, ... заставлял играть во французском языке латинский, старофранцузский, быть может, бретонский, давая жизнь французскому языку грядущего» [Делез: 67]. Отличаясь многозначностью, его художественное слово вбирает в себя очертания других слов, относящихся к определенному стилю и времени.

«Просто нужно найти язык особой косности, на котором можно что-то объяснить. Сказать и быть понятым», — признается драматург [Цит. по: Пелевина: 44]. В качестве яркого примера следует упомянуть неологизм “*merdre*”, возникающий как игровая вариация к нормативному “*merde*” и произносимый Папашей Убю в самом начале пьесы.

«Особый язык» строится через пародирование сложившейся культурной традиции, объектом пародирования становится классическая литература, а также символистская, современная драматургу. Так, в «Короле Убю» можно найти аллюзии на шекспировский сюжет. В карикатурных персонажах пьесы прочитываются образы трагедии «Макбет», поскольку Убю тоже решается на беспощадную расправу с королевской семьей Венцеслава после наставлений своей жены: «Как! Вы, бывший король Арагона, командуете на парадах полусотней солдат с палашами и рады, а ведь могли бы, взамен арагонской короны, водрузить на свою кочерыжку корону Польши» [Жарри: 4]. Травестия «Макбета» обнажает деспотизм Папаша Убю, но на фоне алогичности изображаемого сюжета. В эпиграфе к пьесе Жарри пишет: «Ибо затрясоху Папаша Убю башкою, то англичане с той поры его прозвали Шекеспером, и под сим именем до вас дошло премногое число отменнейших трагедий» [Там же: 2].

Современники Жарри насторожено относились к жанру пародий в литературе, считая его плагиатом, а не творчеством. Драматург иронично упоминает об этом в статье «О чем думаешь в театре», отмечая, что его незаслуженно обвинили в грубом подражании Шекспиру и Рабле и совсем не заметили «битву с Великим Хитрецом Ибсеном» [Там же: 92]. Вероятно, Жарри намекает на собственное травестийное прочтение триумфальной пьесы Ибсена «Пер Гюнт», в которой он исполнял роль тролля в театре «Эвр».

Жарри показывает, что «пародия» — эта «ирония в действии» [Барт: 64], имеет право на существование в сфере высокого искусства, открывая с другой стороны классические образы, вкладывает в них новые смыслы. Папаша Убю — «толстый Полишинель», трусливый король, в котором заключены самые отталкивающие черты буржуа: жадность и глупость, жестокость и безразличие к окружающим. Глупость Папаши Убю не знает предела, апофеоз его тупости гласит: «А не будь Польши, мир остался бы без поляков!» [Жарри: 39], — именно этими словами и завершается пьеса. Трусость показана как основа природы Папаши Убю и передается драматургом посредством темы раблезианского «телесного низа»: словно разыгрывая цепочку Рабле, Папаша кричит по ходу пьесы: «Ай-ай-ай! Ой-ой-ой! Меня проткнули, ранили, пронзили, причастили и похоронили!» [Там же: 27]. К тому же, «у него — из трех душ, известных Платону: души головы, сердца и брюха — лишь последняя не осталась в состоянии эмбриона» [Зингер: 170]. Раблезианский смех окрашивает «Короля Убю» в гротескные, шутовские тона.

Однако важно подчеркнуть разность «смеха Рабле — здорового, добродушного, праздничного» и «смеха Жарри — саркастичного, убийственного. Убю — раблезианский герой наоборот» [Рапопорт: 19].

Объединяя шекспировский трагизм с раблезианским смехом, а также, используя ненормативную лексику и искаженные слова, драматург создает патафизическую реальность, перестающую подчиняться законам логики, так как сама патафизическая наука «изучает законы, управляющие исключениями, и стремится объяснить тот иной мир, что дополняет наш» [Жарри: 167]. Здесь будет уместно упомянуть Ж. Делеза, который в работе «Критика и клиника» отмечает: «Для письма, нужно, наверное, чтобы родной язык опостылел до того, что синтаксические нововведения стали бы вычерчивать в нем своего рода иностранный язык, и чтобы вся речь, целиком и полностью, вывернулась наизнанку, показала обратную сторону всякого синтаксиса» [Делез: 10].

Основываясь на абсурде, теория патафизики А. Жарри переворачивает представление о мире как таковом, выворачивает наизнанку и дополняет метафизическое миропонимание*, заставляет иначе прочитывать стереотипные образы, утверждая необъятные возможности художественного слова: «Эта попытка превзойти метафизику уже давно хорошо известна. Мы находим ее в той или иной степени у Ницше, Маркса и Хайдеггера. И единственное подходящее для нее название было предложено Жарри: патафизика» [Наумов: 456].

Если учитывать, что язык — это отражение эпохи, можно предположить, что А. Жарри задумал произведение, идейное содержание которого было направлено не только на обновление шаблонного языка, но и заключало в себе контркультурное начало, нацеленное против позитивизма Литтре, Тэна и Ренана. Неслучайно пьесу «Король Убю» современники называли: «“новой битвой Эрнани” против театрального академизма и буржуа» [Жарри: 304].

Пародируя Шекспира, Жарри не превращает «Короля Убю» в комедию, в ее классическом понимании. Смех играет иную роль, так как он служит средством эмоционального воздействия на зрительское восприятие. Гротескный Папаша Убю описан как смешной и ужасающий одновременно. Глупая безграмотная речь и нелепые поступки короля Убю смешны: «Трах-тебе-в-брюх,

* Свою известность теория «патафизики» приобретает гораздо позже. Этому способствует Коллеж Патафизики, который был открыт в 1948 году (существующий по сей день) — сообщество представителей различных областей искусства, в свое время его членами были Э. Ионеско, У. Экко.

секир-финанс, эй там, госпожа Финансиська, мое дело — говорить, раскрывая уши, а ваше — раскрывать рот да слушать. То есть наоборот! Вечно вы меня сбиваете с толку и выставляете дурнем. Убю-разубю!» [Жарри: 22]. Драматург показывает, как глупость и трусость приводят к страшным последствиям, которые уже не выглядят смешными: «Так вот, финансовые дела складываются неплохо. Каждый день по улицам рыскают рвичулок-терьеры, да и набеймошеники работают не покладая рук. Куда ни кинешь взор — повсюду сожженные дома, да обремененные подналожники» [Там же]. Он категорично отвечал отказом на то, чтобы его Папаша Убю в премьерном спектакле 10 декабря 1896 предстал перед зрителями в трагедийной форме (на чем настаивал Орельен-Мари Люнье-По, директор театра «Эвр»), поскольку для него «все смешно и несерьезно, серьезен только смех. Нелепости и абсурд, вносимые этим миром, оказываются, наоборот, истинным соединительным внутренним началом другого, внешнего» [Бахтин: 243]. Драматургия Жарри доказывает, что комический эффект может быть достигнут и посредством «серьезного юмора» [Хьюгилл: 33], чтобы заставить зрителя задуматься о себе и о жизни.

Многоплановость художественного слова А. Жарри позволяет видеть в образе Папаши Убю как черты надменного буржуа, так и безжалостного политического деятеля, стремящегося к власти любыми путями. Во вступительном слове перед зрителями на премьере «Короля Убю» драматург подчеркнул многозначность главного персонажа: «Вы совершенно свободны видеть в г-не Убю столько скрытых смыслов, сколько пожелаете — или напротив, принимать его как обычную марионетку, в которую волею школяра превратился один из учителей, олицетворявший для автора подобной трансформации все то комичное и уродливое, что наполняет наш мир» [Жарри: 85].

Гротескный образ Папаши Убю, готового пролить «море крови», отравляя всех «в люк» без объяснения причины, обличая жестокость, глупость и гнусность механизма жажды власти, станет понятен только после двух мировых войн. Именно поэтому драматургия Жарри осталась не оценённой со стороны современников.

«Король Убю» служит мостом между классической и авангардной культурой, включает в себя многочисленные отсылки к разным культурно-историческим периодам, политическим и творческим деятелям, соединяя противоположности: комические, трагические, реальные и фантастические пласты. Свою задачу драматург усматривает в избавлении искусства театра от оков внешней достоверности, в особенности в пластике актеров — марионеточная жестикulyция, статичность маски, монотонность голоса, техника кукольных представлений, поскольку патафизический взгляд на мир требует отказа от принципа правдоподобия классического театра. Эпатажная драматургия противопоставляет мир воображаемый миру реальному.

А. Жарри осознает раньше других общий характер XIX века, в котором «во всех явлениях культуры игровой фактор заметен отступает на второй план. Как духовная, так и материальная организация общества были препятствием для сколько-нибудь явного воздействия этого фактора» [Хейзинга: 126].

Творческое наследие Альфреда Жарри не столь велико и в историю мировой литературы его имя вписано как автора единственной пьесы «Короля Убю», однако можем предположить, что Папаша Убю вместил в себя основы будущего авангардного театра, начиная от дадаизма и сюрреализма и оканчивая театром абсурда.

Список источников

- Жарри А. Убю король и другие произведения / сост. общ. ред. и коммент. Г.К. Косикова. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2002. 385 с.
- Большой словарь иностранных слов. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 10.03.2024).

Список литературы / References

- Барт Р. S/Z / под ред. Г.К. Косикова. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с. (Bart R. S/Z, ed. by G.K. Kosikov, 2nd ed, Moscow, 2001, 232 p. — In Russ.)
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 545 с. (Bakhtin M.M. The work of François Rabelais and popular culture of the Middle Ages and Renaissance, Moscow, 1965, 545 p. — In Russ.)
- Делез Ж. Критика и клиника / пер. с фр. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина; послесл. и примеч. С.Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. 240 с. (Deleuze J. Critique and Clinic, transl. from French by O.E. Volchek and S.L. Fokina, St. Petersburg, 2002, 240 p. — In Russ.)
- Зингер Г. Трагифарсы Альфреда Жарри // Театр. 1990. № 9. С. 168—180. (Zinger G. The tragifarces of Alfred Jarry, *Theatre*, 1990, no. 9, pp. 168—180. — In Russ.)
- Наумов О.Д. Патафизические интенции в творчестве Жюль Делёза // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. Красноярск, 2018. С. 454—456. (Naumov O.D. Pataphysical Intentions in the Work of Gilles Deleuze, *Science and education: experience, problems, prospects of development. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Part II*, Krasnoyarsk, 2018, pp. 454—456. — In Russ.)
- Пелевина Л.К. Синхрония и диахрония в языке Альфреда Жарри // Древняя и Новая Рومания. 2016. № 18. С. 43—46. (Peleвина L.K. Synchrony and diachrony in the language of Alfred Jarry, *Ancient and New Romania*, 2016, no. 18, pp. 43—46. — In Russ.)
- Рапопорт Н.А. Проблема театрального гротеска и драматургия Альфреда Жарри: автореф. дис. ... канд. искусствовед. наук. М., 1993. 23 с. (Rapoport N.A. The Problem of the Theatrical Grotesque and the Dramaturgy of Alfred Jarry: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Art History), Moscow, 1993, 23 p. — In Russ.)
- Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с. (Kheizinga I. Homo ludens. The man at play, comp., transl. from Netherlands by D.V. Silvestrov, St. Petersburg, 2011, 416 p. — In Russ.)
- Хьюгилл Э. Патафизика: Бесплезный путеводитель / пер. с англ. В. Садовского; общ. ред. С. Дубина. М.: Гилея, 2017. 432 с. (Hugill E. Pataphysics: A Useless Guide, transl. from English by V. Sadovsky; ed. by S. Dubin, Moscow, 2017, 432 p. — In Russ.)

PATAPHYSICS TECHNIQUES BY ALFRED JARRY IN THE PLAY “THE KING OF UBU”

Lidiya D. Khvartskiya

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow,
Russian Federation, khvartskiya.9634425@gmail.com

Abstract. The article examines the artistic features of the work of the great French experimental playwright, author of the famous shocking play “King Ubu”. Having chosen the poetics of puppet theater as a basis, using an updated artistic language and the universality

of acting, the premiere of “King Ubu” marked the beginning of a new stage in the history of the development of theatrical art. Jarry created an illogical reality on stage, in which it is impossible to accurately determine the place and time of action. The theory of pataphysics by A. Jarry is a “scientific concept” invented by the author, which tries to explain the absurdity of existence, going beyond the boundaries of the traditional, metaphysical understanding of the world. The work of A. Jarry differs sharply from the legacy of his predecessors and contemporaries, since he overthrows the classical canons in art while adhering to the principles of “pataphysical science”, based on the synthesis of opposites. It is shown how Jarry's pataphysical conception is implemented in the text of the play “King Ubu” at the level of language. Using a playful approach to language, choosing the grotesque as the basis of the artistic language, A. Jarry reveals the illogicality of the depicted plot, presenting a multifaceted reading of the image of Papa Ubu. It is concluded that A. Jarry stepped over established aesthetic canons, experimented both with genre forms in his works and with language. Thus, the playwright needed a special kind of word that would go beyond traditional metaphysical thinking. Enriching his text with literary reminiscences, affirming the playful principle in language, Jarry gives a new status to the artistic word. The work used the strategies of comparative historical literary criticism, hermeneutic and intertextual methods.

Keywords: Alfred Jarry, “King Ubu”, theory of pataphysics, absurdity, paradox

For citation: Khvartskiya L.D. Pataphysics techniques by Alfred Jarry in the play “The King of Ubu”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 21—26.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 28.04.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Хварцкия Лидия Дмитриевна — аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, khvartskiya.9634425@gmail.com

Khvartskiya Lidiya Dmitriyevna — Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, khvartskiya.9634425@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 27—33.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 27—33.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"1992/..."

DOI: 10.46726/И.2025.1.4

БЕРЛИН В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ (ПО РОМАНУ АНАИТ САГОЯН «ДОМ ИЗ ПАРАФИНА»)

Диана Юрьевна Сырысева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия,
syryseva97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образа Берлина, показанного в романе «Дом из парафина» современной русскоязычной писательницы Анаит Сагоян через призму экзистенциальной рефлексии. Экзистенциальное начало, проявляющееся в романе как на уровне макропоэтики (усложнение композиции), так и на уровне микропоэтики (мотивы пустоты, одиночества, умирания, страха; образность, актуализирующая данную эстетику), задает особую оптику восприятия Берлина. Репрезентация городского пространства предельно субъективизируется (герои не только размышляют о городе, но и живут в нем), задается с помощью приемов киноискусства и искусства фотографии (взгляд героя как ракурс камеры; ассоциативный монтаж; крупный, общий планы). Делается попытка ввести в научно-исследовательский оборот творчество писательницы, которая, с одной стороны, органично продолжает традиции русских писателей-эмигрантов (В. Набоков) и апеллирует к их опыту познания и описания чужого города, с другой стороны, актуализует особый код прочтения окружающей действительности (берлинский текст). Делаются выводы о том, что Берлин в романе не только становится одним из основных мест действия, но и транслирует особую эстетику, становится мифогенным.

Ключевые слова: экзистенциализм, берлинский текст, пространство, миф, рефлексия, время

Для цитирования: Сырысева Д.Ю. Берлин в экзистенциальной рефлексии (по роману Анаит Сагоян «Дом из парафина») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 27—33.

В современной русскоязычной литературе, создающейся писательницами-армянками, особую значимость приобретает проблематика, которую описывает диалектическая триада «Свой — Иной/Другой — Чужой», которая находит свое выражение в таких дихотомиях, как *дом — бездомье* (Анаит Сагоян «Дом из парафина», Гай Маркос «Тун. Лето в розовом городе», Наринэ Абгарян «Манюня», «С неба упали три яблока») и *город — провинция* (Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока», Анаит Григорян «Поселок на реке Оредеж»), характеризующих пространственно-временную организацию повествования. Часто тональность этих дихотомий задается в заглавии произведений («Дом из парафина» Анаит Сагоян, «Тун. Лето в розовом городе» Гай Маркос, «Поселок на реке Оредеж» Анаит Григорян), где делается акцент на специфике изображения места действия.

Одним из основных мест действия в романе «Дом из парафина» становится Берлин, город, транслирующий особые смыслы, что дало возможность

исследователям говорить о «берлинском тексте» как русской, так и немецкой литератур. В немецкой литературе берлинский текст складывается с начала XX века. Хотя О. Дронова показывает, что первые «берлинские новеллы» возникают в творчестве Э.Т.А. Гофмана. В немецком натурализме (К. Альберти, Г. Конради, М. Кретцер) появляются черты мифологизации: в характеристике Берлина выделяются черты «города-организма, города-чудовища, города-противника героя» [Дронова: 71]. М. Кретцер введет метафорику «Берлин — Вавилон», которая «станет одной из основополагающих в берлинском мифе литературы модернизма» [Там же: 72]. Эта мифологема получит дальнейшее развитие в творчестве А. Деблина («Берлин Александерплац» 1929 г.), также в творчестве современных немецких прозаиков — Райнхарда Йиргля и Торстена Нагельшмидта. Г. Ишимбаева, обращаясь к произведениям современных авторов (Ф. Кучера «Берлин — Вавилон» и Э. Ларсона «В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине»), пыталась показать, как образ города может создаваться в стилистике нуара, особой эстетике, которая берет свое начало в кинематографе [Ишимбаева]. Как отмечала О. Уиллис, из-за того, что Берлин только в 1871 году стал столицей, в культурном сознании немцев произошло некоторое разделение — «сердце Германии находилось в столице Баварии — Мюнхене», а Берлин пугал «своим космополитизмом и интеллектуальным снобизмом» [Уиллис: 31]. В современных исследованиях, посвященных местам Берлина, используются такие определения: «Mythos Berlin (мифический город), Die verlorene Stadt (потерянный город), Die unwirkliche Stadt (нереальный город)» [Там же]. О. Уиллис прочерчивает несколько иной генезис берлинского текста, указывая, что начало ему было положено в романе 1857 года «Хроника Шперлингсгассе» В. Раабе, а заметную роль в дальнейшем его становлении и мифологизации сыграли немецкие экспрессионисты 1909—1910 гг., группировавшиеся «вокруг изданий *Der Sturm* и *Die Aktion*» [Там же: 32].

В русской литературе берлинский текст связывается с творчеством писателей-эмигрантов, которые в 1920-х годах оказывались в Германии [Русский Берлин]. Образ Берлина подробно рассматривался в творчестве В. Набокова [Уиллис; Шастина; Морев], выделялся как один из компонентов, конструирующих метатекст [Морев]. Русские писатели-эмигранты переживали «своего рода пограничную ситуацию», экзистенциальную заброшенность «в чужой, непонятный мир, посторонность, одиночество», пытаясь изжить свои чувства в творчестве [Семенова: 507]. Отдельно к проблематике, относящейся к берлинскому тексту, примыкает жанр берлинского очерка, в котором творили писатели, оказывавшиеся в Берлине по разным причинам (например, В. Маяковский, Н. Никитин и др.) [Пономарев].

Остановимся более подробно на романе 2021 г. «Дом из парафина» Анаит Сагоян, в котором образ чужого города связывается с образом города Берлина. Нужно отметить, что писательница сама в данный момент проживает в Берлине. Роман представляет интерес не только благодаря экзистенциальной рефлексии, связанной с осознанием героями своего места в мире, но и благодаря интермедийной составляющей, связанной с приемами кино- и фотоискусства (Анаит Сагоян — фотограф). В романе рассказывается о судьбе двух эмигрантов конца XX века, после жизненных коллизий оказавшихся в Берлине, — Александра (Алекса, Сандрика) Григоряна, русскоязычного армянина, покинувшего Тбилиси, и Марии Радде, репатриантки с далеких Командорских островов. Их встреча происходит после трагической гибели Йенса, друга Сандрика, на кладбище. Тема смерти, одна из ключевых в романе, задает особый

ракурс опустошенности, печали, тоски, душевного одиночества. В романе также можно видеть черты психологической прозы (субъективизация повествования, рекурсивная техника (ассоциативные ряды, вызванные воспоминаниями), переживания травматического опыта, полилог сознаний и др.)

Каким же предстает Берлин на страницах роман? Повествование, как было указано выше, предельно субъективизировано, что приводит к тому, что одни и те же места (например, Берлин, Командорские острова, Тбилиси) описываются с точки зрения разных героев, как техника фокальных персонажей в кино. Образ Берлина создается с помощью цветового кода, в палитре которого доминируют контрастные цвета, «вообще, возникает ощущение, что изначально Берлин черно-белый, но кто-то его отретушировал легким, ненавязчивым касанием кисти» (143)¹, «а у берлинской зимы все тот же особый приглушенный цвет» (144). Герои ощущают «это наложение цвета» (143). Оказавшись на курорте Варнемюнде, недалеко от северного города Ростока, Сандрик чувствует, что на юге «оставлен Берлин с его захламленными улицами снаружи и белыми, вечно необжитыми стенами внутри» (163). Провинция (пляж, морские брызги, птицы, широта и простор) противопоставляется столице (мир поездов, узость). Сандрик так описывает свое состояние в квартире: «И освещение вокруг такое, будто смотришь диафильмы через стереоскоп: свет падает камерный и неровный. По краям сбита резкость. И отчего-то становится хорошо» (145). Сандрик — фотограф, поэтому его восприятие окружающего пространства так или иначе связывается с искусством фотографии, с визуальностью, игрой света и тени. Ночью его ощущение города меняется. Сандрик чувствует, что, когда «со всех сторон горят фонарные столбы», он обрастает «тремя тенями» (154). Это вызывает ассоциации с непрозрачностью главного героя романа В. Набокова «Приглашение на казнь». Герою романа А. Сагоян в чужом городе также необходима маскировка, как и Цинциннату Ц. Множественность теней, отражающихся в бликах солнца, также возникает в романе «Дар» (например, «Длинная тень носильщика, катящая тень тачки, втянула эту тень в себя, но она опять острым углом выперла на повороте» [Набоков: 405]). С помощью одорического кода дается характеристика улицам города: «Меня обдаёт терпкими берлинскими запахами, где намешано всего понемногу: от карри из узких переулков до пота с центральных проспектов» (145).

Берлин характеризуется либо с помощью введения в художественную канву романа определенных образов, либо с помощью описания знаковых мест городской среды, что способствует созданию особых мотивных структур. Так, например, мотив памяти вводится семантически нагруженными в романе образами (чайник, велосипеды, ключи). Подобная манера воссоздания связи с прошлым вызывает также ассоциации с повествовательной стратегией В. Набокова, а именно с реконструкцией утраченного прошлого по определенным фрагментам действительности. Особенно важным становится образ ключей. Если в романе «Дар» В. Набокова герои не могут попасть в квартиру (один комплект остается у родителей, другой — в прихожей), остаются снаружи, как бы вне дома, то в романе А. Сагоян Сандрик выкидывает ключи из окна квартиры на улицу, как будто желая остаться в квартире, обрести утраченный дом. Однако попытка Сандрика остаться в известном ему пространстве терпит крах: ключи возвращает Йенс, случайно зашедший провести друга. Герои обоих

¹ Здесь и далее текст романа приводится по изданию: [Сагоян] с указанием в скобках страниц.

романов оказываются в похожей ситуации бездомности (из-за отсутствия ключей или обретения ключей). А. Сагоян выстраивает сложные интертекстуальные связи с творчеством В. Набокова, в котором мотив утраченных ключей позволяет автору выразить «свое трагическое мировидение, мысль об иллюзорности, мнимости жизни» [Узбекова: 92], при этом у писательницы мировидение становится более трагедийным и пессимистичным, поскольку даже обретенные ключи не спасают от душевного кризиса главного героя.

Другая героиня А. Сагоян Мария Радде признается, что ей «хочется уже войти в квартиру и закрыться от города» (234). Сандрик и Мария пытаются спрятаться от одиночества, которое доминирует в Берлине. А. Сагоян как будто вспоминает строки В. Набокова («если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей, — впрочем, если не хотите, не надо, мне решительно все равно» [Набоков: 404]) еще раз, усиливая экзистенциальную проблематику, с одной стороны, и вводя мотив одиночества, с другой стороны: «Мы все — страдальцы сами по себе. Все наши слова — о своей личной боли. Все наши поступки — о своем личном спасении» (231). Напоминанием об утраченном мире прошлого становятся такие магазины, как интермаркет «Россия»: «Честное слово, кусочек родины в нашем маленьком Берлине. Сколько нас здесь таких: заглянем внутрь, а там артефакты из Москвы, Минска, Киева, Тбилиси, Казани» (199).

Набоковскими реминисценциями проникнуто описание пространственных вертикали и горизонтали. Герои часто смотрят из окна, что характерно для поэтики романов В. Набокова [Морев], связывается с киностилистикой (парцелляция, ассоциативный монтаж, общий и крупный планы) при выражении суггестивности мировосприятия, соединения пластов прошлого, уже утраченного, и настоящего: «Я отхожу от окна. Меня трясет. Опускаюсь, сажусь на самый край кровати и жду. Мама. Сейчас она поднимется. Я должен ей это сказать. Жду. Зазвенел будильник. Заревел поезд. Мое окно снова выглядывает в Берлин. В город, которому не хватает любви. Будто ему ночами снятся рассыпанные жемчужины и невидимая рука дающего» (151—152). Прошлое время как будто антропологизируется, а его гибель вызывает ассоциации с гибелью шахматиста Лужина из романа В. Набокова «Защита Лужина»: «Как будто прошлое застряло где-то в позвонках, запульсировало в висках, а потом вдруг выбралось, через окно перелезло и распласталось внизу, на асфальте» (153).

В Берлине доминирует чувство одиночества, отрешенности: «Спускаюсь по ступеням, выхожу на шумную улицу, а вокруг люди — мимо, мимо, вдоль по стрелкам» (145). Это чувство приводит к тому, что «мы ходим в обнимку с нашими воображаемыми друзьями. Говорим с ними, не открывая рта» (144). Контакт с другими людьми становится настолько болезненным, что герои приходят к неутешительному выводу, что лучше не извиняться, поскольку «произносишь ты *Entschuldigung*² и чувствуешь свою ущербность» (165). Герои сталкиваются с асоциальными элементами социума (террористы, отщепенцы и т. п.) в таких местах города, в которых странно, казалось бы, их встретить — в кофейне, в вагоне метро, на оживленной улице. Они часто становятся жертвами агрессии (например, при перестрелке в кофейне погибает Йенс). Рассуждения героев о напряженности в социуме звучат пессимистично: «Большие города учат привыкать к тому, что жизнь дана для страданий и разочарований, что счастье — это лишь нехватка информации» (350).

² Прошу прощения — пер. с нем. Д. Сырысева.

С восприятием Берлина связан мотив обмана, фальши. В художественной канве романа несколько раз повторяются рассуждения Сандрика («Есть ощущение, что меня обманывают. Показывают картинку, которая больше не соответствует действительности. То есть она как бы соответствовала раньше, но теперь уже нет» (143), что способствует ритмизации повествования как на структурном уровне, так и на идейно-содержательном.

Берлин под пером А. Сагоян мифогенен. Он как будто меняет природу окружающего мира: «Все дожди — кислотные. Все тела — аморфные. Мы, смазанные по контуру, шагаем навстречу друг другу, ловко выгибаясь в момент почти неизбежного контакта. А наши тени врастают друг в друга без стеснения и заминки, упиваясь случайными связями и уходя в них с головой. Без обещаний и обязательств. Как же это прекрасно» (155). В его природе есть что-то детское, игривое, трогательное и одновременно жестокое: «Берлин вообще — не совсем город. Это, скорее, ребенок, который смотрит наивно и с любопытством, почесывая при этом зад и щелкая подтяжками. А может и за хвост подвесить, и живот распороть. Тебе. Как дворовому коту. И после, забившись в угол, рыдать от своих открытий. А ты иди потом, зализывай раны, пока город снова втирается в доверие» (187). Герои видят именно в городе причину своих неудач, экзистенциального кризиса и душевного тупика: «Всему виной Берлин. Он — большой ребенок, и нам то же велел. Берлин людей как будто не очень-то и любит. В нем сложно раствориться. Это он хочет раствориться в каждом» (266). Героям кажется, что у Берлина есть какая-то inferнальная природа, что он — нереальный, потерянный город: «Но с ним точно что-то не так. Есть ощущение, что временной вакуум дал пробоину где-то в области Берлина, и Берлин вытекает в другое, совершенно безвременное пространство. Там он растекается, делится на сгустки, и все они кружатся, минуя друг друга, будто встречные кольцевые поезда. Но бывает, застынут, как от внезапного приступа, а потом трогаются в обратную сторону» (200). Эта нереальность приводит к тому, что «это уже не город. Это предчувствие, быющее тупым концом под дых, болезненная надорванность, недолюбленность, ранимость в местах, где уже было залатано, голод по чему-то застрявшему в памяти. Это хрупкость в закатные часы, как накануне большого свершения, больше, чем сам Берлин» (200—201).

Итак, в романе образ Берлина конструируется разными способами: введением определенных образов, ритмических и мотивных структур, приемами киностилистики. Писательницей показан мифогенный потенциал города (Берлин как ребенок). А. Сагоян разрабатывает представления о Берлине как потерянном, нереальном городе, следуя традициям мировой литературы, а экзистенциальная рефлексия наполняет этим представления новыми смыслами.

Список источников

- Сагоян А. Дом из парафина. М.: Городец, 2021. 416 с.
 Набоков В. Дар. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.
 Русский Берлин / составление, предисловие и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 368 с.

Список литературы / References

- Дронова О.А. Мифологема «Берлин — Вавилон» и берлинский текст современного немецкого романа // Диалог с античностью в междисциплинарном контексте. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 70—80.
 (Dronova O.A. Mythologem “Berlin — Babylon” and the Berlin text of the modern German novel, *Dialogue with antiquity in an interdisciplinary context*, Nizhny Novgorod, 2023, pp. 70—80. — In Russ.)

- Ишимбаева Г.Г. Берлин в стиле нуар: Фолькер Кучер и Эрик Ларсен // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 16: Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 166—174.
- (Ishimbaeva G.G. Berlin in the Noir Style: Volker Kutscher and Erik Larsen, *Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists*, vol. 16: Active Processes in Language and Literature: Sociocultural Foundations, Nizhny Novgorod, 2019, pp. 166—174. — In Russ.)
- Морев Д.А. Берлин как текст в метаромане В.В. Набокова и Э.М. Ремарка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 19 с.
- (Morev D.A. Berlin as a text in the meta-novel of V.V. Nabokov and E.M. Remarque: abstract of the dis. ... candidate of sciences (Philology), Moscow, 2008, 19 p. — In Russ.)
- Пономарев Е.Р. «Берлинский очерк» 1920-х годов как вариант петербургского текста // Вопросы литературы. 2013. № 3. С. 42—67.
- (Ponomarev E.R. “Berlin essay” of the 1920’s as a variant of the St. Petersburg text, *Problems of literature*, 2013, no. 3, pp. 42—67. — In Russ.)
- Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. Поэтика—Видение мира—Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 590 с.
- (Semenova S.G. Russian poetry and prose of the 1920’s—1930’s. Poetics—Vision of the world—Philosophy, Moscow, 2001, 590 p. — In Russ.)
- Узбекова Г.Ф. «Чужое слово» и символика ключей в русскоязычных романах В.Набокова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 3. С. 90—93.
- (Uzbekova G.F. “Someone else’s word” and the symbolism of keys in Russian-language novels by V. Nabokov, *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, 2016, no. 3, pp. 90—93. — In Russ.)
- Уиллис О. Городской пейзаж В. Набокова и «берлинский текст» немецкой литературы и искусства // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, Журналистика». 2008. № 3. С. 31—36.
- (Uillis O. The urban landscape of V. Nabokov and the “Berlin text” of German literature and art, *Bulletin of RUDN. Series “Literary criticism, Journalism”*, 2008, no. 3, pp. 31—36. — In Russ.)
- Шастина Е.М. «Берлинский текст» В.В. Набокова и Э. Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48): в 2 ч. Ч. I. С. 206—209.
- (Shastina E.M. “The Berlin Text” by V.V. Nabokov and E. Canetti, *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 2015, no. 6 (48): in 2 pts., pt. I, pp. 206—209. — In Russ.)

BERLIN IN EXISTENTIAL REFLECTION (BASED ON THE NOVEL “THE HOUSE OF PARAFFIN” BY ANAHIT SAGOYAN)

Diana Yu. Syryseva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, syryseva97@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the Berlin’s image shown in the novel “House of Paraffin” by the modern Russian-speaking writer Anahit Sagoyan through the prism of existential reflection. The existential principle, manifested in the novel both at the level of macropoetics (complication of composition) and at the level of micropoetics (motives of emptiness, loneliness, dying, fear; imagery that actualizes this aesthetics), sets a special optics for the perception of Berlin. The representation of urban space is extremely subjectivied (the characters not only think about the city, but also live in it); the urban space is also set by making use of the techniques of cinema and photography (the hero’s gaze as a camera angle; associative montage; close-up, general plans). An attempt is made to

introduce into scientific research the work of a writer who, on the one hand, organically continues the traditions of Russian emigrant writers (V. Nabokov) and appeals to their experience of knowing and describing a foreign city, on the other hand, actualizes a special code for reading the surrounding reality (“Berlin text”). Conclusions are drawn that Berlin in the novel not only becomes one of the main locations of action, but also conveys a special aesthetics and also becomes mythogenic.

Keywords: existentialism, Berlin text, space, myth, reflection, time

For citation: Syryseva D.Yu. Berlin in existential reflection (based on the novel “The House of Paraffin” by Anahit Sagoyan), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 27—33.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 28.07.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Сырысева Диана Юрьевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия, syryseva97@mail.ru

Syryseva Diana Yuryevna — Candidate of Sciences (Philology), junior research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, syryseva97@mail.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 34—44.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 34—44.

Научная статья

УДК 81'373

DOI: 10.46726/И.2025.1.5

ФРАЗЕОЛОГИЯ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А.С. ПУШКИНА

Арсен Александрович Хуснутдинов, Ирина Юрьевна Шишлова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

arsen1418@mail.ru, shishlovai@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей состава и употреблению фразеологии в произведении А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Изучение идиоматики отдельных авторов и произведений является актуальным направлением для современной фразеологии и фразеографии, однако комплексное описание идиом и устойчивых фраз в конкретных произведениях Пушкина еще не проводилось, что обуславливает новизну данного исследования. На основе анализа формы, значения, лексико-грамматических свойств разных типов фразеологических единиц определено, что для «Капитанской дочки» Пушкин привлекал широко известные и часто употребляемые в речи выражения, большинство из которых сохраняет актуальность и для современного русского языка. Фиксируется высокая частотность в тексте идиоматических единиц, при этом трансформированное использование идиом признается редким. В выявленных случаях трансформации Пушкин применяет наиболее известные и простые приемы преобразования, понятные читателю. В то же время в тексте широко представлены основные лексико-грамматические разряды русской фразеологии и типы варьирования формы идиом, а также вводятся разные по стилистической окраске единицы. Проанализированный материал свидетельствует о том, что при отборе и употреблении фразеологии Пушкин руководствовался стремлением не только показать богатство языка, но и сделать текст доступным и ясным, избегая сложной или непонятной читателю фразеологии.

Ключевые слова: Пушкин, фразеология, идиома, фразеологическая единица, устойчивая фраза

Для цитирования: Хуснутдинов А.А., Шишлова И.Ю. Фразеология в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 34—44.

Комплексное изучение фразеологии в отдельных художественных текстах остается одной из актуальных задач, стоящих перед фразеологической наукой. Фразеологизм как единица, обладающая широкими выразительными

возможностями и сложной семантической структурой, является неотъемлемой частью языка художественной литературы. Неслучайно и иллюстративным материалом для словарей фразеологии преимущественно являются контексты из художественных произведений: анализ состава и употребления фразеологических единиц в текстах разных эпох и авторов играет значительную роль в описании фразеологического фонда языка как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте.

Язык пушкинских произведений для выполнения такого описания является одной из крупнейших отправных точек, и не только потому, что А.С. Пушкин считается основоположником русского литературного языка, но и в силу того, что именно перед Пушкиным в свое время стояла особая задача «обогащения нашего литературного языка фразеологией» [Воробьев: 113]. Однако долгое время фразеология художественных текстов Пушкина оставалась недостаточно изученной и описывалась лишь sporadически. Так, в специальном «Словаре языка Пушкина» (1-е изд.: 1956—1961) фразеологизмы фиксировались наряду с лексикой, не получая специального лексикографического описания, а в изданной как дополнение к данному словарю монографии «Поэтическая фразеология Пушкина» рассматривались преимущественно поэтические перифразы, сравнительные обороты и метафоры [Григорьева, Иванова]. Позже в серии исследований О.П. Фесенко фразеология Пушкина рассматривается в общем контексте развития языка переписки пушкинской поры с последующим выходом на разработку словаря фразеологизмов дружеских писем [Фесенко]; Л.И. Козырев, выделяя в художественных текстах Пушкина вышедшие из употребления фразеологизмы-архаизмы, указывает на необходимость проведения полного описания фразеологии Пушкина с выяснением путей и причин архаизации тех или иных единиц [Козырев: 104], но вопрос об употреблении актуальной и для современного языка фразеологии подробно не рассматривает. Выпущенный А.П. Бесперстых в 2021 году словарь фразеологии А.С. Пушкина включает только идиоматику, или фразеологию в узком понимании («наиболее яркие» фразеологизмы из переписки и произведений Пушкина в количестве 785 единиц [Бесперстых: 4]). Однако представляется необходимым комплексное описание фразеологии Пушкина в широком смысле, т. е. с учетом не только идиоматики, но и пословиц, поговорок, которые Пушкин, как известно, не только «необычайно высоко ценил», но и широко употреблял как в произведениях, так и «в жизни» [Воробьев: 113].

Пожалуй, наиболее общее описание всех типов фразеологических единиц в текстах А.С. Пушкина разных жанров и стилей (критика, черновики, переписка, прозаические и поэтические произведения), в том числе и в сопоставительном аспекте с общим употреблением фразеологии XVIII и XIX—XX вв., было выполнено в исследованиях Ц. Цэрэндорж [Цэрэндорж]. Комплексное описание фразеологии отдельных произведений Пушкина, тем не менее, остается одной из еще не решенных задач, и особый интерес в этом плане представляет произведение «Капитанская дочка».

По замечаниям исследователей, наивысшей тонкости в употреблении фразеологии Пушкину удалось достичь именно в «Дубровском» и «Капитанской дочке» [Воробьев: 190]. С этим, в частности, связаны и трудности перевода «Капитанской дочки» на иностранные языки [Тун Цзин]. Состав устойчивых выражений в тексте «Капитанской дочки» разнообразен. Это сочетания терминологического характера типа *крестная мать*, *посаженный отец*, разнообразные по составу и назначению формулы этикета и обращений типа *ваши благородие*, *ваши превосходительство*, *за ваше здоровье*, *здравия желаю*, *счастливый*

путь, устойчивые фольклорные обозначения типа *добрый молодец, красная девица*, описательные обороты типа *быть в надежде, вменить в обязанность, держать ответ, приходить в повиновение, сделать вопрос*. Однако основная часть устойчивых выражений представлена двумя типами единиц: это устойчивые обороты предикативного характера¹ (пословицы, поговорки, крылатые выражения) и идиомы (фразеологические единства и фразеологические сращения по классификации В.В. Виноградова). Именно эти два типа сочетаний составляют корпус фразеологии данного произведения.

Всего в произведении фиксируется 472 идиоматических выражения и 983 фразеопотребления; 35 фразеопотреблений составляют устойчивые фразы. О том, насколько важное место в «Капитанской дочке» занимает фразеология, свидетельствует соотношение идиом со словами в тексте, показывающее высокую частотность идиоматических единиц: приблизительно 1:73 (472 идиомы и 34557 слов).

Устойчивые фразы в тексте «Капитанской дочки» представлены тремя видами: 1) пословицами (*С лихой собаки хоть шерсти клок. Из огня да в полымя.*), 2) поговорками (*Береги платье снову, а честь смолоду. Худой мир лучше доброй ссоры.*), 3) крылатыми выражениями (*Муж и жена один дух и едина плоть. Дай вам бог любовь да совет.*). При этом можно отметить следующие особенности их использования:

1) Для произведения Пушкин отбирает широко известные и часто употребляемые в речи выражения. У пословиц, которые в языке существуют в нескольких формах, Пушкин использует самые распространенные и частотные формы (ср. формы, фиксируемые словарями: «**С ЛИХОЙ/ПАРШИВОЙ СОБАКИ/ОВЦЫ ХОТЬ ШЕРСТИ КЛОК**» [Жуков: 281—282], у Пушкина: «“Вот видишь ли, сударь”, — сказал старик, — “что я не даром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок”» (484)². «**КОНЬ <И> О ЧЕТЫРЕХ НОГАХ, ДА <И ТОТ> СПОТЫКАЕТСЯ**» [Там же: 145] и **БЫЛЬ МОЛОДЦУ НЕ УКОР/УКОРА** [Там же: 54], у Пушкина: «А что с ним случилась такая оказия, то *быль молодцу не укора: конь и о четырех ногах, да спотыкается*» (444)). В целом устойчивые фразы, как правило, включаются в текст произведения в самом известном, распространенном и популярном варианте.

2) Устойчивые фразы всех типов преимущественно используются в качестве эпиграфов к главам и — чаще всего — в речи персонажей, при этом одна и та же фраза может использоваться в разных формах в пределах одного произведения (в эпиграфе: *береги честь смолоду*, далее в тексте: *Береги платье снову, а честь смолоду* (398)).

3) Крылатые выражения, используемые Пушкиным в тексте «Капитанской дочки», восходят как к письменным источникам (литературным: Библия, художественные произведения и т. д.), так и к устным (фольклорным: «*Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся*»; «*Закутим, запьем — и ворота запрем*»; «*Казнить так казнить, жаловать так жаловать*»; «*Дай вам*

¹ Устойчивые фразы в терминологии В.Л. Архангельского: поговорки, пословицы, крылатые выражения.

² Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: [Пушкин] с указанием в скобках страниц.

бог любовь да совет»), при этом ссылки на сами источники не приводятся. Содержание крылатых выражений понятно читателю без отсылок, они органично включаются в речь персонажей: «— *Ах! мой батюшка! — возразила комендантша; — да разве муж и жена не один дух и едина плоть?*» (432); «*Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние*» (467); «*Полно, старуха, — прервал отец Герасим. — Не всё то ври, что знаешь. Нетъ спасения во многом глаголании*» (514). В виде цитат включаются — обычно в эпиграфах — фрагменты других художественных текстов и фольклорных произведений — народных песен и сказок (см. эпиграфы к главам, песню «Не шуми, мати зеленая дубровушка» и сказку об орле и вороне в тексте повествователя). Особо следует выделить иносказательную речь Пугачева с хозяином, которая по форме похожа на устойчивые фразы, ср.: «*В огород летал конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо*»; «*Стали было к вечерни звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте*»; «*будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов*»; «*заткни топор за спину: лесничий ходит*» (411).

Таким образом, в тексте «Капитанской дочки» Пушкина устойчивые фразы занимают значительное место. Следует отметить, что для обозначения пословиц и поговорок Пушкин использует общее название «пословица», что было обычно для языка того времени.

Идиоматические выражения составляют другую часть фразеологии «Капитанской дочки». Использование идиом отличается по частотности: одни фразеологические единицы используются в тексте только один раз (*ангел божий, волосы становились дыбом, держать ухо востро, душа в душу, закусил язык, на краю гроба, ни жива ни мертва, по большей части, понюхает пороху, хоть глаз выколи, хоть куда* и др.), другие — до десяти раз (*в самом деле* (3), *мало-помалу* (5), *милости просим* (4), *может быть* (7), *на водку* (4), *на все четыре стороны* (2), *на хлеб и на воду* (2), *нечего сказать* (6), *по крайней мере* (7), *про себя* (8), *ради бога* (5), *сходить с ума* (5), *час от часу* (7) и др.), некоторые единицы — более десяти раз (*делать нечего* (10), *между тем* (17), *с видом* (19), *слава богу* (16) и др.). Частотное использование некоторых фразеологических единиц связано, во-первых, с тем, что сами эти единицы широко употребляются в речи (*в самом деле, может быть, ради бога, слава богу, сходить с ума*), во-вторых, с содержанием текста (*на водку, на хлеб и на воду, про себя*).

Можно говорить и о частотности отдельных компонентов идиом. Например, компоненты *бог* и *сердце* встречаются в следующих выражениях: *бог* *ведает как, бог* *весть, бог* *видит, бог* *даст, бог* *знает, бог* *милостив, бог* *не оставит (кого), бог* *принес, бог* *с ним, бог* *с тобою, бог* *тебе судья, бог* *тебя знает, бога* *молить (за кого, за что), бога* *не бояться, божье* *мой, божье* *праведный, божье* *ты мой милостивый; сердце* *замерло, сердце* *заныло, сердце* *исполнено, сердце* *екнуло, сердце* *сжалось (у кого)*.

В тексте «Капитанской дочки» используются почти все виды **варьирования** идиом³ (исключая варьирование по структуре, в целом редкое в языке):

а) формальное: *с первого взгляда / с первого взгляду; я те дам / я тебе дам; со своего плеча / с своего плеча;*

б) лексическое: *не приведи бог / не приведи господи; на хлеб да на воду / на хлеб и на воду;*

в) количественное: *бог знает / один бог знает; на белом свете / на свете; ни на минуту / ни на одну минуту; с сердечным трепетом / с трепетом.*

³ О типах варьирования см.: [Русская фразеология...: 53—54].

Встречаются и смешанные случаи вариативности, когда у одной единицы наблюдаются разные способы варьирования, например: *батюшко мой / батюшка ты мой / батюшки / батюшки мои; боже / боже мой / боже праведный / боже ты мой милостивый / Боже мой; отец мой / отец наш / отец наш милостивый / отец родной / отец родной / мой отец / отцы родные*. В целом можно сказать, что в тексте «Капитанской дочки» используются все виды вариантности, которые характерны для фразеологических единиц, причем Пушкин использует такие вариантные формы, которые хорошо известны русскому читателю и широко используются в живой речи.

Анализ идиом с точки зрения **значения** показал, что и здесь Пушкин использует фразеологические единицы в тех значениях, которые хорошо известны читателю и поэтому обеспечивают понимание текста. Для иллюстрации этого положения приведем следующий пример (идиомы в тексте выделены): *Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и врагом бутылки, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как невпример более полезную для желудка (394).*

Значение использованных идиом хорошо понятно читателю не только потому, что выражения *до крайности, прекрасный пол, хлебнуть лишнее* хорошо известны, но и потому, что они понятны из контекста. В случае же, если фразеологизм может оказаться неизвестным или непонятым читателю (здесь это сочетание *не был врагом бутылки*, т. е. не здесь этому также способствует использование идиомы с противоположным значением: *любил хлебнуть лишнее*, т. е. любил употреблять алкоголь в большом количестве). Отдельно следует отметить единицу *невпример*, для которой по современным орфографическим нормам характерно написание в три слова *не в пример*.

С точки зрения **лексико-грамматических свойств** в тексте «Капитанской дочки» представлены почти все лексико-грамматические разряды⁴ идиом: **именные единицы**: *враг бутылки, прекрасный пол, расположение духа, собачий сын, старая ведьма, старый пес, старый хрыч*; **глагольные**: *брать на себя, выйти из себя, дать слово, закусить язык, отправиться на тот свет, понюхать порошу, сходить с ума, сдерживать слово, хлебнуть лишнее и др.*; **адъективные**: *смотреть в могилу, вне себя, на краю гроба, не робкого десятка, ни жива ни мертва, сам не свой, семи пядень во лбу*; **адвербиальные**: *без умолку, вдоль и поперек, верою и правдой, во весь опор, до седых волос, душа в душу, как остолбенелый, куда глаза глядят, на сон грядущий, на старости лет, не на шутку, одним духом, от слова до слова, от чистого сердца, под пьяную руку, сто лет, то и дело и др.*; **глагольно-пропозициональные**: *бог вынес (кого), в чем душа держится (у кого), волосы становились дыбом, грех попутал (кого), грех попутал (кого), мороз пробежал по телу, небо с овчинку показалось (кому), черт несет (кого)*; **предикативно-оценочные**: *не судьба (кому что)*; **местоименные**: *ваша братья, наш брат, чем бог послал*; **модальные**: *ангел мой, беда да и только, воля ваша, велика беда, делать нечего, и то дело, милости просим, может быть, не ровен час, ни за какие*

⁴ О распределении фразеологизмов по лексико-грамматическим разрядам подробнее см.: [Русская фразеология...: 24].

благополучия, побойся бога, с богом, сделайте милость, слава богу, того и гляди; **междометные:** ахти господи, боже мой, господи царю небесный. **Неопределенно-количественные единицы** (с общим значением 'мало', 'немного', 'немало', 'много') в тексте отсутствуют. Возможно, это связано с тем, что общее число неопределенно-количественных фразеологических единиц по сравнению с другими (глагольными, адвербиальными именными, глагольно-пропозиционными и некоторыми другими) незначительно и составляет около одного процента от общего числа идиом в русском языке [Хуснутдинов: 13].

С точки зрения сферы употребления идиоматику «Капитанской дочки» в основном составляют единицы, которые могут быть отнесены к литературному языку, хотя можно выделить также фразеологические единицы просторечные и жаргонные, относящиеся, в частности, к военному или армейскому языку. Приведем примеры:

1) фразеология литературного языка: 1.1. **книжная:** враг бутылки, брать на себя труд, видеть благодать божью, дать сатисфакцию, до последнего издыхания, избавить из рук, класть на себя знамение креста, паче всякого чаяния, принадлежать истории, страха ради; 1.2. **разговорная:** хлебнуть лишнее, не робкого десятка, батюшки мои, без памяти, без умолку, бог весть, бог милостив, бог тебе судья, боже мой, в глаза, держать в ежовых рукавицах, в лицо, в могилу смотреть, в ногах, в рот не брать, в чем душа держится, в шею, взять на себя вид, владеть самим собою, вне себя, во весь опор, волосы становились дыбом, воля ваша, все равно, всеми силами, вытаращить глаза, выходить из себя, глаз на глаз, грех и сказать, грех попутал, дай бог, дать себя знать, даром что, держать ухо востро, душа в душу, ей богу, закусить язык, и во сне не проси, как бог свят, как у Христа за пазушкой, куда глаза глядят, куда как, мало-помалу, милости просим, на водку, на пироги, на руках, на руки, на сон грядущий, на старости лет, на тот свет отправиться, наш брат, не беда, не в силах, не на шутку, не ровен час, небо с овчинку показалось, нечего сказать, ни жива ни мертва, ни за что на свете, обливаться слезами, от нечего делать, открыть глаза, по большей части, по милости, под пьяную руку, под руки, под старость лет, попадаться в руки, пойти к черту, попадаться на глаза, при смерти, приводить в себя, принять на себя вид, с богом, с ног до головы, с ума сойти, с часу на час, сам не свой, сидеть в девках, слава богу, то и дело, того и гляди, хоть глаз выколи, хоть куда, черт несет (кого), что за беда; 1.3. **межстилевая, стилистически нейтральная:** без чувств, брать на себя, в виде, в противном случае, в самом деле, в свою очередь, в честь (кого, чего), вести себя, во всяком случае, прекрасный пол, врезаться в память, голос подать, дать отпор, дать слово, до крайности, как бы то ни было, как знать, лицом к лицу, может быть, на краю гроба, на минуту, от слова до слова, по крайней мере, под видом, приходить в голову, про себя, само собой разумеется, расположение духа, одним словом, со смеху валяться.

2) фразеология просторечная: в дураках, в зашей, в кружок (острижен), в рыло, выстрочить спину, задать острастку, собачий сын, старый пес, старый хрыч;

3) фразеология жаргонная: под караулом, в ружье, во фрунт, гарнизонная крыса, иметь честь, на карауле, на хлеб и на воду, под ружьем, понюхать пороху, посадить под арест, посадить под караул, тянуть ляжку.

Из примеров видно, что большую часть идиоматики «Капитанской дочки» составляют фразеологические единицы разговорные и стилистически нейтральные, т. е. такие фразеологизмы, которые преимущественно употребляются в устной форме речи.

Анализ фразеологического материала «Капитанской дочки» с историко-временной точки зрения показал следующее.

Основную часть идиом составляют единицы, **актуальные** как во времена Пушкина, так и в современном русском языке, например: *без памяти, без умолку, бог дал, бог знает, боже мой, в глаза, в ежовых рукавицах, в рот не брать, в самом деле, в чем душа держится, в шею, вести себя, во весь опор, во всяком случае, все равно, дать слово, держать ухо востро, душа в душу, как раз, как убитый, как угодно, куда глаза глядят, на белом свете, на все четыре стороны, на старости лет, наш брат, не на шутку, не робкого десятка, не приведи бог, не ровен час, не сводить глаз, небо с овчинку показалось, нечего сказать, ни жив ни мертв, ни за что, один бог знает, от нечего делать, от чистого сердца, от слова до слова, по случаю, под пьяную руку, под руки, попадаться в руки, попадаться на глаза, приходить в себя, приходить в голову, про себя, ради бога, с ног до головы, слава богу, смотреть в могилу, со своего плеча, сходить с ума, то и дело, того и гляди, хлеб-соль, хоть глаз выколи, что делать, что угодно и др.*

В тексте «Капитанской дочки» встречаются и идиомы, которые могут рассматриваться как **устаревшие для нашего времени единицы** (хотя они являлись актуальными в начале XIX века), например: *взять на себя вид, до последнего издыхания, отвечать кровью, положить живот, рваные ноздри, с живого кожу содрать, щипцов понюхать.*

В некоторых случаях используются **устаревшие формы употребления актуальных фразеологизмов** (они так же являлись актуальными в начале XIX века), например: *в коротких словах* (ср. *в двух словах*), *в зашее* (ср. *в шею*), *ваша братья* (ср. *ваша братия*), *волоса становились дыбом* (ср. *волосы вставали дыбом*), *закусить язык* (ср. *прикусить язык*), *к какой стати* (ср. *с какой стати*), *к счастью* (ср. *к счастью*), *как ни в чем не бывали* (ср. *как ни в чем не бывало*), *на краю гроба* (ср. *на краю могилы*), *не в укор буди сказано* (ср. *не в обиду будь сказано*), *на четверинках* (ср. *на четвереньках*), *паче всякого чаяния* (ср. *паче чаяния*), *плясать по дудке* (ср. *плясать под дудку*), *семи пядей во лбу* (ср. *семи пядей во лбу*), *чем свет* (ср. *чуть свет*).

Таким образом, можем сделать вывод, что почти все идиоматические выражения, которые использованы в тексте «Капитанской дочки» Пушкина, являются актуальными единицами, которые активно употребляются в русском языке уже более двух столетий, а устаревшие в современном русском языке идиомы и формы употребления были актуальными в языке пушкинского времени.

Соответственно, для текста своего произведения Пушкин отбирал такие фразеологические единицы, которые составляют ядро активной фразеологии русского языка, а также отражают многообразие этой фразеологии с точки зрения формы, значения и других свойств.

Отдельно следует рассмотреть **особенности использования идиом** в тексте произведения. При характеристике особенностей использования фразеологизмов в речи исследователи обращают внимание прежде всего на соотношение в тексте трансформированного и нетрансформированного употребления идиом. Под трансформированным употреблением во фразеологической науке понимается определенное изменение идиомы с целью максимального приспособления ее к данному контексту. Такая трансформация осуществляется автором в случае, если общеупотребительная единица не полностью соответствует его замыслу⁵.

⁵ Впервые классификация трансформаций была изложена в предисловии к словарю «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [Мелерович,

В тексте «Капитанской дочки» случаи трансформированного употребления идиом **единичны**. Нами отмечены два случая замены компонента у фразеологической единицы **мурашки побежали по телу**. У этой фразеологической единицы Пушкин заменяет компонент **мурашки** на компоненты **холод** и **мороз**:

«Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть и избавителем моей любезной! Пугачев не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что станет с Марьей Ивановной? Холод пробежал по моему телу, и волосы становились дыбом...» (505); *«Мороз пробежал по всему моему телу, при мысли, в чьих руках я находился»* (730).

Отметим также случай формального преобразования компонента фразеологической единицы. Эта трансформация в тексте «Капитанской дочки» осуществляется с целью показать особенности речи иностранца и его незнание русского фразеологизма **в ежовых рукавицах** (*держат*):

«Теперь о деле... “К вам моего повесу”... гм... “держат в ежовых рукавицах”... Что такое ешовы рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое “дершати в ешовых рукавицах?” повторил он, обращаясь ко мне. — Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах. — Гм, понимаю... “и не давать ему воли”... нет, видно ешовы рукавицы значит не то...» (414).

Укажем также на случай экспликации⁶ внутренней формы (образной основы) фразеологической единицы:

*«Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. — Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. — Да ты видно **старый волк**, побывал в наших капканах. Ты знать не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка»* (454—455).

Наиболее распространенным случаем трансформации фразеологической единицы в тексте «Капитанской дочки» является отфразеологическая деривация, когда на базе фразеологической единицы создается новое слово или новое значение у известного слова. Среди них выделим случай использования одного компонента фразеологической единицы для замещения выражения в целом. Так в тексте «Капитанской дочки» используется фразеологическая единица **здать баню кому-либо**:

*«Мы были остановлены караульными. На вопрос: кто едет? ямицк отвечал громогласно: “Государев кум со своею хозяйюшкою”. Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. “Выходи, бесов кум!” — сказал мне усастый вахмистр. — “Вот ужко тебе будет **баня**, и с твоею хозяйюшкою!”»* (519).

В целом ряде случаев в тексте «Капитанской дочки» используются слова, образованные в русском языке на основе идиом: **брюхата** (**с брюхом**), **злаязычник** (**злой язык у кого**), **кровотийца** (**пить кровь чью**), **челобитье** (**бить челом кому**).

Мокиенко], подробнее способы трансформации описаны в книге И.Ю. Третьяковой «Окказиональная фразеология» [Третьякова].

⁶ Под экспликацией внутренней формы (образной основы) ФЕ понимается раскрытие в контексте исходного образного представления, ситуации, явившихся базой фразеологического значения, его индивидуальное употребление сопоставляется с мотивирующей его, «порождающей» ситуацией» [Мелерович, Мокиенко: 22].

Здесь следует обратить внимание на то, что Пушкин использует такие единицы, которые прочно вошли в лексику русского языка как отдельные слова. Эти слова употреблены в следующих контекстах:

Особо следует указать на случай контаминированного употребления фразеологизмов, когда две и более идиом соединяются в единое целое: «*“Конечно” — отвечал Хлопуша, — “и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак, и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутьи да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором”*» (502) (ср. фразеологизмы **проливать кровь, руки в крови у кого**).

Как особенность использования фразеологии отметим прием концентрированного использования идиом, когда на небольшом отрезке текста употребляется несколько разных единиц (фразеология в примерах выделена), например:

«— Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! **Что делать? Грех попутал**: вздумал забрести к дячихе, повидаться с кумою. Так-то: **зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!** Как покажусь я **на глаза** господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он **мало-помалу** успокоился, хотя все еще изредка ворчал **про себя**, качая головою: “Сто рублей! **легко ли дело!**”» (404—405);

«— Добро, — сказала комендантша, — **так и быть**, отправим Машу. А меня, **и во сне** не проси: не поеду. Нечего мне **под старость лет** расставаться с тобою, да искать одинокой могилы **на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.**

— **И то дело**, — сказал комендант. — Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу **в дорогу**. Завтра **чем свет** ее и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет» (457—458).

Таким образом, мы можем отметить главную особенность в использовании фразеологических единиц в тексте «Капитанской дочки»: в произведении используются такие фразеологические единицы, которые составляют основу фразеологии русского языка, являются актуальным в русском языке в течение многих столетий, хорошо известны русскому читателю. Поэтому практически все фразеологизмы, использованные в тексте «Капитанской дочки» Пушкина, включаются в общие фразеологические словари русского языка, причем часто с иллюстрациями из этого произведения. Особенностью использования идиом в «Капитанской дочке» является и то, что Пушкин использует в тексте произведения основные, самые известные и широко употребляемые формы фразеологических единиц и очень редко трансформирует фразеологическую единицу. И при трансформации Пушкин использует самые известные приемы преобразования, которые понятны читателю без специальных комментариев. Это говорит о том, что Пушкин стремился использовать в своем произведении самую известную, простую и доступную фразеологию, которая понятна читателю и не затрудняет понимание текста в целом.

Список источников

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Художественная проза. М.; Л.: АН СССР, 1950. 814 с.

Список литературы / References

- Воробьев В.П. Фразеология художественной прозы А.С. Пушкина // Исследования по лексике и фразеологии русского языка и методике их изучения. Ученые записки Саратовского государственного педагогического института. 1965. Т. 43. С. 111—192.
(Vorob'ev V.P. Phraseology of A. S. Pushkin's prose, *Academic notes of the Saratov State Pedagogical Institute*, 1965, vol. 43, pp. 111—192. — In Russ.)
- Бесперстых А.П. Моя коллекция русских фразеологизмов. Вып. 4: А.С. Пушкин. Словарь. Новополоцк, 2021. 77 с.
(Besperstykh A.P. My collection of Russian phraseological units, iss. 4: A.S. Pushkin. Dictionary, Novopolotsk, 2021, 77 p. — In Russ.)
- Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М.: Наука, 1969. 387 с.
(Grigor'eva A.D., Ivanova N.N. Pushkin's Poetic phraseology, Moscow, 1969, 387 p. — In Russ.)
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1991. 534 с.
(Zhukov V.P. Russian proverbs and sayings, 4th ed., Moscow, 1991, 534 p. — In Russ.)
- Козырев Л.И. Устаревшая фразеология в произведениях А.С. Пушкина: историко-этимологический аспект // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования. Брест: БрГУ, 2008. С. 101—104.
(Kozyrev L.I. Obsolete phraseology in the works of A.S. Pushkin: historical and etymological aspect, *Slavic languages: systematic, descriptive and sociocultural aspects of research*, Brest, 2008, pp. 101—104. — In Russ.)
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М.: Русские словари, 1997. 846 с.
(Melerovich A.M., Mokienko V.M. Phraseological units in Russian speech: Dictionary, Moscow, 1997, 846 p. — In Russ.)
- Русская фразеология и фразеография: к 100-летию А.И. Молоткова / под ред. А.А. Хуснутдинова, Е.Н. Золиной. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 312 с.
(Russian phraseology and phraseography: To the 100th anniversary of A.I. Molotov, ed. by Khusnutdinov A.A. & Zolina E.N., Ivanovo, 2016, 312 p. — In Russ.)
- Третьякова И.Ю. Окаzionale фразеология. Кострома: КГУ им. Н. Некрасова, 2011. 290 с.
(Tret'iakova I.Yu. Occasional phraseology, Kostroma, 2011. 290 p. — In Russ.)
- Тун Цзин. Фразеологические единицы в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: китайские варианты перевода и комментария // Научный диалог. 2017. № 10. С. 81—97.
(Tong Jing. Phraseological Units in «The Captain's Daughter» by Alexander Pushkin: Chinese Translations and Comments, *Scientific Dialogue*, 2017, no. 10, pp. 81—97. — In Russ.)
- Фесенко О.П. Компьютерный словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры: проект дискурсивного динамического словаря // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 82—98.
(Fesenko O.P. Computer dictionary of phraseological units of friendly letters of Pushkin's time: a project of a discursive dynamic dictionary, *Russian Journal of Lexicography*, 2016, no. 1, pp. 82—98. — In Russ.)
- Хуснутдинов А.А. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. 64 с.
(Khusnutdinov A.A. Lexico-grammatical characteristics of phraseological units of the Russian language, Ivanovo, 1993, 64 p. — In Russ.)
- Цэрэндорж Ц. Особенности отбора и использования фразеологических единиц в текстах А.С. Пушкина (в соотношении с фразеологией русского языка XVIII и XIX—XX веков) // Восток-Запад: взаимодействие языков и культур: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2015. С. 124—129.
(Tserendorzh Ts. Peculiarities of the selection and use of phraseological units in the texts of A. S. Pushkin (in relation to the phraseology of the Russian language of the 18th, 19th and 20th centuries), *East and West: Interaction of Languages and Cultures: Collection of Papers of the III International Scientific and Practical Conference*, Ulan-Ude, 2015, pp. 124—129. — In Russ.)

PHRASEOLOGY IN “THE CAPTAIN’S DAUGHTER” BY ALEXANDER PUSHKIN

Arsen A. Khusnutdinov, Irina Yu. Shishlova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
arsen1418@mail.ru, shishlovai@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the consideration of the peculiarities of the selection and usage of phraseology in the work of A.S. Pushkin's “The Captain's Daughter”. The study of the phraseological units of individual authors and works is a topical direction for modern phraseology and phraseography. However, a comprehensive description of idioms and set phrases in specific works by Pushkin has not been carried out yet, which determines the novelty of this study. Based on the analysis of the form, meaning, lexical and grammatical features of various types of phraseological units, it was determined that for “The Captain's Daughter” Pushkin used widely known and frequently used expressions, most of which are still relevant for the modern Russian language. High frequency of phraseological units is recorded in the text, while the modified use of idioms is considered rare. In the identified cases of transformation, Pushkin uses the most famous and simple methods of transformation that are understandable to the reader. At the same time, the text widely presents the basic lexico-grammatical categories of Russian phraseology and types of variation of the form of idioms, as well as introduces units with different stylistic features. The analyzed material shows that in the selection and use of phraseology Pushkin was guided by the desire not only to show the richness of the Russian language, but also to make the text accessible and clear, avoiding phraseology that is too complex or incomprehensible to the reader.

Keywords: Pushkin, phraseology, idiom, phraseological unit, set phrase

For citation: Khusnutdinov A.A., Shishlova I.Yu. Phraseology in “The Captain’s Daughter” by Alexander Pushkin, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 34—44.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2025; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 21.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Хуснутдинов Арсен Александрович — доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, arsen1418@mail.ru

Khusnutdinov Arsen Aleksandrovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, arsen1418@mail.ru

Шишлова Ирина Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishlovai@gmail.com

Shishlova Irina Yurievna — Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer at the Department of Russian Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishlovai@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 45—50.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 45—50.

Научная статья

УДК 811.161.1:81'42

DOI: 10.46726/H.2025.1.6

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИНАМИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Татьяна Евгеньевна Старостенко

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
г. Минск, Беларусь, tstarascienka@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языковой репрезентации динамики поэтических и прозаических текстов известных русских и белорусских писателей. Новизна исследования заключается в подходе к универсальной категории динамики с позиции коммуникативной стилистики художественного текста, учитывающей его антропоцентрическую сущность как взаимосвязанную полисубъектную организацию. Динамика определяется, во-первых, через сопоставление текстовых ассоциатов и их имплицитного смысла у поэтов разных временных периодов, а также взаимодействие лексико-грамматических экспликантов бинарных концептов поэтического текста как вторичной языковой системы с разноуровневым художественным параллелизмом. Во-вторых, при обращении к прозаическим произведениям динамика устанавливается через смену эпизодов на уровне композиционно-текстовой диффузной ретроспекции, через взаимопереходы языковых средств на основе словесных и композиционных приемов субъективации нарраторского повествования, имплицитную диалогизацию прозаических субъектов. Выявлена языковая репрезентация динамики отношений персонажей в коммуникативных моделях аукториального нарратива. В результате анализа очерчиваются возможные лингвистические подходы к осмыслению динамической сущности художественного произведения. Такие подходы содействуют углублению понимания основных аспектов коммуникативной стилистики как одного из наиболее перспективных направлений функциональной стилистики и изучения текста на основе его антропоцентричности.

Ключевые слова: динамика, художественный текст, лексико-грамматические средства, текстовый ассоциат, нарраторское повествование

Для цитирования: Старостенко Т.Е. Языковая репрезентация динамики художественного текста // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 45—50.

Жизнь художественного текста проявляется в его динамике, заложенной как в создании, так и в восприятии произведения. Термин «динамика» в отношении к художественному тексту не нашел еще соответствующего лингвистического обоснования, в отличие от литературоведческих подходов. К примеру, Ю.Н. Тынянов, не принимающий понятия статики к литературному произведению, постоянно обращался к наиболее приемлемому в его научном понимании слову «динамика». Ученый справедливо замечал, что «авторская индивидуальность не есть статическая система, литературная личность динамична» [Тынянов: 125], и даже стремился подойти к этому пониманию как лингвист, рассматривая литературу с позиции «речевой конструкции», т. е. «литература есть динамическая речевая конструкция» [Там же: 127].

© Старостенко Т.Е., 2025

Цель нашей статьи — определить лингвистические особенности динамики художественного текста. Фактическим материалом послужили произведения русских и белорусских авторов.

Динамика белорусского поэтического текста рассматривается нами на основе теории текстовых ассоциатов и имплицитного смысла, разработанной в исследованиях Н.С. Болотновой [Болотнова 1992; Болотнова 2009], С.А. Верескун [Верескун], А.А. Васильевой [Васильева], А.В. Болотнова [Болотнов] по коммуникативной стилистике. Это направление ориентировано на целеустремленность текстовой деятельности, связанной с диалогом, или сотворчеством, автора и читателя, и понятие дискурсивности связывает с коммуникативностью. Текстовый ассоциат как смысловой коррелят к слову-стимулу имеет не только эксплицитное выражение, но также имплицитный смысл, зависящий от особенностей восприятия и эстетического опыта.

Динамика проявляется через текстовые ассоциаты и имплицитный смысл, отличающиеся у поэтов не только разных временных периодов, но и одного. Динамика как развитие по спирали подразумевает совпадение текстовых ассоциатов и выводимого на их основе имплицитного смысла у поэтов разных периодов. Так, обращение *Родина* как слово-стимул в белорусской поэзии XX в. реализует словарную сему 'страна, которая исторически принадлежит определенному народу и которую этот народ населяет'. Совпадение имплицитного смысла текстовых ассоциатов наиболее выразительное у поэтов начала и конца XX в.: 'смерть' (Я. Купала, М. Богданович), 'бедность' (Я. Колас), 'многострадальная история Беларуси' (Г. Бородулин), 'горе' (Н. Гилевич), причем у Г. Бородулина и Н. Гилевича, как и у Я. Купалы, преобладают текстовые экспликативные имплицитной семантики непростой судьбы Родины. У поэтов середины XX в. М. Танка и П. Панченко репрезентируются позитивнооценочные значения 'любовь к Родине, вера в ее будущее', 'непобедимые величие и красота', однако у П. Панченко текстовые ассоциаты имеют большую пафосность и экспрессию. Когда у Я. Купалы текстовые ассоциативные ряды реализуют контраст *жизнь — смерть* на основе глагольных форм, то у Я. Коласа — только имплицитный смысл 'горе' в именных формах. В отличие от Я. Купалы текстовые ассоциаты стихов М. Богдановича актуализируют имплицитный смысл жизни через смерть оппозиции *ретроспекция/проспекция*. Для произведений Н. Гилевича характерен контрастный образ Родины, тогда как текстовые ассоциаты стихов Г. Бородулина позволяют читателю актуализировать только смысл горя, усилить его через экспрессивные рефрены.

Динамика определяется нами и на основе взаимодействия лексико-грамматических репрезентантов бинарных концептов поэтического текста, который представляет собой вторичную языковую структуру с основными принципами — со- и противопоставлением, возникающими под воздействием разноуровневого художественного параллелизма. Именно в стилистическом контексте возникает эффект обманутого ожидания, сравнимый с «эффектом напряжения» [Лотман: 245]. На конкретных примерах Ю.М. Лотман показал, что на языковом уровне слова могут иметь разные денотаты, а на уровне вторичной системы, определяющей поэтический текст, владеют общим денотатом. Благодаря повторам (совпадающим звуковым комплексам, синтаксическому параллелизму), неэквивалентные единицы в поэзии становятся синонимами и адекватными. Поэтому, например, языковые антонимы *жизнь* и *смерть* в произведениях белорусских авторов (В. Жилки, З. Бядули, Н. Метлицкого и др.)

не создают основы контраста, поскольку обозначают только разные ипостаси одного понятия, совпадая в архисеме 'вечность существования'.

В текстах прозы понятие динамики может также рассматриваться многопланово. На наш взгляд, она проявляется в смене прозаических эпизодов на уровне композиционно-текстовой диффузной ретроспекции, когда эпизоды настоящего чередуются с прошедшим временем персонажей. В результате меняется не только жизненный фон героя, но и его внутреннее состояние, самооценка, взгляды на окружающий мир, других людей. Такая перемена эксплицируется лексико-грамматическими средствами. Например, в романе «Птицы и гнезда» Я. Брыля на стилистически нейтральном фоне точки зрения персонажа «тут и теперь» возникает ретроспективный план с приемом остранения, выраженным интенсификациями-существительными, прилагательными, наречиями с интенсификацией в их семантической структуре.

Языковую динамику текста определяют также взаимопереходы лексико-грамматических средств через приемы субъективации нараторского повествования. Традиционно в стилистике текста к таким приемам относятся словесные, в частности прямая, несобственно-прямая речь, и композиционные (представление, изобразительный, монтажный) [Одинцов: 185—205]. Так, словесный прием субъективации в аукториальном нарративе И. Бунина репрезентируется посредством взаимодействия в узком контексте косвенной, несобственно-прямой речи и цитации, что создает языковую динамику точки зрения персонажа во внешне объективном нарраторском повествовании:

За заставой, где свернуло шоссе в сторону, где отстали гремящие телеги и охватила тишина, простор и зной степи, опять почувствовал он, что все-таки самое главное на свете — «дело». Эх, и нищета же кругом! Дотла разорились мужики, трюнки не осталось в оскудевших усадьбишках, раскиданных по уезду... Хозяина бы сюда, хозяина! [Бунин: 26].

Даже в этом небольшом примере, структурно совпадающим с прозаической строфой (сверхфразовым единством), динамика проявляется, во-первых, в предложении с косвенной речью, где придаточная часть выражает духовный мир героя, включая еще и его цитату, а главная эксплицирует нарраторскую позицию и представляет собой агентивную конструкцию с активным субъектом-агентом. Затем точка зрения персонажа приобретает языковую форму несобственно-прямой речи, эмоционально окрашенной восклицательными предложениями, последнее из которых включает прескрипцию как желание изменить жизнь к лучшему.

Если в приведенном примере динамика проявляется на уровне взаимодействия словесных приемов субъективации, то в следующем сверхфразовом единстве она выражена словесным приемом несобственно-прямой речи, сочетающимся с композиционными приемами (представление, изобразительный):

Он шел и глядел по сторонам... Как коротка и бесполова жизнь! И какой мир и покой вокруг, в этом солнечном затишье, в ограде старого погоста! Горячий ветер проносился по верхушкам старых деревьев, сквозившим на безоблачном небе, до времени поредевшим от зноя, волновал по камням, памятникам их прозрачную, легкую тень. А когда затихал, жарко пригревало солнце цветы и травы, сладко пели птицы в кустах, в сладкой истоме замирали на горячих дорожках бабочки [Там же: 24].

Языковое выражение динамики аукториального нарратива связано с имплицитной диалогизацией прозаических субъектов. Так, реализация модели «автор — персонаж» происходит через субъективацию аукториального повествования

в сторону точки зрения героя и сентенции авторского отступления с выходом авторского отступления на внешний диалог и таким образом возникновением инварианта «автор — читатель». Причем точка зрения персонажа может выражаться прошедшим временем, тогда как авторское отступление обычно сопровождается переходом к настоящему времени, приобретающему характер гномического, свойственного общим утверждениям со значением 'всегда', 'независимо от конкретного момента'. Внешний диалог происходит на основе глагольных форм 2-го лица, дейктиков *мы* (репрезентант интимизации с адресатом) и *ты* как маркерами имплицитного создания контакта с адресатом-читателем и таким образом выходом на внетекстовый контакт, что содействует актуализации инвариантной модели «автор — читатель».

Динамика между коммуникантами моделей реализуется через эффекты со- и противопоставления. В модели «персонаж — персонаж» аукториального нарратива эти эффекты выявляются по критерии *симпатии/антипатии* на основе субъективно-оценочной модальности и выражаются оценочными формами, тропеическими средствами, конструкциями с пассивизацией субъекта, безличными предложениями. Так, в повести «Поединок» А. Куприна отношения симпатии между Ромашовым и Шурочкой имплицитно выражаются через оценочность.

У Ромашова:

Чем-то тихим, чистым, беспечно-спокойным веяло на него от этой молодой женщины [Куприн: 208]; ...он почувствует *крепкое и ласкающее пожатие милой женской руки*; ...он до такой степени весь ушел душой в это *очаровательное пожатие*... [Там же: 216].

У Шурочки:

Ромашов с нежностью посмотрел на нее [Там же: 214]; *Ромашов смотрел на нее восхищенными глазами* [Там же: 215]; *Он смотрел на нее сияющими влюбленными глазами* [Там же: 238].

Разноплановость динамики текста может проявляться через слово, образ, информацию, повествовательное движение, эмоцию. Например, контраст природных образов, эксплицированных приемом представления, с внутренним миром персонажа создается мелиоративными маркерами окружающего мира и пейоративами человеческих чувств, что подчеркивает эмоциональное состояние персонажа. С одной стороны, Ромашова переполняет восхищение ранним утром (он замечает его красоту и свежесть), а с другой — отрицательное восприятие собственного «я»:

Был рассвет, с ясным, детски-чистым небом и неподвижным прохладным воздухом. Деревья, влажные, окутанные чуть видимым паром, молчаливо просыпались от своих темных, загадочных ночных снов. И когда Ромашов, идя домой, глядел на них, и на небо, и на мокрую, седую от росы траву, то он чувствовал себя низеньким, гадким, уродливым и бесконечно чужим среди этой невинной прелести утра, улыбавшегося спросонок [Там же: 349].

Динамика художественного текста может проявляться на разных его уровнях (образном, композиционном, эмоционально-экспрессивном) и эксплицироваться лексико-грамматическими средствами. Также необходимо учитывать понятие динамики в диахронии как изменения и совпадения языковой репрезентации текстовых ассоциатов и имплицитного смысла у писателей разных исторических периодов.

Список источников

- Бунин И. Антоновские яблоки: Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1990. 256 с.
Куприн А. Повести и рассказы. Минск: Мастацкая літаратура, 1974. 470 с.

Список литературы / References

- Болотнов А.В. Вербализация концепта *хаос* в поэтическом дискурсе серебряного века (на материале творчества М.И. Цветаевой, М.А. Волошина, О.Э. Мандельштама): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 25 с.
(Bolotnov A.V. Verbalization of the concept of chaos in the poetic discourse of the Silver Age (Based on the works of M.I. Cvetaeva, M.A. Voloshin, O.Je. Mandel'shtam): abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Tomsk, 2009, 25 p. — In Russ.)
- Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
(Bolotnova N.S. Communicative stylistics of the text: dictionary-thesaurus, Moscow, 2009, 384 p. — In Russ.)
- Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 1992. 310 с.
(Bolotnova N.S. Literary text in the communicative aspect and a comprehensive analysis of units of the lexical level, Tomsk, 1992, 310 p. — In Russ.)
- Васильева А.А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О.Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 30 с.
(Vasil'eva A.A. Lexical aspect of associative development of poetic texts by O.Je. Mandel'shtam: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Tomsk, 2004, 30 p. — In Russ.)
- Верескун С.А. Ассоциативно-смысловое поле цвета в прозе М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 29 с.
(Vereskun S.A. Associative-semantic field of color in the prose of M.I. Cvetaeva: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Rostov-on-Don, 2012, 29 p. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, 2018. 701 с.
(Lotman Ju.M. Structure of the artistic text. Analysis of the poetic text, St. Petersburg, 2018, 701 p. — In Russ.)
- Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: URSS: Либроком, 2014. 264 с.
(Odincov V.V. Stylistics of the text, Moscow, 2014, 264 p. — In Russ.)
- Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. 319 с.
(Tynjanov Ju.N. Literary fact, Moscow, 1993, 319 p. — In Russ.)

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE DYNAMICS OF A LITERARY TEXT

Tatyana E. Starostenko

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus,
tstarascienka@gmail.com

Abstract. The article examines the features of linguistic representation of the dynamics of poetic and prosaic texts by famous Russian and Belarusian writers. The novelty of the study lies in the approach to the universal category of dynamics from the standpoint of communicative stylistics of a literary text, taking into account its anthropocentric essence as an interconnected polysubjective organization. Dynamics is determined, firstly, through a comparison of textual associates and their implicit meaning among poets of different time periods, as well as the interaction of lexical and grammatical explicants of binary concepts of a poetic text as a secondary language system with multi-level artistic parallelism. Secondly, when referring to prose works, the dynamics are established through the change of episodes at the level of compositional-textual diffuse retrospection, through mutual transitions of linguistic means based on verbal and compositional techniques of subjectification

of narratorial story-telling, implicit dialogization of prose subjects. The linguistic representation of the dynamics of character relationships in communicative models of auctorial narrative is revealed. As a result of the analysis, possible linguistic approaches to understanding the dynamic essence of a work of art are outlined. Such approaches contribute to a deeper understanding of the main aspects of communicative stylistics as one of the most promising areas of functional stylistics and the study of text based on its anthropocentricity.

Keywords: dynamics, literary text, lexical and grammatical means, textual associate, narrative discourse

For citation: Starostenko T.E. Linguistic representation of the dynamics of a literary text, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 45—50.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 25.11.2024.

The article was submitted 30.08.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 25.11.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Старостенко Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь, tstarascienka@gmail.com

Starostenko Tatyana Evgenievna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus, tstarascienka@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 51—57.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 51—57.

Научная статья

УДК 81'221:791.43-2

DOI: 10.46726/H.2025.1.7

ГАЗЛАЙТИНГ: ОПЫТ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (на примере фильма “Gas Light” 1944 года)

Фаина Иосифовна Карташкова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

kartashkova@rambler.ru

Татьяна Владимировна Морозкина

Ульяновский государственный педагогический университет, г. Ульяновск, Россия,

tatyana_morozkin@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению такого психологического феномена, как газлайтинг, в ракурсе лингвосемиотики. Анализируются вербальные способы манипуляции, которые приводят жертву газлайтинга к эмоциональной нестабильности. Показана роль невербальных манипулятивных средств в достижении цели газлайтера привести жертву к осознанию своей неадекватности. В статье предпринята попытка проследить динамику эмоционального состояния лица, подвергаемого газлайтингу. В финальной фазе эмоциональная нестабильность жертвы достигает своего пика и переходит в измененное состояние сознания. В статье выделен ряд речевых тактик, с помощью которых газлайтер воздействует на сознание жертвы.

Ключевые слова: газлайтинг, вербальные и невербальные способы манипуляции, эмоциональная нестабильность

Для цитирования: Карташкова Ф.И., Морозкина Т.В. Газлайтинг: опыт лингвосемиотического анализа (на примере фильма “Gas Light” 1944 года) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 51—57.

В современной межличностной коммуникации встречается такое негативное явление, как газлайтинг, которое, несомненно, вызывает не только любопытство, но и исследовательский интерес различных научных направлений: психологии, социологии, прагмалингвистики, психолингвистики, филологической герменевтики. Актуальность этих явлений обусловлена прежде всего широким спектром использования газлайтинга в семейных, межличностных и профессиональных отношениях.

Под термином газлайтинг в психологии понимается определенная форма манипуляции одного индивидуума другим с целью довести, путем изохронных манипуляций, свою жертву до осознания своей неадекватности и невозможности объективно воспринимать окружающую действительность. Само понятие «газлайтинг» было введено в оборот в 1960-е годы для обозначения психологических манипуляций, осуществляемых кем-либо с целью посеять в жертве сомнение в объективном восприятии ею действительности. Так, в книге американских психиатров Стенли Плога и Роберта Эдгертона “Changing Perspectives in Mental Illness” [Plog, Edgerton] отмечается, что газлайтинг позволяет ввести вполне здорового человека в состояние психоза путем интерпретации его поведения как имеющего симптомы серьезного психического заболевания.

© Карташкова Ф.И., Морозкина Т.В., 2025

Газлайтинг предполагает индивидуальный подход газлайтера к своей жертве, совершение манипулятивных действий по отношению к которой приводит к ее эмоциональной нестабильности и сомнению в объективном восприятии действительности [Dorpat].

В связи с тем, что название данного вида психологического насилия одного человека над другим восходит к названию экранизации пьесы Gas Light, определенный научный интерес представляет лингвосомиотический анализ данного произведения для выявления манипулятивных действий вербального и невербального характера, с помощью которых газлайтер добивается своей цели. В анализируемом произведении главный герой — Грегори (он же газлайтер), незадачливый пианист, узнав о драгоценностях певицы, которой он аккомпанировал, решает завладеть ими. С этой целью он убивает певицу, но совершить задуманное (украсть драгоценности) ему мешает появление племянницы певицы — Полы. Идея похитить драгоценности не оставляет Грегори, и он решает добиться своей мечты, влюбив в себя Полу, для чего он едет за ней в Италию, где знакомится с ней, притворяясь влюбленным, женится на ней и убеждает ее вернуться в Лондон, в дом певицы.

Уже в рамках романтического дискурса (итальянский период их отношений) имеет место манипуляция Грегори по отношению к Поле. Манипуляторные действия Грегори носят положительный характер, поскольку иллюкутивная цель его речевых актов — внушить доверие и добиться расположения Полы, заставить ее поверить в искренность чувств Грегори: *You shall have me all the time you want ... I want to marry you ... I will wait all of my life for you ... I can wait more longer ... I will never forget the moment I have met you ... I will love you* (Не бойся, милая, я рядом. ... Я хочу жениться на тебе ... Я буду ждать тебя всю жизнь ... Я могу ждать и дальше ... Я никогда не забуду момент нашего знакомства ... Я буду любить тебя).

Невербальное поведение Грегори, сопровождающее его речь на начальном этапе романтического дискурса, характеризуется как исключительно вежливое. Основными невербальными НВК Грегори являются тактильные (объятия, поцелуи), миремические (влюбленный взгляд), мимические (улыбка). Грегори транслирует влюбленной в него девушке свою мечту — жить в Лондоне, что возвращает ее к пережитой ею трагедии. Однако желание возлюбленного и его утешительные тактики предопределяют решение Полы вернуться в дом покойной тети. Любопытно, что миремика Грегори неконгруэнтна характеру его речи: когда Пола рассказывает о случившемся, его взгляд становится напряженным, обращенным внутрь себя; он не сопереживает Поле, а напротив, пытается манипулировать Полой, предлагая сменить обстановку в доме тети и начать все с чистого листа, подкрепляя «искренность» своих слов тактильными НВК положительного характера (объятия, поцелуи) и в конечном итоге убеждает Полу начать новую жизнь.

Грегори-газлайтер проявляет себя впервые в реагирующем поведении на находку Полой письма к тете от некоего Сергиуса Бауэра [настоящее имя Грегори]: он вырывает письмо из рук Полы (специфическое невербальное действие, спровоцированное неожиданным доказательством его связи с певицей), при этом его мимика меняется: лицо становится напряженным, взгляд ожесточенным. Однако ему удастся взять свои эмоции под контроль.

Решительные действия Грегори-газлайтер совершает в тот день, когда он дарит Поле брошку. С одной стороны, он продуцирует речевой акт комплимента: *It is a present for you. Belonged to my mother and now belong to you*

(Для тебя подарок. Раньше эта брошь принадлежала моей маме, а теперь тебе), а с другой — просит ее не потерять подарок, замечая, что она часто теряет вещи: *But I've been noticing, Paula... you've been forgetful lately* (Я заметил, ты часто бываешь забывчивой). С этого момента Грегори меняет свое отношение к Поле, хотя имитация нежных чувств с помощью контролируемых НВК (главным образом миремических и мимических) вполне успешна.

Действия Грегори-газлайтера становятся более решительными при посещении Тауэра, когда Грегори обвиняет Полу в подозрительности, продуцируя речевой акт вердиктива: *You are tired. You are forgetful* (Ты устала. Ты такая забывчивая), заронив в ней зерно сомнения в своей нормальности. Сомнения Полы усиливаются, когда выясняется, что она потеряла брошь-подарок. В этот момент газлайтер имитирует удивление, а затем пытается успокоить расстроенную Полу. Можно отметить, как меняется коммуникативное поведение Полы на вербальном и невербальном уровнях, эксплицируя растерянность, недоумение, испуганный взгляд. Поведение Полы начинает полностью зависеть от настроения ее супруга, что в психотерапевтической практике понимается как созависимость. С точки зрения интерперсональной коммуникации в коммуникативном поведении Грегори просматривается скрытый мотив — внушение жертве чувства несостоятельности, забывчивости, созависимости. В исследовании по психологической коммуникации Й. Рёнер и А. Шутц этот мотив характеризуется потребностью контроля и превосходства со стороны газлайтера [Röhner, Schütz: 44].

Когда Пола начинает замечать, что газовый свет в люстре по непонятной причине слабеет, она чувствует растерянность и недоумение. Маркером негативных эмоций Полы служит ее недоумевающий взгляд, что позволяет говорить о достигнутом результате манипулятивного воздействия Грегори на нее: Пола не только чувствует свою беспомощность, но и осознает невозможность быть на равных с супругом.

Фазу изоляции Полы предваряет обращение Грегори к прислуге касательно его супруги: *Just one more thing. I don't want you to bother your mistress about anything... ever. If you have any questions, just come to me* (Я не хочу, чтобы ты беспокоила свою хозяйку. Твоя хозяйка — слишком нервный человек. Со всеми вопросами подводи ко мне). На просьбу Полы о возможности визита соседки в их, а фактически ее дом, Грегори решительно заявляет: *I do not want people all over this house!* (Я не хочу, чтобы по всему дому толпились люди).

Использование со стороны газлайтера тактик дискредитации и унижения в сцене беседы Грегори с горничной приводит к проявлению аффектации со стороны Полы. Состояние аффекта проявляется в миремике Полы (взгляд отрешенный), проксемике (движения становятся неестественными), а также в фонации. Вместе с тем жертва еще пытается противостоять газлайтеру: *But I haven't hidden it. I swear I haven't. Don't look at me like that. Oh Gregory, don't. Don't shame me before the servants!* (Я не прятала картину, клянусь. О, Грегори, не смотри на меня так. Не стыди меня перед прислугой!)

В речи газлайтера нарастает число директивных речевых актов: *Go on. Answer me. Will You leave go of me! Sit down here! Control yourself! Go to your room! Come in and sit down where I told You!* (Ну давай. Отвечай! Отстань от меня! Сядь! Контролируй себя! Отправляйся в свою комнату! Войди и сядь, где я тебе скажу!)

В речевом поведении газлайтера четко просматриваются схемы действия, составляющие определенную модель. В самой активной фазе газлайтер с уверенностью переходит к манипуляциям: то унижает жертву, то восхищается ей,

используя тактику эмоциональных качелей, дает надежду и тут же ее лишает. Так, сообщение Грегори о том, что они пойдут в театр: *It is my surprise for you. We go to the theatre tonight (Это сюрприз для тебя, мы идем в театр вечером)*, меняет эмоциональный статус Полы, она продуцирует речевой акт извинения: *Oh, I'm sorry, I'm sorry, I'm sorry (О, прости меня, прости меня, прости меня)* и выражает эмоцию радости как вербально (речевой акт экспрессива): *Wonderful! Oh, Gregory! My Gregory! (Прекрасно! О, Грегори! Мой Грегори!)*, так и невербально, с помощью тактильных невербальных действий (обнимает и целует Грегори). Таким образом, вектор воздействия газлайтера на жертву определяет эмоциональный модус жертвы.

Увидев, что Пола возвращается в нормальное состояние, газлайтер продолжает подавлять жертву, вновь обвиняя ее в том, что она спрятала картину, и продуцирует акт директива, сопровождая его насмешками: *Who has taken it down? Who indeed? You alone can answer that, Pola! Sit down here! Put yourself together! (Кто снял картину? И правда, кто? Только ты, Пола, можешь ответить на этот вопрос! Садись! Соберись!)* и злобным взглядом. Заставляя Полу искать картину, Грегори заставляет поверить ее в то, что она совершает бессмысленные поступки. Здесь имеет место перлокутивный эффект тактики внушения невинности жертвы: *I did not know it! I did not! (Значит, я сама не знаю, что я делаю) / Пола признает неадекватность своих действий, что находит экспликацию в речи газлайтера: You are unhappy wretch! (Ты сошла с ума. В этом-то и беда...).*

Вместо помощи, о которой просит Пола, Грегори оставляет ее одну, и с этого момента жертва находится, по нашему мнению, в ситуации измененного состояния сознания (подробнее об этом см. [Карташкова, Ганина]).

Манипулятивные действия газлайтера достигают перлокутивного эффекта, о чем свидетельствует невербальное поведение Полы в ситуации измененного состояния сознания: взгляд в сторону, сжатые кулаки, запрокидывание головы назад, замедленные движения. Мимика и миремика Грегори (застывшее лицо) отражают эмоциональную холодность и отсутствие эмпатии к Поле.

Эмоциональное состояние Полы продолжает ухудшаться, маркером чего служит психофизиологическая реакция слезоотделения. Попытки Полы выйти из изоляции оказываются безуспешными, поскольку Грегори весьма искусный манипулятор: с целью дискредитации своей жертвы он во время посещения ими концерта в очередной раз приводит ей доказательство ее амнезии: *Control yourself! Control yourself! (Держи себя в руках! Держи себя в руках!)*, доведя ее до истерики.

После концерта Грегори продуцирует ряд речевых актов упреков и обвинений в упрямстве Полы: *I have been patient long enough. It is now for you to take control, or take the consequence (Я долго терпел. Держи себя в руках или отвечай за последствия)*. Это приводит Полу к мысли, что Грегори считает ее сумасшедшей. Рассуждая о причинах своего аномального состояния, Пола заключает, что оно связано с найденным ею письмом к тете от Сергиуса Бауэра, что вызывает испуг и злость Грегори. В этот критический для него момент он испытывает страх быть разоблаченным, что маркирует его миремика (испуганный взгляд) и мимика (злобное выражение лица), используя тактику нападения и обвиняя Полу в том, что она придумала историю с письмом. Газлайтер объясняет это наследственным фактором, сообщая жертве, что ее мать была сумасшедшей: *You are stark raving mad — like your wretched mother before you (Ты сходишь с ума так же, как и твоя несчастная мать)*, тем самым антиципируя таким образом будущее своей жертвы и дополняя свою речь жестом «указующего

перста» доминирующего характера, что повергает жертву в полуобморочное состояние.

Еще одну тактику нападения наблюдаем в ситуации, когда Грегори подозревает Полу в связи с молодым человеком, который был на концерте. При этом он продуцирует речевой акт упрека: *My God! What new trick is this? (О, Госноду! Это еще что такое)*. Невербальное поведение газлайтера эксплицирует его эмоциональное состояние, которое конгруэнтно вербальному — он бросается на жертву с кулаками: *You are lying, Pola (Ты лжешь, Пола)*. Затем газлайтер меняет тактику на противоположную, продуцируя речевой акт извинения за обвинение Пола во лжи (тактика эмоциональных качелей): *I am going to leave you in piece (Больше не буду тебя беспокоить)*. Затем снова говорит о том, что Пола все забывает, и продуцирует комиссивный речевой акт, пообещав, что эту проблему будут решать врачи: *Listen to me, Madam. You are going to see a doctor, Madam, more than one doctor. And they shall decide what happens to you. (Послушай меня, ты пойдешь к доктору, и не к одному даже. И только он скажет, что с тобой происходит)*. Пола, находясь в измененном состоянии сознания, чувствует полное изнеможение.

Измененное состояние сознания Пола переходит в острую фазу, когда она, оставшись одна, наблюдает за тем, как газовый свет мигает и слабеет, что отражает ее миремика (безумный взгляд, зрачки расширены). Это повергает ее в ужас, у нее начинается истерика, она с криком зовет на помощь кухарку Элизабет. Пола пытается разобраться с происходящим, но не добивается от Элизабет вразумительного объяснения (та туговата на ухо). Пола испытывает эмоции страха и растерянности, что выражают ее глаза — главный канал когнитивной деятельности человека, сбой в которой есть результат воздействия газлайтера на свою жертву. Измененное состояние сознания Пола проявляется и в ее неестественных и замедленных движениях при встрече с полицейским. Упоминание полицейского о ее муже вызывает у нее эмоцию страха, которую без труда декодирует полицейский. Пола открывает полицейскому все свои страхи, сообщая о том, что ее муж считает найденное ею письмо болезненным вымыслом: *He said there was no a letter, but I am going out of my mind (Он говорит, что письма не было, а я схожу с ума)*, на что полицейский замечает: *You are not going out of your mind. You are being slowly, methodically driven out of your mind (Вы не сходите с ума. Вас методически сводят с ума)* и дает ей полное разъяснение.

По возвращении домой Грегори продолжает доводить жертву до осознания своей неадекватности, задавая ей риторический вопрос: *What is that? Will you sit down where I told you? (Ты знаешь хоть что-нибудь, что ты делаешь?)* Мимика и миремика Грегори выражают злобу и раздражение. За этим следует очередная реплика: *Do you know what you remind me of, Pola, as you work across the room? A somnambulist, Pola. Have you ever seen such a person? (Знаешь, кого ты мне напоминаешь? То, как ты идешь? Ты видела, как ты идешь? Ты видела, как люди ходят во сне?)* Далее газлайтер отрицает свое утверждение: *Pola, you are not sleeping. You are in mind. (Пола, ты не спишь, ты в полном сознании)*, переходя на крик и обвиняя ее в том, что она открыла его стол. Эмоцию ярости газлайтера манифестирует специфическое невербальное действие (пальцы рук сцеплены за спиной). Миремика (напряженный взгляд), мимика (гипомимичное лицо) и замедленные движения Пола свидетельствуют о том, что она находится в измененном состоянии сознания. Пытаясь доказать Грегори, что она говорит правду, Пола прибегает к помощи Элизабет, но та, из боязни быть уволенной, отрицает слова Пола. Сложившиеся обстоятельства

позволяют газлайтеру продолжить свои манипулятивные действия, чему пытается сопротивляться Пола: *But I couldn't have imagined it! It couldn't! I couldn't have imagined it! (Но не могло же это привидеться мне! Не могло! Мне не могло это привидеться!)*.

Будучи не в состоянии доказать, что стол открыл некий человек в силу того, что Элизабет продуцирует ложное высказывание, Пола поддается манипулятивному воздействию газлайтера и признается в том, что ей все привиделось: *I imagine it. It is a vision (...или мне привиделось...это только видение...)*. Фраза *I am going mad (Я лишаюсь рассудка)* эксплицирует измененное состояние сознания жертвы, которая впадает в полуобморочное состояние. Однако при появлении полицейского Пола начинает выходить из острой фазы, она разговаривает с Грегори в адекватном состоянии и не поддается манипулятивным действиям газлайтера. Более того, газлайтер и жертва меняются ролями: Пола выступает в сложившейся ситуации газлайтером, пытаясь отплатить Грегори той же монетой. На его просьбу найти нож и разрезать веревки, которыми его связал полицейский, она реагирует словно сумасшедшая — роль, которую навязывал ей Грегори-газлайтер. Таким образом, фильм убедительно иллюстрирует фазы изменения психоэмоционального состояния жертвы под влиянием манипулятивных действий газлайтера. Вполне очевидно, что жертва впадает в измененное состояние сознания под воздействием вербальных и невербальных манипулятивных действий газлайтера, но выходит из этого состояния, когда воздействие газлайтера прекращается.

Итак, лингвосемиотический анализ коммуникативного поведения газлайтера показал следующее.

Для достижения своей цели он использует ряд речевых тактик, с помощью которых воздействует на сознание жертвы и приводит к проявлению аффективных реакций со стороны жертвы:

- лжи и обмана;
- трансляции нужной ему легенды;
- эмоциональных качелей, что приводит жертву к тяжелому психоэмоциональному состоянию;
- внушения невменяемости;
- продуцирования речевых актов упрека, обвинения; директивных и вердиктивных речевых актов, число которых нарастает по мере развития ситуации.

Взаимоотношение вербальной и невербальной частей в коммуникативной деятельности газлайтера носит неконгруэнтный характер.

Невербальное поведение жертвы газлайтинга маркирует сбой в когнитивной деятельности, что является результатом доведения ее до осознания своей неадекватности, что позволяет говорить об измененном состоянии сознания жертвы.

В ситуации газлайтинга жертва под влиянием вербальных и невербальных манипулятивных действий газлайтера проходит различные фазы своего психоэмоционального состояния, но приходит в норму, когда воздействие газлайтера прекращается.

Список литературы / References

- Карташкова Ф.И., Ганина В.В. Невербальное поведение человека в ситуациях измененного состояния сознания и способы его языковой репрезентации (на материале произведений Ф.М. Достоевского) // Мир лингвистики и коммуникации. 2024. № 1. С. 25—41.
- (Kartashkova F.I., Ganina V.V. Non-verbal behavior of people in altered states of consciousness and its language correlates in Dostoevsky's novels, *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 2024, no. 1, pp. 25—41. — In Russ.)

Dorpat Theodore L. Gaslighting, the Double Whammy, Interrogation, and Other Methods of Covert Control in Psychotherapy and Psychoanalysis, Laham: Jason Aronson, 1996, 278 p.

Plog S.C., Edgerton R.B. Changing perspectives in mental illness, New York: Holt, Rinehart and Winston, 1969, 752 p.

Röhner J., Schütz A. Psychologie der Kommunikation, 2. Aufl., Springer, 2016, 135 S.

GASLIGHTING AS VIEWED FROM THE ANGLE OF LINGVOSEMIOTICS (by example of the film Gas Light, 1944)

Faina I. Kartashkova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kartashkova@rambler.ru

Tatyana V. Morozkina

Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation,
tatyana_morozkin@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of such psychological phenomenon as gaslighting. Verbal means of manipulation leading the victim of gaslighting to emotional instability are analyzed. It is shown that non-verbal ways of manipulation contribute to the victim's awareness of her inadequacy. Emotional instability of the victim picks up and we can suppose that the victim is in an altered state of consciousness. A number of verbal tactics which is used by the gaslighter to affect the victim's consciousness are shown

Keywords: gaslighting, verbal and non-verbal ways of manipulation, emotional instability

For citation: Kartashkova F.I., Morozkina T.V. Gaslighting as viewed from the angle of lingvosemiotics (by example of the film Gas Light, 1944), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 51—57.

Статья поступила в редакцию 01.01.2025; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 28.01.2025.

The article was submitted 01.01.2025; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication 28.01.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Карташкова Фаина Иосифовна — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kartashkova@rambler.ru

Kartashkova Faina Iosifovna — Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kartashkova@rambler.ru

Морозкина Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков, Ульяновский государственный педагогический университет, г. Ульяновск, Россия, tatyana_morozkin@mail.ru

Morozkina Tatyana Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Romano-Germanic languages, Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation, tatyana_morozkin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 58—62.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 58—62.

Научная статья

УДК 81'34

DOI: 10.46726/И.2025.1.8

КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЛОДИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И КИНЕСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Илья Дмитриевич Генделев

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия,
elijah011@mail.ru

Аннотация. На современном этапе развития дискурсивной лингвистики все более актуальными становятся вопросы взаимодействия нескольких модальностей в процессе коммуникации. В настоящей статье на материале документального интервью страноведческого характера впервые исследуется взаимосвязь мелодических моделей и кинесических средств в речи представителей английской и американской культур. На интонационном уровне изучается изменение высоты голосового тона в предтерминальной части синтагмы. В британском варианте рассматриваются ступенчатая и скользящая шкалы, а в американском — средняя ровная и средняя волнообразная шкалы. На кинесическом уровне в фокусе исследования находятся акцентирующие жесты руки, головы и тела, а также движение бровей. В результате аудиторского, визуального и комплексного сопоставительного видов анализа были выявлены мелодико-кинесические модели — сочетания интонационной и жестовой модальностей, являющиеся важными акцентирующими речевыми средствами. Данные, полученные в результате эксперимента, позволяют, с одной стороны, расширить существующие представления о взаимодействии интонации и кинесики в документальном интервью. С другой стороны, благодаря сравнительному анализу речевого поведения респондентов получена более полная картина межкультурного взаимодействия представителей английской и американской культур.

Ключевые слова: мелодическая шкала, кинесические средства, полимодальный дискурс, межкультурное общение, документальное интервью

Для цитирования: Генделев И.Д. Корреляция мелодических моделей и кинесических средств в полимодальном дискурсе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 58—62.

Введение. Как известно, в настоящее время человеческое общение все чаще рассматривается как *мультимодальный* процесс [Крейдлин; Кибрик; Ирисханова]. Это означает, что обмен информацией между коммуникантами осуществляется одновременно в вербальной и невербальной модальностях. Вербальная модальность реализуется в речи с помощью единиц, непосредственно являющихся частью языковой системы — грамматических, лексических и интонационных. К кинесическим средствам, напротив, относят всю совокупность телодвижений или выразительных жестов, которые, не являясь лингвистически релевантными, оказывают существенное влияние на человеческое общение [Ахманова: 189]. Общепризнанным является тот факт, что значительная часть передаваемого сообщения выражается невербально. В частности, например, известно, что жесты способны повторять, противоречить, заменять, дополнять или выделять информацию, выраженную словесно, а также регулировать процесс общения в целом [Кнапп; Цибуля; Крейдлин; Сухова; Потапова, Потапов]. Подобный спектр функций кинесических средств указывает на их важную роль в коммуникации.

В фокусе настоящего исследования находится полимодальная коммуникация представителей английской и американской культур, а именно: просодические и интонационные характеристики речи, с одной стороны, и невербальные средства общения — с другой.

На предыдущих этапах нашего исследования был осуществлен электроакустический анализ показателей частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности звукового сигнала (ИЗС) и среднеслоговой длительности (ССД) с целью выявить наиболее характерные *просодические модели*, используемые в речи говорящих. Затем, в результате визуального анализа, были определены *кинесические профили*¹ респондентов, принадлежащих к английской и американской культурам. На основе полученных данных также были выявлены наиболее распространенные *просодико-кинесические модели* в соответствии с культурным и гендерным факторами. Далее был осуществлен *аудиторский анализ* речи респондентов для определения характерных мелодических моделей английского произносительного стандарта — Received Pronunciation (RP) и американского произносительного стандарта — General American (GA) в изучаемом типе дискурса.

На данном этапе исследования мы ставим *целью* выявить особенности корреляции между мелодическими шкалами и кинесическими средствами, используемыми говорящими в межкультурном общении. В соответствии с указанной целью были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить характер и частотность использования акцентирующих движений с различными шкалами — определить *мелодико-кинесические модели*;
- 2) установить сходства и различия в употреблении мелодико-кинесических моделей представителями английской и американской культур.

Эксперимент. *Материал* исследования представлен, с одной стороны, спонтанной речью англичан (RP), выступающих в роли ведущих интервью, с другой — американских респондентов (GA), участников интервью. На основе ранее полученных данных анализу были подвергнуты такие шкалы, как скользящая и ступенчатая в RP, а в GA — средняя волнообразная и средняя ровная.

Методика проведения эксперимента заключалась в следующем: 1) за единицу анализа материала принималась синтагма; 2) в рамках синтагмы изучалась соотносительность характера движения мелодики в ее предтерминальной части с исследуемыми кинесическими средствами — жестами руки, головы и тела, а также движением бровей.

Корреляция мелодических шкал и кинесических средств

В соответствии с целью исследования были выявлены особенности корреляции мелодических шкал и кинесических средств в высказываниях представителей английской и американской культур. Результаты анализа речи носителей RP отражены на рисунке 1.

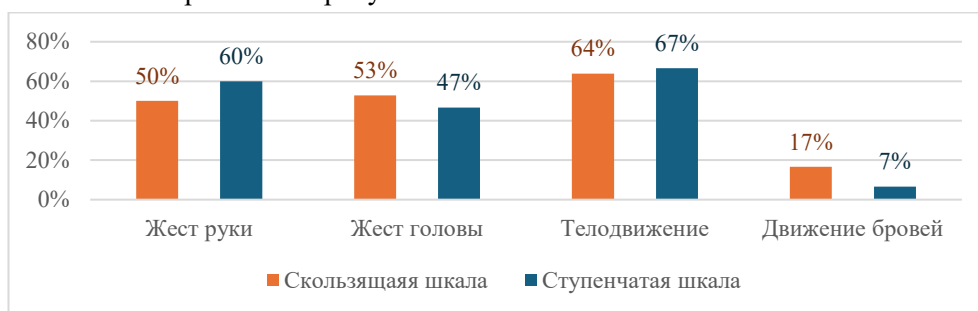

Рис. 1. Корреляция мелодических шкал и кинесических средств в речи носителей RP

¹ Под *кинесическим профилем* мы понимаем наиболее характерные невербальные средства, которые говорящий использует в процессе общения.

Согласно данной диаграмме, при произнесении *скользящей шкалы* представители английской культуры чаще всего используют акцентирующие телодвижения (64 %), жесты головы (53 %) и руки (50 %). Для *ступенчатой шкалы* характерно сочетание с телодвижениями (67 %), жестами руки (60 %) и несколько реже — жестами головы (47 %).

Корреляция шкал с движением бровей наблюдается в 7—14 % проанализированных синтагм, чаще — при произнесении говорящим *скользящей шкалы*.

Результаты анализа сочетаемости кинесических средств и мелодических шкал в речи носителей GA отражены на рисунке 2.

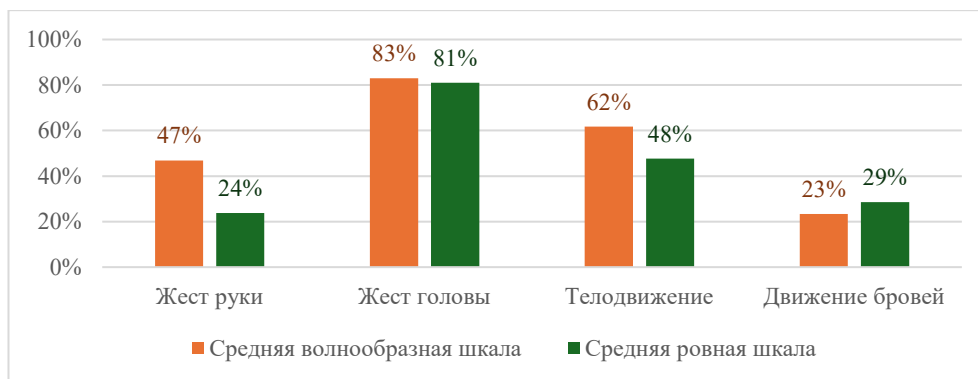

Рис. 2. Корреляция мелодических шкал и кинесических средств в речи носителей GA

Согласно полученным данным, при произнесении *средней волнообразной шкалы* представители американской культуры чаще всего используют акцентирующие жесты головы (83 %), телодвижения (62 %) и несколько реже — жесты руки (47 %). Для *средней ровной шкалы* наиболее характерной является корреляция с жестами головы (81 %), в то время как телодвижения и жесты рук в сочетании с данной мелодической моделью используются намного реже (в 48 % и 24 % случаев соответственно).

Анализ *движения бровей* позволил установить, что данное кинесическое средство взаимодействует со шкалами в 23—29 % синтагм; при этом чаще — при произнесении респондентами *средней ровной шкалы*.

Сопоставительный анализ употребления мелодико-кинесических моделей в RP и GA

В соответствии с задачами настоящего эксперимента речь представителей двух культур была подвергнута сопоставительному анализу с целью выявить отличительные особенности их кинесической активности в зависимости от употребляемых мелодических шкал.

В результате сравнения полученных данных было установлено, что в высказываниях англичан наиболее частотна корреляция *скользящей* или *ступенчатой шкалы* с *телодвижениями* (64—67 %). Кроме того, представители английской культуры при произнесении шкал более активно используют *жесты рук*, чем американские респонденты (50—60 % vs. 24—47 %).

Для речи американцев, напротив, наиболее характерно взаимодействие *средней волнообразной* или *средней ровной шкалы* с акцентирующими *жестами головы* (81—83 %). Также носителям GA, по сравнению с говорящими на RP, свойственно чаще употреблять мелодические шкалы в сочетании с *движением бровей* (24—29 % vs. 7—17 %).

Заключение. Таким образом, в результате проведенного эксперимента были выявлены особенности корреляции мелодических шкал с акцентирующими движениями в речи носителей RP и GA:

1) в речи носителей британского произносительного стандарта наиболее употребительными являются следующие мелодико-кинестические модели: «скользящая / ступенчатая шкала + телодвижение», «ступенчатая шкала + жест руки», «скользящая шкала + жесты головы»;

2) для высказываний говорящих на GA типичны такие модели, как: «средняя волнообразная / средняя ровная шкала + жест головы», «средняя волнообразная шкала + телодвижение»;

3) отличительные особенности кинестической активности англичан и американцев наблюдаются в частотности употребления исследуемых кинем в сочетании с мелодическими шкалами, что отражает тезис о культурной специфике невербального поведения человека.

Следует подчеркнуть, что результаты проведенного эксперимента подтверждают существующие данные о прочной взаимосвязи между интонацией и невербаликой, а исследование документального интервью страноведческого характера расширяет представления о различиях в поведении англичан и американцев в процессе межкультурного общения.

Список литературы / References

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 606 с.
(Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms, Moscow, 1966, 606 p. — In Russ.)
- Ирисханова О.К. Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О.К. Ирисханова. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 448 с.
(Iriskhanova O.K. Multimodal Dimensions of Discourse., ed. by. O.K. Iriskhanova, Moscow, 2022, 488 p. — In Russ.)
- Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / под ред. Ю.И. Александрова, В.Д. Соловьева. М.: Институт психологии РАН, 2010. Вып. 4. С. 135—152.
(Kibrik A.A. Multimodal linguistics, *Cognitive Studies: a collection of articles*, ed. by Iu.I. Aleksandrova, V.D. Solov'ev, Moscow, 2010, iss. 4, pp. 135—152. — In Russ.)
- Крейдли Г.Е. Кинесика // Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.: Вена, 2001. С. 166—254.
(Kreidlin G.E. Kinesics, *Grigor'eva S.A., Grigor'ev N.V., Kreidlin G.E. Dictionary of Russian Gestures*, Moscow, 2001, pp. 166—254. — In Russ.)
- Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р. Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации: монография / отв. ред. Л.Р. Комалова. М.: ИНИОН РАН, 2020, 210 с.
(Potapova R.K., Potapov V.V., Komalova L.R. Perception of Multimodal Mono- and Poly-Ethnic Communication: Monograph., ed. by L.R. Komalova, Moscow, 2020, 210 p. — In Russ.)
- Сухова Н.В. Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи (на материале английских документальных фильмов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 166 с.
(Sukhova N.V. Interaction Between Prosody and Nonverbal Means in Monologue Speech (on the English Documentaries): diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 2004, 166 p. — In Russ.)
- Цибуля Н.Б. Области исследования невербальных средств общения: монография. М.: Гнозис, 2020. 426 с.
(Tsibulya N.B. Fields of nonverbal studies: monograph, Moscow, 2020, 426 p. — In Russ.)
- Knapp M. Nonverbal Communication in Human Interaction, New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1972, 213 p.

CORRELATION BETWEEN MELODIC PATTERNS AND KINESIC MEANS IN MULTIMODAL DISCOURSE

Ilya D. Gendelev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, elijah011@mail.ru

Abstract. At present, the issues of interaction of several discourse modalities in communication are becoming more relevant for linguistic research. In the article, based on a documentary cross-cultural interview, the interrelation of melodic patterns and kinesic means in the speech of Englishmen and Americans is investigated for the first time. At the intonation level, the change of pitch is studied in the pre-terminal part of the sense-group. In Received Pronunciation, stepping and sliding heads are scrutinised while in General American mid-level and mid-wavy level heads are under consideration. At the kinesic level, the focus is on accentuating gestures of the hand, head, and body, as well as eyebrow movement. The results of auditory, visual, and comprehensive comparative types of analysis allowed for singling out a number of melodic-kinesic patterns — combinations of intonation and gestural modalities, serving as important accentuating means. The acquired data, on the one hand, serves to deepen the existing ideas about the interaction of intonation and kinesics in documentary interview. On the other hand, due to the comparative analysis of the respondents' speech, a more complete picture of cross-cultural interaction between representatives of English and American cultures is obtained.

Keywords: melodic head, kinesic means, multimodal discourse, cross-cultural communication, documentary interview

For citation: Gendelev I.D. Correlation between melodic patterns and kinesic means in multimodal discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 58—62.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 29.06.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 29.06.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Генделев Илья Дмитриевич — аспирант кафедры фонетики английского языка, Московский государственный лингвистический университет; ассистент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, Университет МИСИС, г. Москва, Россия, elijah011@mail.ru

Gendelev Ilya Dmitrievich — Postgraduate student at the Department of English Phonetics at Moscow State Linguistic University, assistant teacher at the Department of Foreign Languages and Communication Technologies at MISIS University, Moscow, Russian Federation, elijah011@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 63—69.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 63—69.

Научная статья

УДК 811.111:39

DOI: 10.46726/И.2025.1.9

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОДА (на материале британской прессы)

Ирина Владимировна Куражова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, stellina_@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена прецедентным феноменам, которые являются средством актуализации этнокультурного кода. Материалом для анализа послужили прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации, отобранные методом сплошной выборки из современной британской газетной публицистики в интернет-пространстве, доступной широкому кругу читателей. В статье проводится семантический анализ прецедентных феноменов и выявляется их перлокутивная цель. Выполненный анализ позволяет утверждать, что газетный дискурс отражает тенденции развития языка и определяет его качественные и количественные изменения через сохранение и пополнение корпуса прецедентной лексики. Отметим, что феномен прецедентности основан на общности культурных, социальных и языковых фоновых знаний носителей языка. Использование подобных феноменов в газетном дискурсе добавляет дополнительный уровень понимания, так как они являются частью воспринятых ранее текстов и вызывают в памяти адресата пережитый опыт. Выявлено, что проанализированные прецедентные феномены отражают ценностные ориентиры народа-носителя языка и являются важной частью национально-языковой картины мира англичан. Кроме того, были выделены прецедентные феномены нового поколения носителей языка, которые представляют ценность для коммуникантов, но могут быть непонятны представителям старшего поколения.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентное высказывание, газетный дискурс, национально-языковая картина мира

Для цитирования: Куражова И.В. Прецедентные феномены как актуализаторы этнокультурного кода (на материале британской прессы) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 63—69.

Активизация интереса к медийному дискурсу обуславливает стремительное развитие такого раздела современного языкознания, как медиалингвистика. Данное научное направление изучает речевую специфику массовой коммуникации, анализирует взаимодействие социальных факторов, информационно-коммуникативных технологий и языка. Внимание исследователей нацелено на такие проблемы, как анализ медиаречи на основе когнитивного подхода, интерпретационные свойства медиаречи, выражение идеологической модальности, информационно-вещательные стили, способы передачи информации, значимой для той или иной культуры, лингвокультурологические особенности медиаречи, взаимодействие языков и культур в условиях информационной глобализации, сопоставительный анализ речевых медиапрактик различных культур. Несомненно, существование особого языка СМИ способствует развитию

данного направления. Кроме того, тексты средств массовой информации в современном мире являются одной из самых распространенных форм существования языка. Медийная коммуникация находится в центре пристального внимания многих ученых-лингвистов, которые говорят как о положительных, так и отрицательных моментах, связанных с ней. Отмечается отсутствие жесткой иерархии правильного и неправильного, нормативного и ненормативного, а прослеживается стремление к расширенному представлению о вариантах передачи информации в соответствии с различными обстоятельствами. Делается акцент на необходимости формирования экоречевой компетентности в медиа и речевой медиаграмотности с целью оценки качества речевой деятельности в массмедиа, а также выявления конфликтной медиаречи и речевых преступлений в медиа. Это позволит отделить профессиональную речь в медиа от непрофессиональной, соотнести журналистскую деятельность с социальными, общекультурными и речевыми нормами — целесообразными, разрешающими или запрещающими.

Следует отметить, что медиадискурс обладает способностью отражать некоторые структуры знаний и оценок мира, что нацеливает адресата на определенное суждение и осмысление окружающей действительности, и впоследствии на определенные поступки и поведение. Передача, обработка и толкование полученной информации — основные цели медиадискурса. Кроме того, зачастую СМИ выступают как средство борьбы за власть в силу огромных возможностей воздействия на аудиторию. Специалисты в области медиапсихологии отмечают тот факт, что окружающий мир воспринимается современным человеком на основе полученной в СМИ информации, так как он не обладает достаточным опытом многих происходящих в мире событий. В результате знание об окружающей действительности строится на интерпретации данных СМИ, что в ряде случаев приводит к заблуждению. Следует отметить культурную специфику языка СМИ, так как он является результатом разных социально-политических групп и национально-культурных сообществ.

Медиадискурс занимает особое место благодаря возникновению информационной инфраструктуры или инфосферы, возможности тиражирования результатов творчества, престижности медийного дискурса, способности изменять индивидуальное и социальное и формировать интернациональные качества у национальных языков, а также возможности генерирования отдельной, иногда ложной реальности “fake news” [Добросклонская].

Исследователи Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова отмечают отличие живой аудитории от адресата медиадискурса, который не характеризуется ни единством в пространстве и времени, ни психологическим единством. Чем более широкую аудиторию получают СМИ, и чем, соответственно, больше они теряют связь с индивидуумом, тем сильнее сами медиа и люди, осуществляющие борьбу за власть. Прослеживается стремление индивидуализировать отношения с каждым членом аудитории, подчёркивая, тем не менее, не индивидуальные свойства их слушателей / зрителей / читателей, а общие, что не может не отражаться на качестве медиадискурса [Кубрякова, Цурикова].

Сложно определить четкие границы дискурса СМИ, так как он не ограничивается теледискурсом, радиодискурсом, дискурсом прессы, кинодискурсом, рекламным дискурсом и интернет-дискурсом. Существующий список будет расширяться за счет появления новых медиа. Тем не менее сфера СМИ обладает ядром и периферией. К ядерной части относят прежде всего теледискурс, радиодискурс, газетный и рекламный дискурс. Все они в той или иной

степени характеризуются воздействующей функцией, следуют речевой моде, ориентируются на социальный заказ и им свойственно широкое применение публицистического стиля. Возникает гибкое отношение к отклонению коммуникации в сфере СМИ, формируется расширенное представление о вариантах, которые возможны в различных ситуациях. Исчезает четкое разграничение нормы и ненормы. Можно говорить об особом стиле медиа, который характеризуется большей демократичностью и дозволенностью.

В данной статье мы рассматриваем газетный дискурс как элемент ядерной части медиадискурса, отражающий тенденции развития языка и определяющий качественные и количественные его изменения. Это прослеживается через сохранение и пополнение корпуса прецедентной лексики, образование и активное использование новых фразеологизмов, формирование неологизмов, омонимии и полисемии слов.

Журналистика часто заимствует образы из народного творчества, художественной литературы, фактов общественной жизни. Приемы их использования многообразны: от полного привлечения контекста произведения до применения всего одной фразы или имени известного героя. Эти фразы и имена настолько емкие и так прочно укоренились в сознании читателей, что это дает возможность лаконично и четко формулировать отношение к объекту.

Объектом нашего исследования являются веб-сайты британских издателей новостей, которые были отмечены как лидеры по посещаемости с помощью сервиса SimilarWeb. SimilarWeb оценивает трафик, аудиторию, поисковую оптимизацию и многое другое. Согласно статистике, можно выделить три самых популярных сайта: bbc.co.uk занимает 1 место и является самым посещаемым веб-сайтом издателей новостей и медиа в Соединенном Королевстве в январе 2024 года, за ним следует dailymail.co.uk, занявший второе место, и theguardian.com, занявший 3 место среди лидеров веб-сайтов издателей новостей и медиа в Соединенном Королевстве.

В настоящее время наблюдается значительный интерес к изучению прецедентных феноменов (ПФ), которые могут быть как вербальными (текст), так и невербальными (скульптура, живопись). Следует отметить, что они составляют ядро когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке. В этой связи изучение прецедентных феноменов конкретного языка позволит выявить ценностные ориентиры и особенности национально-языковой картины мира того или иного народа-носителя языка.

Термин «прецедентный текст» был предложен Ю.Н. Карауловым в 1986 г. Прецедентными Караулов считает завершенные эмоционально-интеллектуальные пакеты информации, имеющие значение для той или другой общественной группы, которые хорошо известны в данном социуме и постоянно используются в актах коммуникации [Караулов 2009]. Отметим основные характеристики прецедентных феноменов. Во-первых, они играют важную роль для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях. Во-вторых, ПФ имеют сверхличностный характер, поскольку известны широкому окружению данной личности, как ее предшественникам, так и современникам. В-третьих, обращение к таким феноменам происходит многократно в коммуникативной деятельности данной языковой личности [Караулов 1987].

До недавнего времени выделяли прежде всего прецедентные тексты, прецедентные высказывания и символ прецедентного текста. Вслед за учеными-лингвистами Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаевой мы анализируем прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные

высказывания и прецедентные тексты, которые были выявлены методом сплошной выборки из статей современного британского газетного онлайн-медиатекста [Гудков и др. 1997].

Отметим, что прецедентные тексты являются самыми распространенными. Ученые называют такие тексты хрестоматийными, даже при условии того, что они не включены в школьный учебный план по литературе и их там не читали, но общество в любом случае знает о них, ознакомившись с ними или услышав о них во время общения. Знание прецедентных текстов указывает на принадлежность субъекта к данной эпохе и ее культуре. Незнание этих текстов показывает оторванность субъекта от этой культурной эпохи [Караулов 2009].

Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева полагают, что прецедентный текст — это законченный и самодостаточный продукт коммуникативной деятельности, предикативная единица. Представители лингвистического сообщества хорошо знают и часто используют прецедентные феномены в речи. Кроме того, прецедентные феномены актуальны в плане познания и экспансии [Гудков и др. 1997]. Прецедентные феномены — это единицы, с которыми знакомы почти все участники конкретного лингвистического сообщества и которые хранятся в национальном сознании и постоянно применяются во время коммуникации [Гудков 1999].

Г.Г. Слышкин считает, что некоторые из прецедентных текстов будут понятны только ограниченному кругу людей. Кроме того, существуют тексты, которые будут являться прецедентными только в определенный период времени. Они не будут известны предыдущему поколению и прекратят свое обращение в речи быстрее, чем придет новое поколение носителей языка. Однако во время своей «прецедентности» эти феномены представляют ценность для коммуникантов, а основанные на них заимствования могут быть использованы в дискурсе данного периода времени [Слышкин].

Прецедентные феномены нового поколения носителей языка представлены в проанализированных британских статьях довольно широко. Кроме того, они используются наряду с известными прецедентными текстами.

Так, например, в статье *“This is much more intimate”: Colm Tóibín on writing a sequel to Brooklyn, 15 years on*¹ («Это гораздо более интимно»: Колм Тойбин о написании продолжения «Бруклина» спустя 15 лет) ирландский писатель Колм Тойбин рассказывает о своем отношении к написанию продолжения своего бестселлера «Бруклин» и о том, как его не удостоили премии «Оскар». Писатель задается вопросом, как бы читатели отнеслись к появлению продолжений всем известных произведений. В статье он ссылается на роман английской писательницы Джейн Остин «Гордость и предубеждение» и модернистский роман ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс», а также автор упоминает имя Молли Блум, американской бизнесвумен, спортсменки и автора книги «Игра Молли: Правдивая история о 26-летней женщине, которая организовала самые эксклюзивные игры в покере в мире!», которая вышла в 2014 году: *“It would have been a disaster if Pride and Prejudice had a sequel. It would have been a disaster if Ulysses had a sequel. Imagine!” the Irish novelist exclaims from his study in Columbia University, New York, where he teaches. “It ends with Molly Bloom asleep, then you’d suddenly realise, “Oh, my God, it’s starting another day”* («Было бы катастрофой, если бы у “Гордости и предубеждения” было

¹ “This is much more intimate”: Colm Tóibín on writing a sequel to Brooklyn, 15 years on. URL: <https://goo.su/gmu2> (accessed: 19.05.2024).

продолжение. Было бы катастрофой, если бы у “Улисса” было продолжение. Представьте себе!» — восклицает ирландский писатель из своего кабинета в Колумбийском университете в Нью-Йорке, где он преподает. — Все заканчивается тем, что Молли Блум засыпает, а потом ты внезапно осознаешь: “Боже мой, начинается новый день”»). До 2017 года имя Молли Блум было известно только истинным ценителям покера. Однако после киноленты Аарона Соркина «Большая игра» с Джессикой Честейн в главной роли о «принцессе покера» заговорил весь мир. Тем не менее это имя, скорее всего, мало известно старшему поколению, но вызывает определенные эмоции и отражает ценностные ориентиры более молодого поколения. Прежде всего это стойкость, несгибаемость, стремление добиваться успеха и преодолевать трудности. Вместе с тем с ее именем связана тема эмансипации и равенства женщин. Автор статьи выбрал наиболее популярные произведения, которые вызвали огромный интерес у читателей.

В статье “*Doctor Who*: even the haters will find it impossible to resist Ncuti Gatwa²” («“Доктор Кто”: даже ненавистники не смогут устоять перед Нкути Гатвой») автор размышляет о сериале «Доктор Кто» и новом актере, исполняющем главную роль. Многие зрители не приняли продолжение, но, несмотря на это, сериал имел успех. Прецедентное имя *Disney*, несомненно, всем известно и не требует дополнительных объяснений. С начала XX века компания зарекомендовала себя как лидер американской анимационной индустрии. “*The injection of Disney cash has definitely helped — the new series looks utterly, hugely epic...*” (Денежные вливания *Disney* определенно помогли — новый сериал выглядит совершенно, невероятно эпичным...). С одной стороны, имя *Disney* олицетворяет добрую магию и волшебство, а с другой — ассоциируется с успехом и лидерством.

Кроме прецедентных имен и текстов также встречаются прецедентные высказывания. Одним из примеров является *to phub or not to phub*. Данное высказывание претерпело сложную модификацию, поскольку всем известную фразу дополнили неологизмом *phub*. В статье “*To phub or not to phub? It’s a modern etiquette dilemma*”³ (Отвлечься на смартфон или нет. Это дилемма современного этикета) журналиста Майкла Хогана затрагивается проблема полного погружения в мобильный телефон, потере зрительного контакта и интереса к собеседнику во время живого общения. Фаббинг (от англ. *phubbing*) — состоит из двух основ: *phone* (от англ. — телефон) и *snubbing* (пренебрежительное отношение). “*To phub or not to phub*” является аллюзией на шекспировское высказывание “*to be or not to be*”. Автор подчеркивает две стороны происходящего, во-первых, необходимость решать проблему, а во-вторых, подчеркивается ее сложность и отсутствие решения, которое всех удовлетворит.

В статье Тима Адамса “*No one should have more than €10m: the author of Limitarianism on why the super-rich need to level down radically*”⁴ (Ни у кого не должно быть больше 10 миллионов евро: автор книги “Лимитаризм” о том, почему сверхбогатым нужно радикально снизить свой уровень) рассматривается идея радикального снижения доходов чрезмерно богатых людей. В интервью профессор Ингрид Робейнс говорит о том, почему сверхбогатым необходимо

² Doctor Who: even the haters will find it impossible to resist Ncuti Gatwa. URL: <https://goo.su/v47a> (accessed: 19.05.2024).

³ To phub or not to phub? It’s a modern etiquette dilemma. URL: <https://goo.su/4Pnd72> (accessed: 19.05.2024).

⁴ No one should have more than €10m: the author of Limitarianism on why the super-rich need to level down radically. URL: <https://goo.su/g9Ow2> (accessed: 19.05.2024).

радикально снизить уровень жизни. В своей статье Тип Адамс обращается к следующим прецедентным феноменам: *communist, Thomas Piketty, Plato*. “*Critics of Robeyn’s ideas tend to fall into two camps; she is either naive or a communist (or both). She insists she is neither and counters these arguments by making the case that placing an upper limit on earnings and wealth is not only ethical but also rational. In this argument she can not only cite the likes of Thomas Piketty, author of the bestselling Capital in the Twenty-First Century, as a fellow traveler, but also philosophers of democracy going back to Plato*” (Критики идей Робейн, как правило, делятся на два лагеря: она либо наивна, либо коммунистка (или и то, и другое). Она настаивает на том, что не является ни тем, ни другим, и опровергает эти аргументы, доказывая, что установление верхнего предела заработка и богатства не только этично, но и рационально. В своих рассуждениях она опирается не только на Томаса Пикетти, автора бестселлера «Капитал в XXI веке», но и на философов демократии, восходящих к Платону). Все рассматриваемые прецедентные феномены связаны с идеями справедливости, всеобщего равенства и экономического процветания. С помощью прецедентного феномена *communist* автор подчеркивает невозможность экономического равенства в обществе, так как идея коммунизма — это утопическая философская идея об идеальном экономическом и общественном обустройстве государства, которая не была реализована. В противопоставление этому прецедентному феномену профессор Ингрид Робейнс использует в своей речи прецедентное имя *Thomas Piketty*, которое позволяет говорить о том, что идеи экономического роста и отсутствия имущественного неравенства, возможны. Кроме того, прецедентное имя афинского философа классического периода Древней Греции *Plato* также связано с идеями равенства и справедливости. Упоминание всем известных имен должно способствовать убеждению читателей в реальности предлагаемых решений.

Использование прецедентных феноменов в британских газетах добавляет дополнительный уровень понимания, так как являются частью воспринятых ранее текстов и вызывают в памяти читателя пережитый опыт. В этой связи можно говорить об эмфатической функции прецедентных феноменов, так как они акцентируют внимание на самом важном в смысловом отношении. Следует отметить, что использование данных прецедентных феноменов сопряжено с речевой экономией в количественном отношении, поскольку они дают возможность автору статьи предельно кратко передать большой объем информации, выразить свое отношение, избегая дополнительных объяснений. Вместе с тем выбор того или иного прецедентного феномена обусловлен особенностями мышления реципиента, необходимостью донести до него важную информацию и вызвать искомую реакцию.

PRECEDENT PHENOMENA AS ACTUALIZERS OF THE ETHNOCULTURAL CODE (based on the material of the British Press)

Irina V. Kurazhova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, stellina_@mail.ru

Abstract. This article is devoted to precedent phenomena that are a means of updating the ethnocultural code. The material for the analysis was precedent names, precedent texts, precedent statements and precedent situations, selected by a continuous sampling method from modern British newspaper journalism in the Internet space, accessible to a wide range of readers. The article provides a semantic analysis of precedent phenomena and identifies their perlocative purpose. The performed analysis allows us to assert that newspaper discourse reflects the trends in the development of language and determines its qualitative

and quantitative changes through the preservation and replenishment of the corpus of precedent vocabulary. It should be noted that the phenomenon of precedent is based on the common cultural, social and linguistic background knowledge of native speakers. The use of such phenomena in newspaper discourse adds an additional level of understanding, since they are part of previously perceived texts and evoke the recipient's experience. It is revealed that the analyzed precedent phenomena reflect the value orientations of the native-speaking people and are an important part of the English linguistic picture of the world. In addition, precedent phenomena of a new generation of native speakers were highlighted, which are valuable for communicants, but may be incomprehensible to representatives of the older generation.

Keywords: precedent name, precedent text, precedent statement, newspaper discourse, national-linguistic picture of the world

For citation: Kurazhova I.V. Precedent phenomena as actualizers of the ethnocultural code (based on the material of the British press), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 63—69.

Список литературы / References

- Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1997. № 4. С. 106—118.
(Gudkov D.B., Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Bagaeva D.V. Some features of the functioning of precedent statements, *Bulletin of the Moscow State University, series 9: Philology*, 1997, iss.4, pp. 106—118. — In Russ.)
- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999. 152 с.
(Gudkov D.B. Precedent name and precedent problems, Moscow, 1999, 152 p. — In Russ.)
- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС, 2005. 286 с.
(Dobrosklonskaya T.G. Questions of studying media texts: the experience of studying the modern English media language, Moscow, 2005, 286 p. — In Russ.)
- Караулов Ю.Н. Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: Флинта, 2009. 416 с.
(Karaulov Yu.N. Actual problems of modern linguistics, Moscow, 2009, 416 p. — In Russ.)
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
(Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality, Moscow, 1987, 261 p. — In Russ.)
- Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации. М., 2008. С. 183—210.
(Kubryakova E.S., Curikova L.V. Verbal media activity as a special type of discursive activity, *The language of the media*, Moscow, 2008, pp. 183—210 — In Russ.)
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 141 с.
(Slyshkin G.G. Linguistic and cultural concepts of precedent texts, Moscow, 2000, 141 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 26.07.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 26.07.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Куражова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, stellina_@mail.ru

Kurazhova Irina Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), associate professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, stellina_@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 70—80.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 70—80.

Научная статья

УДК 94(37).07

DOI: 10.46726/И.2025.1.10

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕТОРИАНСКОЙ ГВАРДИИ В ЭПОХУ ПРИНЦИПАТА

Елена Сергеевна Иванова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, ivelina777@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема церемониальных функций преторианской гвардии и их значения для политической культуры Принципата. Рассматриваются визуальные проявления политической роли преторианцев в государственно-династических церемониях с целью проследить действие скрытых механизмов власти. Для достижения данной цели применяются подходы перформативного поворота, в рамках которого церемонии и ритуалы изучаются как срежиссированные спектакли, организованные с политической целью для определенных адресатов. Автор приходит к выводу, что государственно-династические церемонии с участием гвардии имели важное значение для легитимации власти принцепса. Так, аккламации преторианцев во многих случаях выступали первичным институциональным ритуалом наделевания кандидата в императоры верховной властью, а триумфы и *adventus* служили консенсусными ритуалами поддержки правящего режима и одобрения его политики. Ведущая роль преторианцев в этих церемониях показывает, что положение гвардейцев в иерархии императорского двора было сопоставимым по значению с влиянием сенаторского и всаднического сословий, и мнение гвардии оказывало значительное влияние на принятие политических решений.

Ключевые слова: преторианская гвардия, церемонии, римский императорский двор, *acclamatio*, *triumphus*, *adventus*, *funus publicum*

Благодарности: работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Для цитирования: Иванова Е.С. Церемониальные функции преторианской гвардии в эпоху Принципата // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 70—80.

Введение

Септимий Север в «Истории» Геродиана называет преторианцев воинами, которые служат в основном для торжественных шествий, а не для проявления доблести (Hdn. II.10.2). Хотя такая оценка имеет право на существование, стоит отметить, что гвардейцы принимали участие в военных кампаниях начиная

с принципата Клавдия. Во II и III вв. н. э. их присутствие на театре военных действий становится регулярным, и многие из них получают награды за доблесть [Bédoyère: 114, 187], как, например, солдат IX когорты Гай Аррий Клемент, награжденный ожерельями, браслетами и фалерами за дакийскую войну Траяна (CIL XI 5646). По-видимому, мужество и храбрость были свойственны преторианцам в той же мере, что и legionерам, а утверждение Септимия Севера является риторическим преувеличением.

В то же время нельзя отрицать, что служба в преторианской гвардии предполагала и регулярное участие воинов в торжественных мероприятиях римского императорского двора [Kelly]. Гвардейцы окружали императора при утренних приветствиях и на пирах, сопровождали его в ходе триумфов и церемоний вступления в город, присутствовали на дипломатических приемах и провожали правителя в последний путь. Несмотря на пренебрежительную оценку Септимия Севера, церемониальный аспект деятельности преторианцев играл важную роль в системе императорской власти Римской империи [Rollinger 2023: 57].

К проблеме церемониальных функций преторианских когорт совсем недавно впервые обратился немецкий исследователь К. Роллингер [Rollinger 2022; 2023]. Ранее данные вопросы не рассматривались ни в классических трудах, посвященных преторианцам [Durry; Passerini], ни в современных работах, сосредоточенных преимущественно на организации, социальном составе и политической роли гвардейцев [Bingham; De la Bédoyère; Kerr; Ottley; Rocco]. Отсутствие интереса к участию преторианцев в придворном церемониале особенно примечательно в работах о политическом влиянии гвардии [McIntyre], поскольку, как показывает К. Роллингер, церемониальные действия могли быть организованы с политическими целями и служить способом передачи символических сообщений аристократии и другим адресатам [Rollinger 2022: 226]. Например, присутствие преторианцев в доспехах и с оружием в руках на дипломатических приемах должно было наглядно показать иностранным правителям-клиентам римское военное превосходство [Rollinger 2022: 242]. Также К. Роллингер отмечает, что со временем церемониальные функции преторианцев расширялись в связи с изменениями в социальных ожиданиях сенатской аристократии [Rollinger 2023: 74]. В эпоху Принципата «хороший» с точки зрения сенаторов правитель должен был поддерживать образ *civilis princeps* [Wallace-Hadrill], что ограничивало возможность присутствия военнослужащих на публичных, в том числе придворных, мероприятиях. По мере усиления императорской власти и отхода от республиканских традиций положение гвардии при дворе укреплялось. Однако вместе с этим гвардия постепенно утрачивала свои военные функции, трансформировавшись к V в. в сугубо церемониальный институт, основное назначение которого было, по мнению Агафия (Agath. V.15.2), в «увеличении достоинства и великолепия императора» [Rollinger 2023: 74].

В данной статье мы продолжим исследование К. Роллингера и рассмотрим взаимосвязь государственных церемоний с участием преторианцев и системы императорской власти. Обратившись к таким ритуализованным мероприятиям, как провозглашение императора (*acclamatio*), триумф, торжественный въезд правителя в город (*adventus*) и похороны принцепса, мы изучим визуальные проявления политической роли преторианцев, что, как представляется, позволит конкретизировать действие скрытых механизмов власти и формы ее репрезентации в политической системе Принципата. В отличие от К. Роллингера, сделавшего акцент на трансформации церемониальных функций преторианцев с I по IV в. н. э., мы сосредоточимся на семантическом аспекте церемоний

с участием гвардии в эпоху ранней Империи, чтобы определить, как именно преторианцы, исполняя церемониальные функции, включались в придворную жизнь, а вместе с тем и в большую политику.

Acclamatio

В период ранней Империи не существовало официальной церемонии вступления императора на престол. Наиболее близким по содержанию мероприятием была церемония воинской сходки преторианцев и ритуал *acclamatio* [Rollinger 2023: 59]. Этот ритуал в конце республиканской эпохи являлся формой оказания почета победоносному военачальнику, предполагал признание солдатами его военного искусства и заслуг, служил выражением лояльности войск [Arena: 139]. Однако в правление династии Юлиев-Клавдиев *acclamatio* приобретает другое значение, отрывается от своего военного контекста и трансформируется в основной способ предоставления кандидату в императоры легитимного права на верховную власть, превращаясь, по сути, в первичный институциональный ритуал, за которым следовало правовое закрепление со стороны сената и народа Рима [Там же: 144].

В 14 г. н. э., во время первого «престолонаследия» в истории принципата, необходимость в проведении *acclamatio* отсутствовала, поскольку на момент смерти Августа (19.08.14) его наследник Тиберий уже был наделен проконсульским империем и трибунской властью, сочетание которых и составляло основу власти принцепса [Великанова: 164]. По этой причине Тиберий имел возможность «не проявлять медлительность», а принять присягу на верность у сената, воинов и народа, назначить пароль преторианским когортам и направить послания войскам (Tac. Ann. I.7). Еще одним важным мероприятием первых недель правления Тиберия была consecratio Августа, после которой новый принцепс стал именоваться «сыном божественного Августа», что позволило распространить *maiestas* первого правителя на Тиберия и тем самым сакрализовать его власть [Великанова: 167]. Несмотря на особые полномочия Тиберия и его родство с божественным Августом, сенат признал его принцепсом и наследником только 17 сентября [Великанова: 165], т. е. почти месяц спустя после смерти предшественника. Впоследствии практика усыновления и наделения преемников проконсульским империем и трибунской властью закрепились и стала одним из способов передачи верховной власти в Риме. Этим способом власть получили Тит, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий, Каракалла и Гета.

Однако в начале принципата Калигулы возникла необходимость в проведении институциональной церемонии. В отличие от своего предшественника Калигула не был наделен ни проконсульским империем, ни трибунской властью и оставался частным лицом в момент смерти Тиберия. Легитимизировать положение Калигулы позволил ритуал *acclamatio* на воинской сходке преторианцев, созванной, вероятно, по инициативе префекта Макрона в Мизене уже через день после кончины Тиберия [Smallwood: 13]. Как сообщает Светоний, решение армии было одобрено сенатом и народом: «И когда он вступил в Рим, тотчас с общего согласия сената и ворвавшейся в курию толпы... право и власть над всеми делами были ему предоставлены» ((Suet. Cal. 14). Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — *Е. И.*). Так же быстро развивались события и после убийства Калигулы. Уже в день смерти тирана преторианцы на сходке в своем лагере провозгласили Клавдия императором, а сенат после недолгих споров был вынужден утвердить решение воинов (Cass. Dio LX.1). В начале правления Нерона, усыновленного Клавдием и объявленного наследником принцепса, схема провозглашения воинами императора и утверждения

их решения сенатом выглядит уже как полноценная церемония: «перед ступенями дворца его приветствовали как императора и на носилках отнесли в лагерь, а оттуда, сразу же после обращения к воинам, в курию. И он вышел [из курии] вечером, одаренный неизмеримыми почестями, лишь имя отца отечества отклонив ввиду своей молодости» (Suet. Nero. 8). Впоследствии с ритуала *acclamatio* на воинской сходке преторианцев началось правление Гальбы (Plut. Galba. 2), Отона (Plut. Galba. 25), Домициана (Cass. Dio LXVI.26), Нервы (Cass. Dio LXVIII.1), Пертинакса (Cass. Dio LXXIV.1), Дидия Юлиана (Cass. Dio LXXIV.11.6), Александра Севера (Hdn. V.8.10). Другие императоры восходили на престол без участия преторианцев, получая аккламацию от легионеров, как Вителлий (Suet. Vit. 8), Веспасиан (Cass. Dio LXIV.8), Септимий Север (Hdn. II.9.11), Макрин (Hdn. IV.14.2—3) и Гелиогабал (Hdn. V.3.12), что было связано прежде всего с тем, что на момент провозглашения эти претенденты на престол находились в провинциях.

Итак, *acclamatio* на воинской сходке преторианцев приобретает политическое значение и становится институциональным ритуалом начиная с принципата Калигулы. За этим ритуалом следовали сессия сената, на которой избранный преторианцами кандидат получал проконсульский империй, и народное собрание, утверждавшее передачу трибунской власти и других полномочий, частично отразившихся в Законе о власти Веспасиана [Arena: 147]. Таким образом, армия в лице преторианских когорт, объявлявшая свое решение на сходке, стала равноправным (и фактически первичным) источником власти римских принцепсов [Махлаук: 208—227; Makhlaiuk].

Впоследствии провозглашенные преторианцами правители подчеркивали свою символическую связь с ними в официальном искусстве и монетном деле [Bédoyère: 225—226]. Так, Калигула выпустил медный сестерций с легендой *ADLOCUT(io) CON(ortium)*, т. е. «обращение с речью к (преторианским) когортам» (RIC 32). При Клавдии появились золотые и серебряные монеты с легендой *IMPER(ator) RECEP(tus)*, «император получил» (RIC 7), и изображением преторианского лагеря. По-видимому, легенда подразумевает лояльность гвардейцев, которую «получает» император в момент *acclamatio* [Gibson: 107]. Также при Клавдии была выпущена монета с изображением императора, пожимающего руку преторианскому солдату (RIC 12). Легенда данной монеты, *PRAETOR(iani) RECEP(t)*, обычно интерпретируется как «преторианцы получили», что, вероятно, указывает на достойное жалованье, денежные подарки, военные награды и возможности карьерного роста гвардейцев. При Нероне возвращается в обращение сестерций с легендой *ADLOCUT(io) CON(ortium)*, предположительно, в связи с раскрытием заговора Пизона [Smith: 284].

В случае необходимости демонстрации военной доблести правителя и лояльности его армии также могли проводиться повторные ритуалы *acclamatio*. Как отмечает П. Арена, эти ритуалы не были связаны исключительно с военными победами и организовывались в честь любых событий, важных для процветания империи, таких как дипломатические успехи или строительство общественных зданий. В таком контексте церемония *acclamatio* приобретала значение консенсусного ритуала и выражала согласие римского общества с политикой императора [Arena: 151—152]. Однако, поскольку ключевую роль в повторных аккламациях по-прежнему играла армия, включая преторианские когорты, именно одобрение военнослужащих придавало действиям правителя легитимный характер.

Помимо ритуала *acclamatio*, на воинской сходке гвардейцев фактически происходили церемонии усыновления и назначения наследника. Так, Гальба,

как сообщает Тацит, «оказал честь преторианцам», объявив об усыновлении Пизона Фруги Лициниана в их лагере (Tac. Hist. I. 17—18). Клавдий показывал своего сына Британника преторианцам еще младенцем (Suet. Claud. 27.2), а Нерона — в день его совершеннолетия (Suet. Nero. 7.2). Также не без одобрения гвардейцев произошло усыновление Луция Элия Адрианом (SHA. Aelius. 6) и назначение Марка Аврелия наследником Антонина Пия (SHA. Pius. 12; M. Aug. 7). Исключительным было положение сына Веспасиана, Тита, который был не просто представлен преторианцам в качестве наследника императорской власти, но и назначен префектом претория (Suet. Tit. 6).

Таким образом, воинская сходка и произведенный на ней ритуал *acclamatio*, инициированные Макроном в 37 г. в Мизене, стали прецедентом для последующих процессов передачи верховной власти. Примечательно, что мнение гвардии учитывалось не только в периоды политических кризисов, но и в «золотой век» Антонинов, когда на воинских сходках гвардейцам представляли наследников императорской власти. Можно поэтому согласиться с мнением Г. МакИнтайра [McIntyre: 222], называвшего гвардию символом и реальным источником императорской власти.

Triumphus et adventus

Римский триумф представлял собой торжественную церемонию вступления в Рим победоносного полководца, наделенного империем, с демонстрацией пленных и добычи. С одной стороны, триумф был высшей наградой, которую мог получить полководец в знак признания его военных заслуг, а с другой — религиозным обрядом, в ходе которого вернувшееся из похода войско очищалось от крови, пролитой им на войне, а полководец становился земным воплощением Юпитера Капитолийского. Поскольку в императорскую эпоху верховным главнокомандующим римской армии, обладавшим империем и ауспигиями, был сам принцепс, право на триумф могло быть предоставлено только императору и членам его семьи [Benoist: 195—308].

Первый известный триумф с участием преторианцев произошел в правление Калигулы. Император, построив мост между ПUTEОЛАМИ и БАВЛАМИ, устроил на нем своеобразную церемонию. В первый день Калигула, облачившись в панцирь Александра Македонского, прошел по мосту в сопровождении вооруженных воинов (вероятно, преторианцев), имитируя завоевание. На следующий день в одежде триумфатора на колеснице Калигула вернулся обратно, а «за ним тянулась длинная вереница людей, будто бы взятых в плен, среди них был и Дарий, муж из семейства Аршакидов, живший тогда в Риме в числе парфянских заложников. Далее следовали на повозках его друзья и свита в пестрых одеждах, шли войско и остальная толпа» (Cass. Dio LIX. 17.5—6. Здесь и далее пер. А.В. Махлаюка). Очевидно, что обратное шествие было имитацией триумфа. В историографии существуют разные точки зрения о целях и смыслах описанного мероприятия. Так, Дж. Балсдон считал [Balsdon: 53], что Калигула отмечал победу над Востоком, подразумевая успешное заключение мира с Артабаном III в 37 г. Присутствие тезки Дария III среди пленников демонстрировало, что Калигула превзошел самого Александра Великого, поскольку последнему не удалось захватить персидского царя живым. М. Клейвегт связывает данную церемонию с речью Калигулы против сенаторов, обвиненных в лицемерии и стремлении убить принцепса [Kleijwegt: 666]. Утратив поддержку сенатской аристократии, Калигула в официальном дискурсе стал подчеркивать свою тесную связь с армией. Поскольку молодому правителю не хватало военных

побед для празднования реального триумфа, он использовал его имитацию для укрепления своего авторитета среди преторианцев и легионеров. Поддержка армии была также необходима в связи с планировавшимся походом в Германию [Kleijwegt: 668]. Перед отъездом в провинцию Калигула, опасаясь заговора сенатской аристократии, стремился обеспечить лояльность преторианцев и обезопасить тем самым свои позиции в Риме на время военной кампании. Таким образом, мероприятие в Байях было политической акцией с целью устрашить сенатскую аристократию и показать ей, что новой опорой власти принцепса выступает преторианская гвардия и армия в целом [Там же: 669]. Поскольку приведенные гипотезы не противоречат друг другу, допустимо предположить, что триумф Калигулы в Байях ознаменовал сразу несколько его побед: и над парфянским царем, и над сенатской оппозицией.

Подобная церемония впоследствии была организована и Нероном [Там же: 663]. Когда армянский царь Тиридат прибыл в Рим для принятия тиары из рук императора и признания своего вассалитета, Нерон показал ему преторианцев «в блестящих доспехах, с оружием и значками, сверкавшими, как вспышки молний» (Cass. Dio LXIII.4.2). По свидетельству Диона Кассия (LXII.4.3), «днем Нерон, облачившись в одеяние триумфатора, вышел на Форум в сопровождении сенаторов и преторианцев, поднялся на возвышение и сел в курульное кресло. Затем Тиридат... прошел между рядами тяжеловооруженных воинов, выстроившихся с обеих сторон, и, остановившись около возвышения, склонился ниц перед императором». В ходе описанной церемонии, согласно Светонию (Nero. 13), Нерон был также провозглашен императором (в 11-й раз). На первый взгляд, данное мероприятие, объединившее в себе черты дипломатического приема, триумфа и аккламации, было адресовано исключительно Тиридату и его свите для демонстрации силы и величия римской державы. Однако, как и в случае с триумфом Калигулы, церемония Нерона происходила после конфликта с сенатом и раскрытия заговора Пизона, а также перед планировавшимися военными походами в Эфиопию и к «Каспийским воротам». По-видимому, Нерон не только устрашал Тиридата военной мощью империи, но и показывал сенату собственное могущество, зримым воплощением которого была гвардия.

Таким образом, в правление Юлиев-Клавдиев церемониальные шествия преторианцев во многих случаях имели символическое значение. Поскольку гвардейцы не принимали участия в военных кампаниях, победы в которых отмечались триумфами, их присутствие могло быть связано с желанием принцепса оказать почет прославленному полководцу, устрашить заложников или дипломатических представителей иноземных правителей, а также показать сенату собственное могущество.

Возможность праздновать триумфы именно за свои победы появляется у преторианцев в конце I в. н. э. Из нарративных источников, эпиграфики и иконографии известно об участии гвардейцев в дакийских войнах Домициана и Траяна, парфянском походе Луция Вера и войне с маркоманами Марка Аврелия [Bédouère: 165—209]. Однако описаний триумфов за эти кампании не сохранилось. Немногочисленность свидетельств о триумфальных церемониях в эпоху Принципата, вероятно, можно объяснить редкостью их проведения из-за монополизации права на триумф императором. Кроме того, как отмечает К. Роллингер, в императорский период триумфы постепенно объединяются с церемонией вступления принцепса в город (*adventus*) [Rollinger 2023: 64].

Наиболее раннее упоминание об участии преторианцев в церемонии *adventus* относится к правлению Тиберия. Когда племянник принцепса, Германик,

возвращался в Рим после военной кампании в Германии ему навстречу вышли все преторианские когорты, «хотя приказано было выступить только двум» (Suet. Cal. 4). Приказание Тиберия гвардейцам встретить и сопроводить Германика можно рассматривать как особую почесть и оказание уважения к военным успехам этого полководца.

Следующее свидетельство приводит Плиний Младший, описывая торжественный въезд в город Траяна после германской кампании: «И не был ты окружен отрядом телохранителей, но обступили тебя со всех сторон то сенаторы, то цвет всаднического сословия... тихо и спокойно ликторы твои прокладывали тебе путь: ведь воины ни наружностью, ни спокойствием, ни скромностью не отличались от народа» (Plin. Pan. 23.3). Гражданское облачение воинов, отмечает Роллингер, было визуальным маркером и своего рода программным заявлением Траяна, стремившегося показать римлянам, что его правление будет проходить в соответствии с принципами, заложенными Августом, и что он намерен поддерживать образ *civilis princeps* [Rollinger 2023: 65—66]. Подобная риторика засвидетельствована в источниках и для правления первых Флавиев (Cass. Dio LXVI.10.5), а также большинства Антонинов. Так, Марк Аврелий восхваляет своего отца, Антонина Пия, за то, что тот научил его «живя во дворце, не нуждаться в телохранителях» (M. Aug. Med. I.17.5). Впоследствии сам Марк Аврелий получит похвалу от Геродиана (Hdn. I.2.4) за запрет телохранителям отстранять от правителя подданных, подходивших к нему для приветствия. Таким образом, при Флавиях и Антонинах наблюдается отказ от публичных демонстраций военной мощи преторианцев, практиковавшихся «плохими» правителями с целью устрашения сенатской аристократии.

Торжественный въезд в Рим Септимия Севера «в сопровождении всего войска, пешего и конного, в полном вооружении» (Cass. Dio LXXV.1.3) ознаменовал конец эпохи «правления по-граждански». Как отмечает К. Роллингер, военная процессия вне традиционного триумфа или овации была явным нарушением правил императорского этикета [Rollinger 2023: 66]. Как и *adventus* Траяна, данная церемония стала визуальным маркером нового режима, основой которого был союз императора и армии. Стоит отметить, что накануне своего вступления в Рим Септимий Север распустил преторианскую гвардию в наказание за убийство Пертинакса [Гуськов]. Новая гвардия была сформирована из провинциальных легионеров, отличавшихся доблестью и лояльностью к Северу. Начиная с этого набора практика пополнения гвардии опытными легионерами стала регулярной. Роспуск старой гвардии и изменения в принципах ее комплектования, однако, не повлияли на положение преторианцев при императорском дворе. При Северах оно было настолько прочным, что одним из правителей этой династии стал префект претория Макрин (Cass. Dio LXXVIII.11.6).

Таким образом, присутствие преторианцев на таких церемониях, как *triumphus* и *adventus*, было связано не только с желанием сената и народа Рима оказать военные почести прославленным полководцам, как это было при вступлении в столицу Германика. Во многих случаях церемонии выступали частью официального дискурса, и участие в них преторианцев было вызвано необходимостью для императора сделать программное заявление или передать символическое сообщение аристократии. Форма одежды и манера поведения гвардейцев на таких мероприятиях указывали на стиль правления императора, который впоследствии римские интеллектуалы оценивали как «гражданский» или «тиранический».

Похороны

Демонстрация военных трофеев и шествие римских солдат, являвшиеся неотъемлемой частью триумфа, в конце республиканской эпохи становятся элементами и траурной церемонии [Flower: 109]. Первое участие ветеранов в погребальной процессии засвидетельствовано для похорон Суллы. По мнению Г. Флауэр, появление элементов триумфа в похоронных процессиях указывает на возросшую роль армии в политической жизни поздней Республики [Flower: 101]. Имитация триумфа на похоронах происходила и в форме шествия прославившихся на военном поприще предков, чьи изображения несли перед погребальным ложем. Из материальных ценностей демонстрировались как трофеи предков, так и военная добыча погребаемого, что указывало на накопление заслуг определенной семьи перед Римом и повторение ее успеха на протяжении поколений [Flower: 109]. Так римские похоронные процессии представляли зрителям ведущие семьи в государстве, что придавало этим церемониям политическое звучание [Flower: 223]. Поскольку в эпоху Принципата ведущей семьей Римской империи стало семейство принцепса, то и право на государственные похороны (*funus publicum*) начинает дароваться сенатом только правителю и его родственникам [Price: 64]. Другие аристократические семьи могли получить такое право от императора в знак признания их заслуг перед государством (Тас. *Ann.* IV.15; VI.27; *Hist.* IV.47).

Образцом проведения *funus imperatoris* стала похоронная церемония Августа. В целом она проводилась в соответствии с погребальными традициями аристократических семей, но в ее организации появились некоторые новшества [Flower: 238]. Тацит среди них отмечает проход погребального шествия через триумфальную арку, демонстрацию заголовков изданных Августом законов и наименований покоренных им племен и народов (*Ann.* I.8). По описанию Диона Кассия (LVI.42), «когда его [тело Августа] водрузили на погребальный костер, вокруг него обошли вначале жрецы, затем всадники..., потом вокруг костра совершили бег вооруженные воины гарнизона. Те из них, которые получили от него когда-либо победные награды за доблесть, бросали их в костер. Вслед за тем факелы... взяли центурионы и подожгли костер снизу». Дион Кассий отмечает, что подобным же образом был похоронен Агриппа, зять и сподвижник Августа (*Cass. Dio* LIV.28.5). Ритуальный бег преторианцев, упоминаемый в данном описании, также проводился на похоронах Друза, отца Германика и Клавдия (*Suet. Claud.* 1.3), и Друзиллы, сестры Калигулы (*Cass. Dio* LIX.11.2). Таким образом, Август закрепил появившуюся при Сулле традицию имитации триумфа на похоронах императора и членов его семьи. Поскольку преторианцы были единственным войском, располагавшимся в итальянских городах и самом Риме (не считая городских когорт), только они могли участвовать в последнем триумфе правителя и оказывать ему воинские почести. Более того, в некоторых случаях преторианцы занимали наиболее видное положение в похоронной процессии. Так, в то время как консулы и сенаторы шли нестройной толпой в погребальном шествии Германика, преторианцы получили от Тиберия право нести прах прославленного полководца (Тас. *Ann.* III.2).

Элементы похоронной процессии императора, сложившиеся при Августе, по-видимому, сохранились до конца эпохи Принципата. Похороны Пертинакса, организованные Севером, также происходили с имитацией триумфа. Так, восковое изображение Пертинакса было облачено в триумфальное одеяние, а в погребальном шествии были пронесены статуи, изображавшие подвластные императору народы. Вооруженные пешие и конные воины участвовали в шествии

и совершили ритуальный бег вокруг костра императора (Cass. Dio LXXV.4). Упоминание о ритуальном беге воинов присутствует у Диона Кассия и при описании похорон самого Септимия Севера (LXXVI.15.3). Геродиан, однако, свидетельствует об организации конного парада и шествии колесниц, на которых были помещены *imagines* прославленных римских полководцев и государей (Hdn. IV.2). Хотя оба историка не называют воинов, участвовавших в данных церемониях гвардейцами, в историографии преобладает мнение, что и пешие, и конные солдаты на похоронах Пертинакса и Септимия Севера были именно преторианцами [Rollinger 2023: 70—71].

Таким образом, преторианцы наряду с высшими сословиями Рима обладали правом «отдать последнюю дань уважения командующему армией и его *felicitas* на театре военных действий» [Там же: 74], что демонстрирует значимость полководческой роли для поддержания образа «хорошего» правителя. Кроме того, равноправное участие преторианцев, сенаторов и всадников в похоронной церемонии принцепса показывает, что положение гвардейцев как при дворе, так и в общественной иерархии было достаточно высоким и сравнимым с позициями высших сословий римского государства.

Заключение

Завершая обзор государственно-династических церемоний с участием преторианской гвардии, отметим, что все эти мероприятия имели важное значение для легитимации власти принцепса. Именно аккламация императора преторианцами во многих случаях фактически была первичным источником получения верховной власти. Организация императорских триумфов и их имитаций в погребальных церемониях и *adventus* демонстрировала поддержку армии правящему режиму, подчеркивая ее значение как его важнейшей опоры. Похороны принцепса с воинскими почестями свидетельствовали о роли императора как военного лидера и об одобрении армией его правления в целом. Ведущая роль преторианцев на этих церемониях показывает, что положение гвардейцев в иерархии императорского двора было близким к позициям сенаторского и всаднического сословий, и их мнение оказывало значительное влияние на принятие политических решений. Таким образом, гвардия выступает не только как военный институт с охранительными функциями, но и как политическая сила с активной позицией при дворе императора.

Список литературы / References

- Великанова Е.Н. Initium принцепса: порядок передачи власти первым преемникам Августа // ВДИ. 2007. № 3. С. 163—174.
(Velikanova E.N. Initium principis: the Procedure of Handing Over the Authority to the First Successors of Augustus, *JAH*, 2007, no. 3, pp. 163—174. — In Russ.)
- Гуськов Е.А. Роспуск преторианской гвардии в 193 г. н. э. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2024. Т. 6, № 1 (21). С. 120—129.
(Gus'kov E.A. Disbandment of the Praetorian Guard in 193 A.D., *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, 2024, vol. 6, no. 1 (21), pp. 120—129. — In Russ.)
- Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ: Изд-во Акра, 2006. 440 с.
(Makhlaiuk A.V. Soldiers of the Roman Empire. The Traditions of Military Service and the Martial Mentality, St. Petersburg, 2006, 440 p. — In Russ.)

- Arena P. *Imperator salutatus est. Rapporti tra salutationes imperatoriae e cerimonie da Caligola a Nerone, Il princeps romano: autocrate o magistrato? Fattori giuridici e fattori sociali del potere imperiale da Augusto a Commodo Commodo*, a cura di J.-L. Ferrary, J. Scheid, Pavia, 2015, pp. 139—183.
- Balsdon J. *The Emperor Gaius (Caligula)*, Oxford: Clarendon Press, 1934, 243 p.
- Benoist S. *Rome, le prince et la Cité. Pouvoir imperial et cérémonies publiques (Ier siècle av. — début du IVe siècle apr. J.-C.)*, Paris: Presses Universitaires de France, 2005, 397 p.
- Bingham S. *The Praetorian Guard. A History of Rome's Elite Special Forces*, London: I.B. Tauris, 2013, 240 p.
- De la Bédoyère G. *Praetorian. The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*, New Haven; London: Yale University Press, 2017, 336 p.
- Durry M. *Les cohortes prétoriennes*, Paris: E. de Boccard, 1938, 454 p.
- Flower H. *Ancestor masks and aristocratic power in Roman culture*, Oxford: Clarendon Press, 1996, 411 p.
- Gibson A.G.G. "All Things to All Men": Claudius and the Politics of AD 41, *The Julio-Claudian Succession: Reality and Perception of the "Augustan Model"*, ed. by A. Gibson, Leiden; Boston: Brill, 2013, pp. 107—132.
- Kelly B. Violence and Security at Court, *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC—c. AD 300: vol. 1: Historical Essays*, ed. by B. Kelly, A. Hug. Cambridge: Cambridge university press, 2022, pp. 371—394.
- Kerr J.L. The role and character of the praetorian guard and the praetorian prefecture until the accession of Vespasian: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (History), Glasgow: University of Glasgow, 1991, 279 p.
- Kleijwegt M. Caligula's "Triumph" at Baiae, *Mnemosyne*, 1994, vol. 47, fasc. 5, pp. 652—671.
- Makhlaiuk A.V. *Omnia deinde arbitrio militum acta: Political Initiative and Agency of the Army in Late-Republican and Early Imperial Rome, Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome*, ed. by R. M. Frolov, C. Burden-Strevens, Leiden; Boston: Brill, 2022, pp. 457—488.
- McIntyre G. Making and Breaking Emperors: The cohorts praetoria and the Transition of Imperial Power, *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*, Leiden, Boston: Brill, 2022, pp. 202—222.
- Ottley S. The Role Played by the Praetorian Guard in the Events of AD 69, as Described by Tacitus in his *Historiae*: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (History), Perth: University of Western Australia, 2009, 273 p.
- Passerini A. *Le coorti pretorie*, Rome: Angelo Signorelli, 1939, 362 p.
- Price S. From noble funerals to divine cult: the consecration of Roman emperors, *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*, ed. by D. Cannadine, S. Price, Cambridge: Cambridge University Press, 1987, pp. 56—105.
- Rocco M. *I pretoriani: soldati e cospiratori nel cuore di Roma*, Rome: Salerno editrice, 2021, 200 p.
- Rollinger C. Changing the Guard: Guard Units and Roman State Ceremonial from the First to the Fourth Century, *The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity*, Oxford: Oxford University Press, 2023, pp. 56—74.
- Rollinger C. Specie Dominationis: The 'Ceremonial' Uses of Imperial Bodyguards under the Principate, *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*, Leiden; Boston: Brill, 2022, pp. 223—248.

Smallwood E.M. Documents Illustrating the Principates of Gaius, Claudius and Nero, Cambridge: Cambridge university press, 1967, 147 p.

Smith D.R. The DECVRVRSIO Sestertius Types of Nero and the Lusus Troiae, *The Numismatic Chronicle*, 2000, vol. 160, pp. 282—289.

Wallace-Hadrill A. Civilis Princeps: Between Citizen and King, *JRS*, 1982, vol. 72, pp. 32—48.

CEREMONIAL FUNCTIONS OF THE PRAETORIAN GUARD UNDER THE PRINCIPATE

Elena S. Ivanova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivelina777@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the ceremonial functions of the Praetorian Guard and their significance for the political culture of the Principate. In particular, the author studies state-dynastic ceremonies in order to see the visual manifestations of the Praetorians' political role, that helps to understand the hidden mechanisms of power. To achieve this goal, the author applies the methodology of the performative turn, considering ceremonies and rituals as staged performances organized with a political aim for certain addressees. The author concludes that state-dynastic ceremonies with the Guard's participation were important for legitimizing princeps' power. For instance, *acclamatio* acted as the primary institutional ritual of providing the candidate for emperor with supreme power. At the same time, *triumphus* and *adventus* served as consensus rituals of support for the ruling regime and approval of its policies. The Praetorians' leading role in these ceremonies shows that the guards' position in the hierarchy of the imperial court was close to the senatorial and equestrian positions. For this reason, Guard's opinion had a significant influence on political decision-making.

Keywords: Praetorian Guard, ceremony, Roman imperial court, *acclamatio*, *triumphus*, *adventus*, *funus publicum*

Acknowledgments: this study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00374, The Imperial Mediterranean: Models, Discourses, and Practices of Imperialism from Antiquity to the Early Modern Time).

For citation: Ivanova E.S. Ceremonial functions of the Praetorian Guard under the Principate, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 70—80.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 24.12.2024.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 24.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Иванова Елена Сергеевна — аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, ivelina777@yandex.ru

Ivanova Elena Sergeevna — Postgraduate student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivelina777@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 81—88.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 81—88.

Научная статья

УДК 327(536.4)

DOI: 10.46726/И.2025.1.11

КАТАР В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР

Алим Маратович Абидулин, Дарий Дмитриевич Косульников

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,

г. Нижний Новгород, Россия, abidulin@imomi.unn.ru, d-kosulnikov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается внешнеполитическая концепция государства Катар в современной турбулентной системе международных отношений через призму сотрудничества с Турецкой Республикой. Нынешняя геополитическая ситуация диктует миру свои правила, в рамках которых Катар начал процесс переосмысления своей роли на Ближнем Востоке, в частности в Персидском заливе. Имея достаточно сильный потенциал, а также ресурсы, эмират в последние годы проводит прямолинейную внешнюю политику по наращиванию своего влияния в регионе как надежного партнера и современного прогрессивного государства. Ключевым партнером в концепции роста роли региональных держав для официальной Дохи является Турция. В статье авторы рассматривают взаимоотношения двух стран по ключевым сферам: военно-политической, экономической и идеологической.

Ключевые слова: Катар, Турецкая Республика, Персидский залив, Ближний Восток, региональные державы

Для цитирования: Абидулин А.М., Косульников Д.Д. Катар в современной геополитической системе: турецкий фактор // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2025. Вып. 1. С. 81—88.

Современное Королевство Катар представляет собой достаточно нетипичного «игрока» ближневосточного региона: оказавшись под дипломатической и экономической блокадой со стороны большинства стран Персидского залива, Доха смогла выстроить четкую внешнеполитическую концепцию и найти баланс между различными «блоками» на международной арене. На сегодняшний день Катар отличается от многих арабских государств своей внутренней стабильностью, он может с легкостью похвастаться активной и успешной борьбой с аномией — главным «врагом» арабских социумов [Тюкаева]. При этом внешняя политика официальной Дохи крайне изменчива и отвечает актуальной повестке.

Пройдя достаточно непростой путь от британского протектората до независимого эмирата, Катар сегодня — это страна с возрастающей ролью в ближневосточном регионе. Катарская политика стратегического балансирования в сочетании с позиционированием себя как прогрессивного и современного государства, а также надежного поставщика энергетических ресурсов, является ключевым элементом во внешнеполитическом курсе страны.

Доха придает серьезное значение своей роли в событиях и Персидского залива, и Ближнего Востока, именно поэтому выборность в плане партнеров является важным моментом во внешней политике. И если ранее Катар сделал

ставку на США, что, конечно же, повлияло на определенные события на внутреннем и внешнем рубеже страны, то сейчас наиболее приоритетными партнерами являются Турция и Иран, которые, в свете современной геополитической обстановки, в свою очередь, активно распространяют свое влияние на внешнем рубеже.

С подписанием Соглашения о стратегическом партнерстве в 2008 году Турция смогла выстроить диалог со странами Персидского залива. Это соглашение позволило Анкаре определить свои собственные приоритеты в политической, военной и экономической сферах. По сути, Турция стала первой мусульманской страной вне блока ССАГПЗ, которая смогла распространить свое влияние в регионе путем развития партнерства со странами Залива. Арабские страны также нашли в этом свой интерес, так как появилась альтернатива США в рамках укрепления своего могущества путем развития регионального сотрудничества, теперь этот статус имеет и Турция. Это событие, а также широкая региональная динамика проложили путь для расширения возможностей Анкары в Персидском заливе. При этом Турция во главе с Реджепом Эрдоганом придерживается своей собственной аккуратной внешнеполитической парадигмы по установлению стратегически важных двухсторонних отношений с конкретными государствами. В этом вопросе можно выделить и Катар как государство, занимающее далеко не последнее место в региональной сети Ближнего Востока, более того, оно так же привержено политике взаимного прагматизма, как и Турецкая Республика.

Стремительные изменения на международной арене задела Королевство Катар. Специальная военная операция на Украине и события в Секторе Газа повлияли не только на политический, но и на экономический фон [Там же]. Энергетическая ситуация в мире в определённый момент достигла высокого кризисного состояния, поэтому такие страны, как Катар, стали единственной выгодной и надежной альтернативой по поставке энергетических ресурсов. Внешнеполитическая стратегия баланса Катара и здесь отвечает сегодняшним вызовам — позиции Дохи усиливаются отсутствием других вариантов, особенно с учетом того, что Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты не обладают сопоставимыми возможностями по производству и экспорту СПГ.

Следуя своей внешнеполитической стратегической линии и вызовам актуальной геополитической ситуации, Катар ищет новые перспективные партнерские отношения. И здесь важно выделить Турцию как одну из ключевых стран в сети региональных контактов. Партнерство между двумя странами развивалось с начала 2000-х годов, тесное сотрудничество вкупе с многочисленными выгодными договорами и контрактами создали основу для надежных военно-политических и экономических взаимоотношений.

Особенно важно подчеркнуть сотрудничество Дохи и Анкары во время «арабской весны» и дипломатического кризиса 2017 года между странами Персидского залива. И хотя соседи Залива не приветствуют такое тесное сотрудничество, в рамках долгосрочного партнерства Катар и Турция уже прошли ряд важных этапов. Одним из этапов стало наращивание турецкого военного присутствия в регионе: в 2015 году турецкие солдаты были впервые размещены на территории Катара, впоследствии это событие создало фундамент для организации новой полноценной структуры под названием «Объединенное командование турецко-катарских вооруженных сил», что позволяет сделать вывод, что Доха и Анкара смогли найти общие точки соприкосновения и создать перспективную военную «платформу» для дальнейшего сотрудничества [Firat].

И для Катара данное партнерство — это возможная будущая конфронтация со многими арабскими странами, но при этом наличие военной базы, которая усилена спектром различного вооружения и продолжает активно развиваться за счет постоянных совместных учений и соглашений, гарантирует безопасность Катара на внутреннем и внешнем круге.

Турция не единственная страна, которая пытается нарастить военное присутствие в ближневосточном регионе, налаживая контакт с Катаром. Соединенные Штаты Америки также являются одним из партнеров Дохи в военно-политическом плане. Напомним, что с 2003 года на территории эмирата действует военная американская база «Эль-Удейд» с самым крупным военным контингентом США на всем Ближнем Востоке [El-Berni]. При этом Доха целенаправленно и постепенно наращивала военное сотрудничество с США, инвестируя деньги в базу. И хотя «Эль-Удейд» не раз становилась камнем преткновения в диалоге между Катаром и соседями Персидского залива, она продолжает функционировать. Более того, по разным сообщениям из СМИ, в 2024 году США продлили соглашение с Катаром о функционировании их базы на следующие 10 лет, что дает ясно понять о среднесрочных планах Вашингтона на ближневосточный регион. США не собираются отказываться от своих возможностей по углублению внешнеполитических позиций и дальнейшему влиянию на арабские страны, даже путем военно-политического давления. И в этом плане Вашингтон в какой-то степени зависим от Дохи.

Возвращаясь к вопросу турецко-катарского сотрудничества в регионе, стоит отметить, что Анкара позиционирует себя как наиболее приоритетного партнера, усиливая свои позиции по ряду вопросов. Осознавая прямую зависимость Катара от военно-технологических инвестиций, Турция и на сегодняшний день продолжает развивать интеграцию двух стран в этом направлении. С 2019 года на территории эмирата действует вторая турецкая военная база, цель которой — усиление стратегических позиций двух стран в Персидском заливе [Firat]. Новая база позиционируется как «командный штаб», то есть этот «центр принятия решений» дополняет общую парадигму сотрудничества Катара и Турции в военном вопросе. Кстати, турецкая сторона не пренебрегает своей давней традицией «братания» — Реджеп Эрдоган заявил о том, что новая турецко-катарская база является «символом братства», а также служит миру и стабильности не только Катара, но и всего Персидского залива, прямо намекая на то, что Турецкая Республика видит себя «медиатором» и «миротворцем» Ближнего Востока. Базу назвали в честь Халида бин Валида — одного из величайших генералов и воинов исламского мира, командовавшего армиями Пророка Мухаммеда. И в этом вопросе Анкара не забыла подчеркнуть, что кроме военно-политического и экономического сотрудничества существует еще и идеологическое, которому Турция уделяет пристальное внимание.

В вопросе военно-технологического сотрудничества Катар придерживается четкой последовательности, обращаясь к вызовам внешней и внутренней ситуации — например, Доха активно инвестирует в военно-промышленный комплекс Турции, получая от этого доходы. Так, в 2014 году Доха выкупила 49,9 % акций турецкой компании «ВМС» [Bakeer], которая занимается производством танкового снаряжения и оборудования. Благодаря этим и дальнейшим инвестициям, Доха с 2017 года получила 100 современных основных боевых танков, 585 бронетранспортеров, несколько видов инженерной техники, а также модернизированные платформы для БПЛА компании «Байрактар». На Международной выставке и конференции по военно-морской обороне в Дохе

в 2018 году Катар и Турция также заключили ряд важных контрактов с общей суммой на 800 млн \$ [Там же]. Сюда вошли контракты и соглашения на поставку и модернизацию различных видов вооружения, транспортных средств и военных кораблей. Также между Дохой и Анкарой было подписано соглашение о создании военно-морской базы «Vogouge» для расположения, тренировок и деятельности сил специальных операций. Для Катара это достаточно серьезный шаг в рамках повышения боеготовности и развития своих вооруженных сил, а для соседей по Заливу — это серьезный вызов, так как он представляет собой включение Катара в «большую игру» сетецентрической войны с улучшением своих разведывательных и тактических способностей. Можно смело заявить, что Доха, имея крупные средства и инвестиции, активно наращивает свой военный потенциал, адекватно оценивая свои возможности в регионе. Эмират, обладающий стабильной финансовой мощью, так еще и крупными и перспективными амбициями — это как раз отличный вариант для Турции и Эрдогана, в частности, для дальнейшего распространения своего влияния на Ближнем Востоке и возвращения в Персидский залив с военно-политической точки зрения.

На фоне последних событий в Секторе Газа Катар и Турция продолжили тесное сотрудничество, так как имеют одинаковый взгляд на события, обе страны высказываются в негативном формате о чрезмерной агрессии со стороны Израиля. При этом Катар поддерживает кооперацию с Тель-Авивом по ряду вопросов в экономическом сотрудничестве, и этот момент отправляет нас к вопросу стратегического балансирования Катара [Qatar “re-evaluating”...].

Возвращаясь к вопросу Сектора Газа, Доха и Анкара провели ряд встреч на высшем уровне для обсуждения военно-политической, гуманитарной и социальной сфер совместной деятельности. Турция также явно показала для внутренней и внешней аудитории, что она в курсе нахождения в Катаре штаба военизированной группировки ХАМАС. Более того, время от времени Эрдоган отмечает, что этот факт является ключевым в вопросе дальнейшей эскалации конфликта в Газе. Благодаря тому, что ХАМАС, по сути, находится не в Секторе Газа, Израиль не имеет возможности полностью уничтожить группировку. Турция активно привлекает внимание международной общественности к связям Анкары и ХАМАС, принимая высокопоставленных членов палестинской группировки, и, тем самым, проявляя лояльность к Катару [Kayaoglu].

В вопросе взаимоотношений двух государств с ХАМАС стоит также отметить интересную ситуацию, которая сложилась в последние годы. В разное время появлялись сообщения о том, что США, Катар и ХАМАС обсуждали вопрос переноса штаб-квартиры группировки в третью страну. При этом не было явных признаков, что такая возможность рассматривалась серьезно, но «новым домом» для ХАМАС и его лидеров в СМИ называлась как раз Турецкая Республика, аргументировалось это тем, что Анкара за последние годы выстроила полноценный и перспективный диалог с палестинской группировкой [Battaloglu]. Доха здесь в двойственной ситуации: с одной стороны, ХАМАС является важным компонентом во внешней политике эмирата, с другой стороны, наличие в стране штаба военизированной группировки влечет за собой ряд негативных последствий, которые могут перерасти в серьезную политическую проблему. В любом случае, пока разговоры о «новом доме» для ХАМАС остаются разговорами. Ни США, ни Катар, ни Турция не подавали явных знаков о том, что данная тема обсуждалась на высоком уровне [Turkey’s Erdogan says...].

Консенсус по углубленной интеграции с ХАМАС отсутствует и в самой Турции, так как размещение лидеров палестинской группировки может дать

Анкаре дополнительное преимущество, а может и создать определенные проблемы. Давление со стороны Израиля для Турции не самый лучший вариант — прием членов ХАМАС создает не прямой «казус-белли» для Израиля. Тем не менее, изменение текущей динамики, а также повышение дипломатической репутации Анкары за счет того, что в таком случае за Турцией остается главное решение по Сектору Газа, — это явно выгодный ход для Реджепа Эрдогана [Turkey's Erdogan says...].

Новый виток в масштабной воронке ближневосточного конфликта образовался 7 октября 2023 года, когда военизированные группировки ХАМАС атаковали границу Израиля. И сейчас Катар и Турция, как непосредственные участники этого цивилизационного противостояния, ищут способы по его деэскалации, при этом не забывая поддерживать и свои внешнеполитические позиции. В любом случае такая динамика на ближневосточном регионе, которая может с легкостью пошатнуть мировой баланс сил, должна решаться несколькими акторами с разных полушарий нашей Земли.

Помимо этого, Катар продолжает активно инвестировать в перспективные военные программы Турции. Здесь стоит привести пример программы «Алтай» — нового основного боевого танка турецких ВС. В рамках нескольких соглашений Доха согласилась поучаствовать в развитии программы, а также стать одним из первых получателей 250 танков «Алтай» [El-Berni]. Данное соглашение стало ключевым в рамках сотрудничества между катарской компанией SSB и турецкой ВМС за счет крупных инвестиций и самой стоимости программы. Хотя многие зарубежные и отечественные эксперты сомневаются в том, что программа будет успешно реализована в указанные сроки и боевые танки будут предоставлены в заявленном количестве, Доха пока не намерена от нее отказываться из-за отсутствия прямых и явных альтернатив. В таком ключе Катар активно повышает свою боеготовность, принимая во внимание беспокойность региона и крайне экспансионистский взгляд соседей.

Помимо военно-политического сотрудничества Катар и Турция наращивают кооперацию в сфере экономики. С началом дипломатической и экономической блокады Дохи в 2017 году торговый оборот между странами вырос на 47 % в конце 2018 года, впоследствии оборот продолжил расти, заключались новые соглашения и договоры. Основная сфера — это энергетические ресурсы, молочная продукция, машиностроительный бизнес. Однако Турция также ведет торговлю и с Саудовской Аравией, и ОАЭ, при этом торговый оборот с названными странами выше, чем с Катаром (Саудовская Аравия — около 6 млн \$ и ОАЭ — около 8 млн \$ по данным на 2020 год [Yuksel]). Торговый оборот между Турцией и Катаром составляет не более 2 млн \$ и остается на сегодняшний день в этих же рамках без стремительного темпа роста, так что экономический аспект не является основным драйвером развития турецко-катарских отношений.

Значительная часть современных исследований о взаимоотношениях Катара и Турции уделяет особое внимание общей концепции идеологии. Речь идет о крупной сети идеологического движения «Братья-мусульмане» [Хайруллин]. Принимая во внимание тот факт, что Катар является исламской страной с ваххабитским движением, это не мешает ему принимать у себя представителей «Братьев-мусульман». Более того, Доха активно развивает с ними контакт путем проявления терпимости и принятия «братьев» на территории Катара. И если внутри страны «Братья-мусульмане» — это всего лишь одна из многих исламских религиозных ячеек для Катара, которая сильного влияния не имеет, то за рубежом данная крупная сеть используется для достижения

собственных внешнеполитических целей и региональной гегемонии. Как раз стратегическое сближение с Катаром у Турции началось после прихода к власти партии Эрдогана «ПСР», впоследствии с 2008 года на высоком представительском уровне регулярно проходили встречи с обсуждением перспективы сотрудничества и развития кооперации, в том числе и идеологической. Возвращаясь к теме внешнеполитического сотрудничества двух стран с «Братьями-мусульманами», можно привести пример совместной поддержки Катаром и Турцией родственной «Братьям-мусульманам» палестинской организации ХАМАС, что также способствовало укреплению альянса. В 2007 г. Катар вместе с Турцией были единственными странами, поддержавшими ХАМАС после того, как группа вытеснила ФАТХ из сектора Газа [Хайруллин]. Еще один яркий момент, описывающий взаимодействие на оси Катар — Турция — «Братья-мусульмане», — это период «арабской весны», где Доха и Анкара совместными усилиями, а также тесной кооперацией с «Братьями» смогли добиться определённых внешнеполитических успехов — например, активного влияния на ситуацию в Египте и фактического прихода к власти «Братьев». Важно подчеркнуть, что обе страны действовали в сотрудничестве, в одиночку бы у Катара ничего не вышло из-за географических проблем и не слишком выгодных политических позиций в регионе. Турция также не смогла бы полноценно включиться в борьбу из-за этнического фактора и не устоявшей роли в ближневосточном регионе. Хотя, конечно, стоит отметить, что впоследствии режим «Братьев-мусульман» был свергнут при открытой поддержке Саудовской Аравии, Турция и Катар как единый альянс смогли укрепить свои позиции региональных лидеров.

В целом, если оценивать взаимоотношения Катара и Турции в современной международной обстановке, то можно смело заявить о достаточно высоком уровне кооперации в нескольких сферах — военно-политической, экономической и идеологической, а также гуманитарной. Доха и Анкара видят четкую перспективу развития сотрудничества в рамках общей внешнеполитической концепции борьбы за региональное лидерство. При этом обе страны также обращают свой взор и на других партнеров, в особенности Катар, который на данный момент выступает более чем перспективным партнером из-за сильной турбулентности на международной арене. Региональная динамика позволяет Катару и Турции выстраивать тесное партнерство с элементами взаимного прагматизма. Данное сотрудничество с годами только усиливается, обрастая новыми соглашениями и договоренностями. Можно с уверенностью сказать, что власти обоих государств рассчитывают, что такие успешные и взаимовыгодные отношения будут оставаться на том же уровне в ближайшей и среднесрочной перспективе. Современная геополитическая обстановка диктует свои правила, из-за которых бывшие партнеры становятся оппонентами, а бывшие недруги налаживают и возрождают контакты, но Катар и Турция придерживаются определённой прямолинейности и взаимовыгодной кооперации, принимая во внимание то, что обе страны видят себя лидерами ближневосточного региона и не готовы мириться с устоявшейся политической конъюнктурой.

Список источников

Ali Bakeer Testing the Turkey-Qatar military partnership, *The New Arab*, 2019. URL: <https://newarab.com/opinion/testing-turkey-qatar-military-partnership> (accessed: 03.10.2024).

- Barin Kayaoglu As Qatar's frustrations grow, can Turkey lead Gaza diplomacy between Hamas, Israel?, *Al-Monitor*, 2024. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2024/04/qatars-frustrations-grow-can-turkey-lead-gaza-diplomacy-between-hamas-israel> (accessed: 03.10.2024).
- Engin Yuksel, Hasim Tekines Turkey's love-in with Qatar. A marriage of convenience, *Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'*, 2020. URL: <https://www.clingendael.org/pub/2021/drivers-of-turkish-qatari-relations/> (accessed: 03.10.2024).
- Erdogan: Turkey-Qatar military base serves regional "stability", *Aljazeera*, 2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/25/erdogan-turkey-qatar-military-base-serves-regional-stability> (accessed: 03.10.2024).
- Hande Firat New military base in Qatar to inaugurate in autumn, *Hurriyet Daily News*, 2019. URL: <https://www.hurriyetcailynews.com/new-military-base-in-qatar-to-inaugurate-in-autumn-145760> (accessed: 03.10.2024).
- Hazal El-Berni, Betul Akkas Turkey's military presence in Qatar and Kuwait: A security umbrella for Gulf's stability?, *Al Sharq Strategis Reseacrh*, 2024. URL: <https://research.sharqforum.org/2022/01/14/turkeys-military/> (accessed: 03.10.2024).
- Nesibe Battaloglu Amid pressure on its Qatari ally, will Turkey host Hamas leaders? *Amwaj media*, 2024. URL: <https://amwaj.media/article/amid-pressure-on-its-qatari-ally-will-turkey-host-hamas-leaders> (accessed: 03.10.2024).
- Qatar «re-evaluating» role as mediator in Israel-Gaza truce talks, *Aljazeera*, 2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/4/17/qatar-says-gaza-ceasefire-talks-at-delicate-phase> (accessed: 03.10.2024).
- Turkey's Erdogan says he does not believe Hamas will leave Qatar, *Reuters*, 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-says-he-does-not-believe-hamas-will-leave-qatar-2024-04-23/> (accessed: 03.10.2024).

Список литературы / References

- Тюкаева Т.И. Резонансный Катар: феномен внешнеполитической идентичности малой монархии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 10. С. 94—107.
- (Tukaeva T.I. Resonant Qatar: the phenomenon of the foreign policy identity of a small monarchy, *World Economy and international Relations*, 2023, no. 10, pp. 94—107. — In Russ.)
- Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2018. № 9. С. 370—428.
- (Khairullin T.R., Korotaev A.V. The Turkish-Tatar Alliance in the struggle for regional leadership, *System monitoring of global and regional risks*, 2018, no. 9, pp. 370—428. — In Russ.)

QATAR IN THE MODERN GEOPOLITICAL SYSTEM: THE TURKISH FACTOR

Alim M. Abidulin, Dariy D. Kosulnikov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, abidulin@imomi.unn.ru, d-kosulnikov@mail.ru

Abstract. The article examines the foreign policy concept of the State of Qatar in the modern turbulent system of international relations through the prism of cooperation with the Republic of Turkey. The current geopolitical situation dictates its own rules to the world, within which Qatar has begun the process of rethinking its role in the Middle East, in particular in the Persian Gulf. Having a sufficiently strong potential, as well as resources, the emirate has been pursuing a straightforward foreign policy in recent years

to increase its influence in the region as a reliable partner and a modern progressive state. Turkey is a key partner in the concept of the regional powers growing role for official Doha. In the article, the authors examine the relationship between the two countries in key areas: military-political, economic and ideological.

Keywords: Qatar, the Republic of Turkey, the Persian Gulf, the Middle East, regional powers

For citation: Abidulin A.M., Kosulnikov D.D. Qatar in the modern geopolitical system: The Turkish factor, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 81—88.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 24.12.2024.

The article was submitted 04.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 24.12.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Абидулин Алим Маратович — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, abidulin@imomi.unn.ru

Abidulin Alim Maratovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University, Nizhnyi Novgorod, Russian Federation, abidulin@imomi.unn.ru

Косульников Дарий Дмитриевич — магистрант, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; консультант отдела по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений департамента социальных коммуникаций и молодежной политики Администрации города Нижнего Новгорода, г. Нижний Новгород, Россия, d-kosulnikov@mail.ru

Kosulnikov Dariy Dmitrievich — Master's student, Consultant of the Division for Inter-ethnic and Interfaith Relations of the Department of Social Communications and Youth Policy of the Nizhny Novgorod City Administration, Lobachevsky State University, Nizhnyi Novgorod, Russian Federation, d-kosulnikov@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 89—102.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 89—102.

Научная статья

УДК 94:070(470.315)''1917''

DOI: 10.46726/И.2025.1.12

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛЮСТРАЦИЯ: НАБРОСКИ К ПРОБЛЕМЕ

(на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска)

Юрий Александрович Ильин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail

Аннотация. Предмет исследования необычен, уникальность его в новизне подхода к рассмотрению, в частности таких аспектов, как перестройка политических органов самоуправления, включая их силовой блок, разоблачение и арест секретных сотрудников «охранки», социальный портрет осведомителя-provokatora провинциального фабричного центра России. Показан феномен системы переходного правосудия Февральской революции в лице учрежденного демократическими силами города Междупартийного Совестного суда, рассматривавшего и выносившего приговоры тайной агентуре «охранки», исходя из принципов гуманизма и справедливости. Приводимый в статье материал о люстрации в г. Иваново-Вознесенске подводит к пониманию того, что ведущую роль в осуществлении разгрома местного жандармского управления на фоне высокой общественной активности населения сыграли умеренно-социалистические и демократические силы. Их ценный опыт сотрудничества в деле разрушения репрессивного аппарата царизма давал возможность выработать наиболее приемлемую форму коалиции конструктивных сил в деле внедрения принципов демократии в российскую государственность. Рупором этих настроений и конкретных шагов в сторону демократизации режима власти являлась демократическая печать г. Иваново-Вознесенска. Именно с ее страниц внедрялись в общественное сознание мысли о гуманизме и справедливости, призывы и предложения о возможности и необходимости сплочения демократических и социалистических сил страны ради строительства Свободной и Великой России.

Ключевые слова: жандармерия, полиция, секретная агентура, социальный портрет осведомителя, судебно-следственная комиссия, междупартийный Совестный суд

Для цитирования: Ильин Ю.А. Февральская революция и люстрация: наброски к проблеме (на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 89—102.

Предметом исследования статьи является институт переходного правосудия (люстрация) периода Февральской революции. Так исторически сложилось, что имеющиеся на данный момент публикации по теме в основном написаны специалистами-правоведами применительно к опыту стран Центральной и Восточной Европы, переживших смену режимов и последствия политических перемен в конце 1980-х — начала XXI в. [Краснов; Lawther; Moffett; Jacobs; Sadurski; Czarnota; Rožič; Nisnevich; Радбрух; Нудненко; David; Zabyelina]. В Российской Федерации смена коммунистического режима не инициировала процессы зарождения и накопления первоначального опыта (и теории на базе его) института люстрации. Власть, общественные организации и отдельные

Ильин Ю.А., 2025

граждане не проявили интерес к его формированию, отложив решение важнейшей задачи переходного периода на неопределенный срок. Без одобрения со стороны государства была скована самостоятельная инициатива гражданских структур и физических лиц в данном направлении. И получилось в результате то, о чем говорил в свое время выдающийся полководец А.В. Суворов: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». Без конкретного подхода (в историческом и историко-юридическом разрезе) к изучению проблемы, который бы показал публичную практику государства и общественности в деле становления данного института правосудия на местах и в определенный временной период, невозможно поднять уровень теоретического осмысления и тем более внедрить данный юридический инструмент для ускорения формирования гражданского общества.

В истории России были эпизоды, когда у власти и части общества просыпался интерес к люстрационной практике в сфере политики. Так, период Февральской революции показывает нам интерес со стороны российской государственности и правосудия задействовать активность и коллективный разум общества по накоплению первоначального опыта осмысления и конструкции люстрации, приведению в действие важнейшего инструмента упрочения демократических принципов после смещения диктаторских режимов.

Значимость проблемы объясняется и отсутствием в региональной историографии исследований такого рода. Это объясняется закрытостью источников и политическими обстоятельствами.

Что в юриспруденции понимают под термином «люстрация»? Википедия: «Люстрация (от лат. *lustratio* — очищение посредством жертвоприношения — законодательные ограничения для политической элиты прежней власти, вводимые после смены власти, в виде ограничения избирательных прав (активного и пассивного), а также права на участие в управлении делами государства». Большая Российская энциклопедия: «Люстрация, в праве — в широком смысле совокупность мер по выявлению и недопущению к государственной службе лиц, сотрудничавших с диктаторскими режимами. Как правило, происходит при смене власти в государстве <...> В узком смысле — проверка граждан на причастность к деятельности спецслужб в бывших социалистических странах <...> Процедура люстрации предусматривает изучение архивов (в том числе архивов государственной безопасности), внешнеполитических и иных контактов различных лиц, других данных и в некоторых случаях обнародование списков лиц, сотрудничавших с органами государственной безопасности (в первую очередь с советскими). Иногда т. н. проскрипционные списки (от лат. *proscriptio* — письменное обнародование) составляются общественными организациями и полугосударственными учреждениями и публикуются в СМИ. Законы о люстрации устанавливают определённые ограничения в правах для попавших в проскрипционные списки граждан (невозможность занятия государственных должностей и должностей, связанных с обучением и воспитанием молодёжи, работы в академических учреждениях, в СМИ, в полиции и др.)...».

Нам представляется, что последнее определение люстрации в наибольшей мере соотносится с предметом исследования представленной статьи. Правда, надо учитывать, что данная дефиниция исторична, ее логическое содержание и характерные черты меняются в зависимости от исторических условий, времени ее инициирования. Более того, специфика ее проявления существенно корректируется местными условиями (взаимоотношения властей и населения, роль общественных структур, социально-классовый состав жителей, уровень их

политической культуры и общего образования, потенциал экономики, влияние зарубежных стран и т. д.).

Поднимаемые в статье вопросы весьма проблематичны для изучения гражданскими исследователями в силу специфики материала, закрытости информации. Все эти препятствия наложили свой отпечаток на источники предлагаемой статьи. К сожалению, нам пришлось ограничиться «свободной прессой» периода Февральской революции («Известия Иваново-Вознесенского Революционного Комитета Общественной Безопасности» и «Иваново-Вознесенск»). Но и тут встретились трудности: лишь незначительная часть номеров газет, выходявших в 1917 г., сохранилась до наших дней. Исследовательских работ краеведческого характера по данной теме нет. Понимая ограниченность базы источников, все же берем на себя смелость, используя выявленную информацию, представить наброски данной проблемы, дать право ей на исследовательскую жизнь.

Рассмотрение темы начнем с обзора мер новой власти по организации силовых структур в г. Иваново-Вознесенске. Газета «Известия Иваново-Вознесенского РКОБ» в № 1 за 12 марта 1917 г. информировала читателя, что 3 марта «в здании Городской Управы в это время заседали в двух залах Совет Раб. Деп. и Дума, с участием представителей общественных организаций, обсуждался один и тот же вопрос — об организации временной власти в г. Иваново-Вознесенск ... в тот же день вечером состоялось 1-е заседание нового органа правительства, названного Иваново-Вознесенский Революционный Комитет Общественной Безопасности.

Параллельно с организационной работой началась ликвидация остатков старого политического строя...».

В подтверждении этого на первой странице номера было помещено объявление от штаба гражданской милиции: «Настоящим доводится до сведения граждан г. Иваново-Вознесенска, что взамен б. полиции, жандармерии и казаков формируется и частью уже вступила в исполнение своих обязанностей гражданская милиция.

Штаб гражданской милиции находится в помещении б. Иваново-Вознесенского полицейского управления (ул. Кокуй, д. Шустенкова). Занятия в Штабе милиции происходят с 10 часов утра до 2 часов и с 3 часов дня до 6 часов вечера. Дежурство постоянное днем и ночью. Телефон штаба милиции № 42. Телефон кабинета начальника милиции № 3-42. Иваново-Вознесенский РКОБ».

В этом же номере газеты был опубликован состав руководства Иваново-Вознесенского РКОБ и силового блока: «а) президиум — председатель РКОБ Архангельский Михаил Федорович, товарищи председателя — Кабанов Иван Иванович, Степанов Василий Яковлевич, Грушке Александр Витальевич; б) секретари — Чернов Михаил Александрович, Щеберстов Иосиф Васильевич, Софронов Сергей Александрович; в) исполнительная комиссия — председатель Кабанов И.И., секретари — Щеберстов И.В., члены: Кондратьев М.П., Андреев Е.М., Семенов А.К., Трифонов И.И., Кузнецов В.П.; г) управление милицией: Совет милиции — председатель Гандурин В.А., товарищ председателя — Ф.Ф. Надлер, секретарь — И.А. Салов, члены — Андреев Е.М., Келбасинский В.Р., Соколов С.И., Степанов В.Я.; начальник милиции — Соколов С.И., товарищ начальника — Андреев Е.М.; д) судебная комиссия: члены Андреев Е.М., Гуськов В.А., Кондратьев М.П., Салов И.А., Туркин Г.К. На первых заседаниях этой комиссии была выделена внутри ее судебно-следственная секция, избран секретарь комиссии — Андреев Е.М.» [Известия РКОБ: № 12. 25 марта 1917 г.].

Уже на заседании судебной комиссии (19 марта 1917 г.) был поднят вопрос о судьбе арестованных, бывших должностных лиц местного полицейского и жандармского управлений (жандармского ротмистра Лызлова и его товарища — Васильева, б. полицмейстера Шапкина, его товарища — Бессонова, пристава Мякинкова, бывших полицейских и надзирателей Шишко и Леонидова, бывшего казачьего урядника Колоколова, а также комендантского адъютанта Штробиндера и рядового Груздева). В ходе обмена мнениями было принято решение о «необходимости в интересах общественной безопасности, с одной стороны, снабдить судебно-следственную секцию следующими полномочиями: а) производить аресты, немедленно доводя о сем до сведения Председателя РКОБ; б) входить в немедленное рассмотрение причин арестов, предпринятых по распоряжению революционных властей в интересах общественной безопасности, для чего о всех означенных арестах должно доводиться до сведения судебно-следственной секции одновременно с заключением арестованных под стражу; в) постановлять о продлении ареста или освобождения от него, причем постановление об освобождении приводить в исполнение немедленно; означенные постановления немедленно доводить до сведения Председателя Комитета, причем освобождение лиц, арестованных по постановлению или с одобрения Комитета, должно производиться только с разрешения Комитета; г) производить пополнение судебно-следственной секции кооптируемыми лицами с утверждения Комитета».

По поводу уже арестованных лиц, нами вышеперечисленных, судебная комиссия высказалась за оставление их под стражей: «... до сего времени обстоятельства, вызвавшие их задержание, не изменились, что освобождение задержанных без проверки оснований, могущих послужить к их освобождению, может вызвать лишь опасное для общественного спокойствия брожение, создав благоприятную для провокации почву».

Более того, ею было постановлено «обратиться с воззванием к населению, предложив сообщать судебно-следственной секции все материалы, уличающие отдельных лиц в действиях или проступках, направленных против нового строя (документы, указание сведений и пр.), не прибегая к анонимности и необоснованным жалобам». Судебно-следственная секция предложила милиции и другим структурам Комитета передать документы, касающиеся арестованных лиц, еще раз передопросить всех задержанных граждан. Был поставлен вопрос о выработке процедуры допроса. Ею было принято решение рассмотреть данный вопрос на специальном заседании Судебной комиссии.

Данные решения судебной комиссии были оглашены Е.М. Андреевым на общем заседании РКОБ 20 марта 1917 г. Суть их сводилась к расширению своих полномочий. Складывается мнение, что по заявлению Е.М. Андреева Комитет занял компромиссную позицию. В целом он согласился с мнением судебной комиссии (сомнений и прений на этот счет не было), но твердо отстоял принципиально важную установку: кому принадлежит приоритет в праве арестов и освобождения из-под стражи. Председатель Комитета поставил на голосование вопрос: «можно ли дать судебной комиссии право ареста, с доведением о том до сведения председателя Комитета?». Большинство голосов данная формулировка в предложении судебной комиссии была отклонена и внесена своя поправка: «В случае ареста, произведенного по постановлению президиума Комитета, Комитет ... доводит немедленно до сведения судебной комиссии». Такое решение в деле арестов и освобождения лиц не столько поднимала значимость Комитета, сколько его Президиума. В то же время председатель Комитета внес предложение «ходатайствовать об установлении новой должности

судебного следователя в г. Иваново-Вознесенске ввиду того, что судебные следователи перегружены чрезмерной работой». Данное предложение Комитетом было принято и отправлено на рассмотрение судебной комиссии.

Заседание РКОБ 20 марта 1917 г. знаменательно и тем, что по заявлению членов Комитета, недовольных принятием бывших городских в состав городской милиции, было решено «предложить начальнику милиции немедленно уволить всех взятых в милицию городских».

В действиях судебной комиссии по расширению своих полномочий были убедительные аргументы: а) перегруженность делами лиц, арестованных и ожидающих следствия. Положение это усугублялось обстоятельством отвлечения членов судебной комиссии для участия в работе других комиссий Комитета; б) обострение криминогенной обстановки в городе и его пригородах; в) выявление и искоренение сети секретных сотрудников жандармского управления, проникших в общественные и политические организации Иваново-Вознесенска.

Вскоре эти трудности в работе судебной комиссии были замечены руководством РКОБ. На заседании 29 марта 1917 г. председатель «обратил внимание на тот факт, что одни и те же лица, будучи избираемы в различные комиссии, перегружены работаю, а потому некоторые комиссии почти не функционируют, так, например, судебно-следственная комиссия; поэтому он предлагает пополнить судебно-следственную комиссию новыми членами, избранными Советом Раб. и Солд. Деп...». Комитет голосованием постановил: «ввести в состав судебно-следственной комиссии следующих членов Совета Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов]: Малиновского С.В., Жохова В.С., Любимцева И.А., Шашунова М.П., Потаскуева Н.Ф.» [Известия РКОБ: 7 апреля 1917 г.].

В статье акцент сделаем на деятельности судебно-следственной комиссии по выявлению и искоренению сети секретных сотрудников жандармского управления г. Иваново-Вознесенска. Необходимость в этом диктовалась и сложившейся в стране ситуацией: повсеместным желанием и порывом демократических и политических организаций избавиться от проникших в их ряды провокаторов, доносчиков и осведомителей. Это направление деятельности судебно-следственных комиссий в регионах буквально захлестнуло весь объем их работы. О важности такой работы постоянно трубила демократическая печать в дни Февральской революции.

Данный вопрос был поднят и газетой «Известия Иваново-Вознесенского РКОБ» в статье «Их очень много» (№ 14 за 29 марта 1917 г.). В ней, в частности, говорилось о разоблачении бывшего редактора газеты «Правда» большевика Черномазова, который за 200 рублей в месяц продавал «Россию, революцию и свою партию». Это событие «произвело впечатление удара молнии». Далее автор передовицы отмечал: «По известному закону последующие удары естественно должны были производить меньшее впечатление. Но в то же время они сыплются ежедневно, один за другим, и своей массой не только гнетут человеческую совесть, но и внушают большую тревогу. Темные силы работают во всю... С разных мест приходят такие вести. Работают темные силы. Нужно с ними бороться». В передовице приводились факты разоблачения «оборотней» в Одесском и Орловском Советах Раб. Деп. Для Иваново-Вознесенской судебно-следственной комиссии был особый мотив заняться их разоблачением: именно в нашем регионе наблюдались факты сокрушительного разгрома местных социал-демократических ячеек и организаций при фабриках в 1912—1913 гг. и 1915—1916 гг., которые заставили оставшихся на воле социалистов уйти в глухое подполье и порвать все связи с рабочими массами.

Принятые судебно-следственной комиссией решения, в основной массе одобренные Революционным Комитетом Общественной Безопасности, начали реализовываться. Как это происходило в г. Иваново-Вознесенске? Сразу отметим, что борьба с провокаторами «охранки» была ярким явлением общественно-политической жизни города в те дни. Так, в газете «Иваново-Вознесенск» (№ 5 от 15 апреля 1917 г.) было помещено на первой странице объявление: «Судебно-следственная комиссия при Иваново-Вознесенском РКОБ обращается ко всем гражданам, имеющим сведения о деятельности бывших чинов полиции, жандармов г. Иваново-Вознесенска и их сотрудников, давать таковые дежурным членам Комиссии. Дежурства чинов Судебно-следственной Комиссии в здании Иваново-Вознесенской Городской Управы от 11 часов до 2 часов ежедневно (272-3-1)». Можно с большой вероятностью предполагать, что объявления такого рода появлялись в местной печати уже с конца марта 1917 г., ибо аресты секретных сотрудников полиции и жандармерии, на основании документов местных репрессивных структур царского режима и сообщений от населения, начались именно в конце марта — апреле 1917 г.

Первые массовые аресты комиссия произвела 18 апреля 1917 г. В газете «Иваново-Вознесенск» за 27 мая / 9 апреля 1917 г. было помещено объявление судебной комиссии, где говорилось о следственных действиях в отношении Силантьева, Пугачева, Тихомирова, Баталина, Куражева (торговец), Селивановского (служащий Городской Управы), Краснощекова (портной), Зайцева (издатель «Ивановского листка»), Тишкина и Садовникова (железнодорожные служащие), Шохнина (содержатель чайной лавки). Им предъявлялось обвинение в участии в монархических организациях и погромах 1905 г. Заключение означенных лиц под стражу было вызвано подозрениями в том, что они сотрудничали с царской «охранкой». Позднее в ходе следственных действий это последнее обвинение было снято с Пугачева Ивана Капитоновича. Обвинение в тесном сотрудничестве с черносотенными организациями и жандармами — с Краснощекова Андрея Антоновича, Тихомирова Василия Павловича и Зайцева Павла Ивановича. С остальных граждан, арестованных 18 апреля, и вовсе были сняты все обвинения. Они были освобождены из-под стражи.

Важно отметить то, что аресты 18 апреля были произведены по инициативе членов судебно-следственной комиссии, выдвиженцев местного Совета Раб. и Солд. Деп., а конкретные задержания осуществляла гражданская милиция под руководством нового начальника В. Бубнова, тоже ставленника местного Совета. Эти структуры превысили свои полномочия и, по сути, в этом деле проявили неподчинение высшему политическому органу г. Иваново-Вознесенска — Революционному Комитету Общественной Безопасности. Они нарушили институционные принципы структуры и функционирования местного аппарата власти. Но РКОБ со своей стороны не предпринял никаких действий и довольствовался лишь весьма невразумительными объяснениями представителей своих подчиненных структур о причинах этих задержаний. Как видим, аресты зачастую были необоснованны.

По доступным номерам газет «Известия Иваново-Вознесенского РКОБ» и «Иваново-Вознесенск» нами было выявлено, что на 30 октября 1917 г. сотрудниками судебно-следственной комиссии были заведены политические дела на 17 человек. Был произведен их арест, многих освободили, но некоторые содержались под стражей на основании разоблачительных документов местного жандармского управления и свидетельских показаний. Приведем здесь их поименный список:

1. Гнидин Кузьма Егорович (кличка «Зимний»)

2. Груздев Александр Павлович (кличка «Скорый»)
3. Гушин Василий Никитич (кличка «Чугин»)
4. Делюсин Василий Николаевич (кличка «Гнедой»)
5. Зайцев Павел Иванович
6. Зверев Михаил Егорович (кличка «Светлов»)
7. Краснощеков Андрей Антонович
8. Купцов Василий Никитич (кличка «Поперечный»)
9. Парфенов Алексей Матвеевич
10. Пугачев Иван Капитонович
11. Сергеев Андрей Карлович (кличка «Темнов»)
12. Соловьев Алексей Петрович (кличка «Аппаратов»)
13. Степанов Федор Семенович (кличка «Морской»)
14. Тепляков Николай Никанорович (кличка «Второв»)
15. Тихомиров Василий Павлович
16. Тюрин Дмитрий Михайлович (клички: «Егоров», «Немой»)
17. Чугунов Никанор Сергеевич (клички: «Акимов», «Приятный»).

Из этого списка сразу выделим 4 фамилии (Краснощеков Андрей Антонович, Пугачев Иван Капитонович, Тихомиров Василий Павлович, Зайцев Павел Иванович). Первых трех граждан обвиняли в организации черносотенных погромов в 1905 г. Судебно-следственные действия в отношении же Зайцева Павла Ивановича проводились на основе утверждений о погромно-монархическом характере издававшегося им при старом режиме печатного органа «Ивановский листок».

В нашем распоряжении имеются краткие сведения по 13 секретным сотрудникам Иваново-Вознесенского жандармского управления. На основании этих данных попытаемся дать социальный портрет провокатора-доносчика провинциального фабричного центра России — г. Иваново-Вознесенска. Итак, это были мужчины молодого, зрелого, наиболее работоспособного возраста. На момент вербовки их возраст колебался в диапазоне 24—32 лет. Но были и исключения: 2 человека (Тюрин Д.М., Делюсин В.Н.) были взяты под «опеку» жандармов в возрасте 17 лет. Социальное происхождение — крестьяне и мещане. Профессиональные занятия — рабочие фабрик и служащие кооператива «Единение—сила». Образование — начальное. Партийность — в основном беспартийные, но были и сочувствующие и члены социал-демократических организаций. Стаж работы секретным сотрудником — от 2 до 12 лет. Наибольший стаж насчитывали лица, начавшие работать осведомителями с 17 лет (Тюрин Д.М., Делюсин В.Н.). Большинство секретных агентов были завербованы жандармскими ротмистрами Левенцом и Лызловым, причем более всего преуспел в вербовке последний из них.

Рассмотрим такой аспект темы, как вклад секретных сотрудников в укрепление безопасности монархического строя и размер получаемого ими за заслуги денежного вознаграждения. По данным критериям разделим их на три группы:

1. Мотивация быть секретным сотрудником. Малодушные, страх перед «охранкой», боязнь увольнения, быть отправленным на войну, шантаж т. п. Люди малоразвитые и малограмотные. Это самая многочисленная группа осведомителей (5 человек из 13). Их месячное вознаграждение составляло 5—10 рублей. Они давали сведения о настроениях среди рабочих и служащих, были далеки от революционных организаций, их членов и руководителей, пассивны в общественной жизни. Как правило, были завербованы в 1915 г. Куратор — жандармский ротмистр Лызлов. Вот как оценивалась их деятельность в «охранке» членами междупартийного Совестного суда на судебных заседаниях 1917 г.:

= на заседании 13 сентября: «... показаниями Груздева, установленными по агентурным сведениям, никаких провалов местных партийных организаций или отдельных партийных лиц не вызывались, что показания его носили общий характер» [Иваново-Вознесенск: № 154. 27 сентября / 10 октября 1917 г.].

= на заседании 2 октября: «... показания Делюсина не носили какого-либо исчерпывающего характера, да и не могли быть такими, так как Делюсин малоразвитый человек, к партиям и организациям не имеет никакого отношения» [Иваново-Вознесенск: № 173. 26 октября / 8 ноября 1917 г.].

2. Мотивация быть секретным сотрудником. Страх и корысть. Начав работать под принуждением, эта группа осведомителей в конце концов «поймала кураж», вошла во вкус своей секретной деятельности, сопричастности к миссии борьбы с врагами престола. Приятным дополнением к этим ощущениям были и возросшие гонорары от царской «охранки» (с 5 рублей до 25 рублей в месяц). В эту группу входило не менее 3 (из 13) выявленных провокаторов.

Из заметки «Список № 2»: «Купцов Василий Никитич, маляр из с. Кохма, по кличке “Поперечный”. Работал в “охранке” в 1913—1914 гг. Мелкий осведомитель о настроениях в рабочей среде; указывал также на партийных работников, уже арестованных охранным отделением, разоблачая, таким образом, их деятельность. Указал, между прочим, на товарищей Соколова, Герасимова, Ракутина, Германа, Чугунова — из Кохмы» [Иваново-Вознесенск: 15 / 28 июня 1917 г.].

= из судебного заседания 2 октября 1917 г.: «... агентурными данными из материалов Владимирского жандармского управления удостоверено, что Купцов предавал не только своих товарищей, но и выдавал вновь возникающие партийные организации, что в показаниях Купцова явно проглядывает лживость и отсутствует искренность; что подобное отношение свидетельствует о том, что Купцов не только не раскаивается в своих поступках, но и представляет как лживый и безнравственный человек» [Иваново-Вознесенск: 26 октября / 8 ноября 1917 г.];

= судебного заседания 2 октября 1917 г.: «... показания Тюрина касались главным образом выяснения того, что делалось и чему он был свидетелем на политических собраниях <...> из объяснений Тюрина видно, что он совершенно не понимает всей безнравственности своей деятельности» [Там же].

3. Мотивация стать секретным сотрудником. Корысть и стремление благоустроить свою жизнь. Эти лица, поощряемые за свою рьяную службу солидным вознаграждением (35 рублей и более в месяц), в конце концов, таким образом самоутверждались среди окружающих, идейно проникались значимостью своей миссии борьбы с врагами престола и Отечества. Эти стражи порядка, как правило, имели большой стаж и высокий коэффициент результативности. Их насчитывалось не менее 4 (из 13) человек.

Из судебного заседания 13 сентября: «... сведения, даваемые Сергеевым местному жандармскому ротмистру, содержали донесения его о характере деятельности правления общества потребителей “Единение—сила”, об общественных и партийных собраниях, о принятых ими постановлениях и резолюциях, о сношениях их как с отдельными местными партийными работниками, так и с партийными работниками других городов, сообщение адресов, явок, квартир, сообщения о местных и иногородних нелегальных собраниях, месте и времени их, характеристик отдельных лиц и род их занятий и проч. Агентурные сведения, что результатом деятельности Сергеева были ликвидация организаций, аресты, обыски; что деятельность Сергеева в качестве секретного сотрудника отличалась непрерывностью и сведения, даваемые им местному

жандармскому ротмистру, отличались исчерпывающей полнотой и точностью» [Иваново-Вознесенск: 27 сентября / 10 октября 1917 г.].

Из судебного заседания 2 октября: «Парфенов занимался провокацией, организуя революционные группы и “подсева”, что упорное заpiresательство Парфенова, несмотря на разоблачения его прежних товарищей по работе в “охранке”, является лишь доказательством крайне нравственного падения Парфенова, который не может понять всей низости той предательской деятельности, в которой он уличается <...> он являлся деятельным организатором активных монархических черносотенных организаций, в которые он принуждал записываться, не останавливаясь даже перед угрозой оружия и увольнением» [Иваново-Вознесенск: 26 октября / 8 ноября 1917 г.].

Тепляков Николай Никанорович: «Деятельный сотрудник “охранки”. В 1912—1913 гг. при его участии была ликвидирована почти вся местная социал-демократическая организация, причем в числе арестованных 20—30 человек были Шорохов, Лепилов, Ашурков, Гнедин и др.». Получал вознаграждение в размере 35 рублей в месяц [Иваново-Вознесенск: 15 / 28 июня 1917 г.].

Чугунов Никифор Сергеевич: «Видный местный провокатор, принимавший деятельное участие в образовании местных социал-демократических организаций, которые затем он предавал» [Там же].

Что дает приведенная нами градация секретных сотрудников местного жандармского управления? 1. Перед тайными агентами были поставлены разные задачи: а) чутко воспринимать и оперативно доносить о настроениях в трудовой массе, в основном фабрично-заводской; б) посещать политические и общественные собрания для выявления их актива и руководителей, решений и резолюций ими принимаемых; в) проникать в революционные (прежде всего социал-демократические) организации, знакомиться с их членами, получать информацию об адресах, явках, транзитах нелегальной литературы, связях с организациями других городов и т. д.; г) активно работать в общественных и политических организациях, вплоть до создания новых партийных ячеек с последующей сдачей их в руки царской «охранки».

2. Разнообразие вышеуказанных задач требовало использования в качестве осведомителей лиц разного социального происхождения, образования, профессий. То есть для выполнения задач определенного уровня требовался особый тип «работников». Можно говорить о трех категориях секретных сотрудников по степени их результативности и значимости для «охранки». Однозначно, что «золотым фондом» агентуры была третья категория. Она особо опекалась через местное губернское управление, через кураторство помощников начальника управления по Шуйскому уезду. Само собой, агенты этой категории были особо засекречены и оплачивались не хуже столичных секретных агентов. Многие из них были завербованы еще в 1905 г., то есть их стаж насчитывал более 10 лет.

3. Градация сотрудников по категориям косвенно дает представление о методах и перспективных (в плане получаемых результатов) направлениях деятельности местной «охранки». Это позволяет судить об уровне работы жандармерии г. Иваново-Вознесенска. Так вот, он был весьма высок, так как внутри структуры большое значение стали придавать профилактическим действиям в борьбе с политической оппозицией. И здесь были достигнуты весьма впечатляющие результаты: сокрушительные разгромы социал-демократических организаций города и пригородов в 1905 г., 1912—1913 гг., 1915—1916 гг.

Надо признать, что таким успехам местной «охранки» невольно способствовали и сами политические оппозиционеры. Они зачастую проявляли полную беспечность, не знали азов конспирации, излишне доверяли друг другу,

допускали на собрания первичных ячеек посторонних, делились с ними секретной информацией. Вследствие чего накануне и в период Первой мировой войны политические организации города находились «под колпаком» «охранки», буквально «обезлюдил» к февралю 1917 г. Они даже в условиях полной политической свободы весьма болезненно переживали фазу перехода от подпольных к легальным условиям деятельности, вплоть до мая 1917 г.

Но и в этой, казалось бы, отлаженной системе вербовки и слежки случались провалы и даже трагикомические случаи. Об одном таком «проколе» повествует газета «Известия Иваново-Вознесенского РКОБ» (№ 19 за 8 апреля 1917 г.). Помещенная в ней статья «Совершенно секретное происшествие» опиралась на документы жандармского архива. Речь в ней шла о неудачной миссии подполковника, помощника начальника Московского охранного отделения Л.Н. Эрнста. Прибыл он в г. Иваново-Вознесенск вместе с начальником Владимирского жандармского управления Л.С. Байковым 18 июня 1910 г. Целью его визита была вербовка в секретные агенты одного из местных почтово-телеграфных чиновников, получение от него сведений «относительно порядка и количества отправления денежных сумм <...> содействия в связи со злободневными слухами предполагаемого ограбления почты». Городской пристав Добротворский, введенный в курс дела, порекомендовал кандидатуру чиновника Н.А. Новикова. Он поручил своему помощнику Шишко, без объяснений деталей дела и не познакомив его с Л.Н. Эрнстом, привести Н.А. Новикова в отдельный кабинет ресторана Быстрова, что тот и сделал. Л.Н. Эрнст при Шишко назвался Муравьевым, а после его ухода представил свои документы и изложил Н.А. Новикову цель данной встречи. Такой неожиданный поворот ввел Н.А. Новикова в смятение, а затем породил у него подозрение, что перед ним сообщник злоумышленников, вознамерившихся ограбить почту. Он вызвал городского и 2 казаков, Л.Н. Эрнст был арестован, насильственно удерживался в комнате, а затем был препровожден на квартиру полицмейстера Н.Л. Червяковского. Конвой был отпущен. Л.Н. Эрнст заявил, что «никаких претензий на действия полиции не имеет и просил только предупредить разглашение инцидента и сохранить по возможности его инкогнито...». Что сказать? «Чужак» приехал вербовать секретных агентов, не введя в курс местных жандармов, в итоге получился казус, провал миссии столичного гостя.

Почему в судебных решениях, касавшихся разоблаченных секретных сотрудников «охранки», речь шла о работе последних исключительно в общественных и политических структурах социал-демократической направленности? Разве в среде эсеров города не было осведомителей? Прямого ответа на данные вопросы не имеем. Можно предположить, что: а) доноски были во всех общественных и политических организациях, но акцент в люстрации был сделан на работу провокаторов в социал-демократических структурах (большевики и меньшевики разных оттенков). В г. Иваново-Вознесенске традиционно доминировали социал-демократические ячейки среди других оппозиционных образований; б) разбор документации местного жандармского управления шел медленно или в силу новизны дела, или в силу чрезмерной занятости членов судебно-следственной комиссии в других комиссиях (в частности, М.П. Кондратьев, И.А. Салов); в) разбор документов шел избирательно в связи с тем, что в судебно-следственной комиссии преобладали беспартийные и эсеры, тем более данная информация публиковалась в газете «Иваново-Вознесенск», издателем которой был эсер И.А. Майоров. Кстати, он занимал и должность Председателя Исполнительного Комитета Общественных Организаций (преемник РКОБ) с мая 1917 г. Вопрос, поднятый нами, необходимо и дальше исследовать, хотя

источниковая база для него весьма ограниченная в силу специфики материала и изрядного износа и потерь номеров периодики г. Иваново-Вознесенска за 1917 г.

Какая судебная инстанция вела политические дела 13 секретных сотрудников и 4 подсудимых, обвинявшихся в махровой пропаганде самодержавия и черносотенных погромах 1905 г.? В дни Февральской революции был создан междупартийный Совестьный суд в г. Иваново-Вознесенске. Именно он проводил судебные заседания, в ходе которых допрашивались обвиняемые и свидетели, выносились приговоры. Интересная форма сотрудничества представителей разных социалистических партий. Судя по источникам, местные органы самоуправления (Городская Дума и Городская Управа), ИКОО и Совет Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов], в целом демократическая общественность города приняла эту форму правосудия, не чинила ей препятствий.

Были выработаны нормы представительства от социалистических партий в этот гражданский орган правосудия и процедура проведения заседаний. Возьмем для примера судебное представительство на заседании 13 сентября 1917 г. В число судей вошли от партии социал-демократов (большевики) — председатель С.И. Балашов и член суда В.Н. Наумов, от партии социал-демократов (меньшевики) — Н.А. Ананьин и В.И. Кузьмин, от партии социалистов-революционеров (максималисты) — А.В. Шабалин и И.П. Сеницын, от партии социалистов-революционеров (минималисты) — А.В. Лапшин и А.В. Петров. Секретарем, членом судебной комиссии был избран А.Е. Дворников. Процедура заседания предельно проста: доклад обвинителя по деяниям подсудимого, объяснения по пунктам обвинения самого подсудимого, свидетельские показания его товарищей по службе в «охранке» и просто граждан, вынесение приговора. За одну судебную сессию обычно проходило 2—3 бывших секретных агентов или участников черносотенных погромов 1905 г. Судебные заседания были гласными. Граждане г. Иваново-Вознесенска приглашались присутствовать на них, об этих заседаниях заранее давались оповещения судебно-следственной комиссии в газете «Иваново-Вознесенск». Еще одна интересная деталь: необязательным было присутствие на суде разоблаченных секретных сотрудников «охранки». Речь, конечно, идет о тех осведомителях, которые не представляли опасность для нового строя.

Удалось выявить по периодике 1917 г. три таких судебных заседания (13 сентября, 16 сентября и 2 октября). Очевидно, что описанная выше процедура проведения судебных заседаний сохранилась до конца 1917 г. Интересно то, что в других газетных заметках о работе междупартийного Совестьного суда уже не указывался состав судей ни по фамилиям, ни по их партийной принадлежности.

Какую цель преследовали представители социалистических партий, инициируя деятельность Совестьного суда? Какие приговоры выносились лицам, сидевшим на скамье подсудимых? Цель эта непрестанно озвучивалась в обоснованиях к приговорам. Ее можно свести воедино, приводя следующие формулировки из судебных решений: «революционный переворот в достаточной степени должен благотворно отразиться на подсудимых... вызовет у них раскаяние в содеянном и стремления к честной жизни... стремления загладить свое преступное прошлое». То есть цель Совестьного суда — побудить оступившегося к духовно-нравственному очищению, дать шанс переродиться в свободной России. Гуманная, возвышенная цель, но трудно исполнимая, ибо в этих людях ржавчина корысти насквозь прожгла душу, атрофировала элементарные человеческие качества. Поэтому судам Совесть приходилось приспосабливать эту целевую установку в каждом заседании применительно к конкретному подсудимому, и критерием здесь была степень причиненного им вреда делу свободы России.

Эта позиция судей Совести четко проявлялась в их окончательных приговорах. По степени вины и осознания ее подсудимыми эти приговоры отличались разной степенью строгости. Условно подразделим их на несколько категорий:

1. Осуждение и сочувствие к тем доносчикам, кто в силу своего малодушия, общей неразвитости пошел по этому пути. Особенно эти смешанные чувства относились к тем лицам, кто оказывал содействие следователям и покался в своих деяниях. Им обычно выносилось общественное порицание, оглашался призыв к исправлению. Подсудимые освобождались в зале суда.

2. Осуждение и вынесение общественного презрения к лицам, кто даже не делал попыток осознать свое преступное поведение, встать на путь духовно-нравственного исправления. Но судьями при этом учитывались следующие смягчающие обстоятельства: трудное семейное положение, неразвитость, болезнь подсудимого и т.д. Подсудимые освобождались из-под стражи.

3. Осуждение и признание опасности для нового строя лиц, упорно отстаивавших старые порядки, придерживающихся черносотенных настроений. Трудно понять, но и к ним применялась практика учета смягчающих обстоятельств: трудное семейное положение, неразвитость, болезнь подсудимого, время пребывания под арестом и т.д. Их тоже освобождали.

4. Осуждение и признание опасности нахождения на воле лиц, способных нанести вред свободной России, способных влиять на часть общества. Их оставляли под стражей на срок до созыва Учредительного Собрания. Правда, по декрету Временного правительства от 16 июля 1917 г. их пребывание за решеткой заканчивалось 16 октября того же года.

Но все категории вынесенных Судом Совести приговоров укладывались в одну матрицу правосудия Февральской революции с такой установкой: «лишить общественного доверия, признав недопустимым участие в политических, общественных, профессиональных и экономических организациях и во всякого рода общественно-политических выступлениях, а равно в пользовании пассивным и активным избирательным правами при выборах в органы самоуправления и Учредительного Собрания на срок до созыва Учредительного Собрания».

Выводы: 1. В юридическом плане люстрационные процедуры, имевшие место в г. Иваново-Вознесенске периода Февральской революции, касались лиц, сотрудничавших с царской охранкой на внештатной основе, то есть не занимавших должности в государственных структурах или органах местного самоуправления. В связи с этим люстрационные системы (механизмы очищения) здесь шли в т.н. «включающем» и «тихом» режимах (по классификации Ю. Забелиной) [Zabyelina; Williams; Fowler; Szczerbiak]. Суть их — публичное осуждение, но не уголовное наказание, временное поражение в правах избирать и быть избранным в органы местной и центральной власти (в нашем случае в Комитет общественной безопасности, Комитет общественных организаций, Городскую думу г. Иваново-Вознесенска; отстранение от участия в выборной кампании во Всенародное Учредительное собрание).

2. В историческом плане приводимый в статье материал о люстрации в г. Иваново-Вознесенске подводит к пониманию того, что на фоне высокой общественной активности населения ведущую роль в осуществлении разгрома местного жандармского управления сыграли умеренно-социалистические и демократические силы. Их ценный опыт сотрудничества в деле разрушения репрессивного аппарата царизма давал возможность выработать наиболее приемлемую форму коалиции конструктивных сил в деле внедрения принципов демократии в российскую государственность. Рупором этих настроений и конкретных шагов в сторону демократизации режима власти являлась демократическая печать г. Иваново-Вознесенска. Именно с ее страниц внедрялись в обществе мысли

о гуманизме и справедливости, призывы и предложения о возможности и необходимости сплочения воедино демократических и социалистических сил страны ради строительства Свободной и Великой России.

Список источников

- Иваново-Вознесенск. 1917.
Известия Иваново-Вознесенского Революционного Комитета Общественной Безопасности. 1917.
Чиркин В.Е. Люстрация // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/liustratsiia-582fca> (дата обращения: 20.02.2024).

Список литературы / References

- Дорджиев Д.Е. Люстрация: мера конституционно-правовой превенции. М., 2020. 89 с. URL: <http://hse.ru/edu/vkr/369061848> (дата обращения: 13.04.2024).
(Dordzhiev D.E. Lustration: a measure of constitutional and legal prevention, Moscow, 2020, 89 p. — In Russ.)
- Краснов М.А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. пособие. М.: Высшая школа экономики, 2018. 454 с.
(Krasnov M.A. Introduction to constitutional law with clarification of complex issues, Moscow, 2018, 454 p. — In Russ.)
- Нудненко Л.А. К вопросу о люстрации в законодательстве и практики его реализации в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 41—44.
(Nudnenko L.A. On the issue of lustration in legislation and the practice of its implementation in the Russian Federation, *State power and local self-government*, 2015, no. 9, pp. 41—44. — In Russ.)
- Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. 238 с.
(Radbruch G. The philosophy of law, Moscow, 2004, 238 p. — In Russ.)
- Czarnota A. Lustration, Decommunisation and the Rule of Law, *Hague Journal on the Rule of Law*, 2009, vol. 1, pp. 307—336.
- David R. From Prague to Baghdad: Lustration Systems and their Political Effects, *Government and Opposition*, 2006, vol. 41, no. 3, pp. 347—372.
- David R. Lustration Laws in Action: The Motives and Evaluation of Lustration Policy in Czech Republic and Poland (1989—2001), *Law & Social Inquiry*, 2006, no. 28 (2), pp. 387—439.
- Research Handbook on Transitional Justice, ed. by Lawther C., Moffett L., Jacobs D., Cheltenham, 2017, 576 p.
- Rožić P., Nisnevich Y. Lustration Matters: A Radical Approach to the Problem of Corruption, *Studies in Comparative International Development*, 2015, vol. 51, no. 3, pp. 257—285.
- Sadurski W. Rights before Courts. A Study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe, Berlin: Springer, 2005, 377 p.
- Williams K., Fowler B., Szczerbiak A. Explaining lustration in Central Europe: a “post-communist politics” approach, *Democratization*, 2005, vol. 12, no. 1, pp. 22—43.
- Zabyelina Yu. Lustration Beyond Decommunization: Responding to the Crimes of the Powerful in Post-Euromaidan Ukraine, *State Crime Journal*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 55—79.

THE FEBRUARY REVOLUTION AND LUSTRATION: SKETCHES TO THE PROBLEM

(based on the materials of the democratic press of Ivanovo-Voznesensk)

Yuri A. Ilyin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail

Abstract. The subject of the study is unusual: its uniqueness lies in the novelty of its approach to considering, in particular, such aspects as the restructuring of political self-government bodies. That transformation included their security and law enforcement

agencies, the exposure and arrest of secret employees of the tsarist secret police, the social portrait of the informant-provocateur of the provincial factory center of Russia. The phenomenon of the justice system of the February Revolution is exemplified by the Interparty Conscience Court established by the democratic forces of the city, which considered and sentenced secret agents of the tsarist secret police. The Court based its decisions on the principles of humanism and justice. The material presented in the article on lustration in Ivanovo-Voznesensk leads to the understanding that moderate socialist and democratic forces played a leading role in the defeat of the local gendarme administration against the background of high public activity of the population. Their valuable experience of cooperation in the destruction of the repressive apparatus of tsarism made it possible to develop the most acceptable form a coalition of constructive forces in the implementation of the principles of democracy in the Russian statehood. The mouthpiece of these sentiments and concrete steps towards the democratization of the regime of power was the democratic press of Ivanovo-Voznesensk. It was from its pages that ideas about humanism and justice, appeals and proposals about the possibility and necessity of uniting the democratic and socialist forces of the country for the construction of a Free and Great Russia were introduced into society

Keywords: gendarmerie, police, secret agents, social portrait of an informant, judicial investigation commission, interparty Conscience court

For citation: Ilyin Yu.A. The February Revolution and lustration: sketches to the problem (based on the materials of the democratic press of Ivanovo-Voznesensk), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 89—102.

Статья поступила в редакцию 24.02.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 24.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 24.02.2024; approved after review 28.11.2024; accepted for publication 24.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ильин Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Ilyin Yuri Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of History of Russia, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 103—114.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P.103—114.

Научная статья

УДК 930:94(470.315)''1919''

DOI: 10.46726/И.2025.1.13

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ МАРШАЛА А.М. ВАСИЛЕВСКОГО

*Аркадий Андрианович Корников ,
Григорий Иванович Дворцов (игумен Герман)*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

histgerb@mail.ru, german1968@mail.ru

Аннотация. В статье впервые публикуется новый источник по истории семьи маршала Советского Союза А.М. Василевского — анкета его отца священника М.А. Василевского, написанная в декабре 1919 г. по запросу Иваново-Вознесенского ГубЧКа в ходе массового анкетирования духовенства, священно- и церковнослужителей Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии. Данное анкетирование проводилось с целью получения советскими органами сведений о настроении духовенства в рассматриваемый период и для дальнейшего планирования своей антицерковной политики. Анкета интересна тем, что, во-первых, она содержит малоизвестные сведения об отношении отца А.М. Василевского к Советской власти, к Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви. Во-вторых, она содержит сведения о материальном положении семьи А.М. Василевского в годы Гражданской войны. В-третьих, документ является интересным историческим источником о положении провинциального духовенства в первые годы Советской власти. Публикуя документ, авторы приходят к выводу о том, что М.А. Василевский, как и большая часть духовенства Кинешемского уезда, положительно воспринял Декрет СНК, надеясь на декларируемое невмешательство Советского государства в церковную жизнь. При этом небольшая часть духовенства заявила об отрицательном отношении к отделению школы от Церкви. Но по отношению к Советской власти не менее половины духовенства, в том числе и М.А. Василевский, заняли отрицательную позицию, выраженную в формально нейтральных формулировках ответов.

Ключевые слова: маршал А.М. Василевский, семья, анкета Иваново-Вознесенского ГубЧКа, Иваново-Вознесенская губерния, Кинешемский уезд, православное духовенство

Для цитирования: Корников А.А., Дворцов Г.И. (игумен Герман). Новый источник по истории семьи маршала А.М. Василевского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 103—114.

В 2025 году наша страна будет отмечать 80-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне. В конце сентября 2025 года исполняется 130 лет со дня рождения Александра Михайловича Василевского, талантливого полководца, блестящего стратега Великой Отечественной. Имя Александра Михайловича тесно связано с историей нашего Ивановского края. Будущий маршал родился 16 (28 по новому стилю) сентября 1895 года в селе Новая Гольчиха Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне — в составе города Вичуга). Его родителями были псаломщик Никольской единоверческой церкви Михаил Александрович Васильевский и Надежда Ивановна, в девичестве Соколова, дочь псаломщика из села Углец Кинешемского уезда [Белов 1997: 21].

© Корников А.А., Дворцов Г.И., 2025

О жизни и деятельности маршала написано большое количество исследований, рассматривающих его вклад в Великую победу, анализирующих различные аспекты его полководческого искусства [Белов 1995; Гареев; Дайнес; Зимонин].

В последние годы опубликован ряд интересных работ, основанных на архивных материалах, рассказывающих о предках великого маршала, его семье и ранних годах его жизни [Белов 1997; Брезгина; Андрианов 2020; Андрианов 2022; Андрианов 2024а; Андрианов 2024б].

Вместе с тем имеется ряд аспектов жизни маршала, его семьи, не нашедших отражение в литературе. В частности, недостаточно изучено положение семьи А.В. Василевского в период революции и Гражданской войны, отношение членов семьи к происходившим событиям.

В связи с этим значительный интерес представляет новый документ, найденный одним из авторов этой статьи в Государственном архиве Ивановской области (далее — ГАИО) в фонде Кинешемского уездного исполнительного комитета [ГАИО. Ф.Р-171, оп. 1, д. 276, л. 162—162 об.]. Данный документ представляет собой анкету из 20 пунктов, заполненную отцом маршала М.А. Василевским в конце 1919 года.

История появления этой анкеты следующая. В 1918—1919 гг. местные органы власти Иваново-Вознесенской губернии с целью контроля общественно-политической ситуации в регионе составляли списки «фабрикантов, помещиков, крупных и мелких торговцев, царских чиновников, жандармов и попов» [Там же: л. 10—23, 41—47]. В том числе Губернский Отдел юстиции неоднократно запрашивал уездные Отделы общего управления о ходе реализации Декрета СНК от 23.01.1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви [ГАИО. Ф.Р-1814, оп. 2, д. 13, л. 3, 5]. Регулярно проводилось анкетирование УИКов по вопросам, связанным с различными аспектами церковной жизни. Так, например, 23.01.1919 г. в уезды была отправлена анкета из 23 вопросов, а уже 11.02.1919 г. — еще одна анкета из 36 вопросов [Там же: л. 23—23 об.; 27—28].

В конце 1919 — начале 1920 г. по запросу ВЧК было проведено массовое анкетирование духовенства с целью получения советскими органами сведений о настроении духовенства в рассматриваемый период и для дальнейшего планирования своей антицерковной политики.

Анкета состояла из 20 вопросов, ответы на которые позволяли составить достаточно полное представление о биографии, семейном и материальном положении священнослужителя, его религиозных и политических убеждениях. Пункт 17-й содержал вопрос об отношении, анкетировавшегося к Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви, а пункт 20-й — об отношении к Советской власти. После заполнения анкеты отправлялись в ГубЧК, а копии оставались в уездном ООУ. Бланк «Анкеты для учета Советского и монашеского духовенства всех религий, существующих в пределах Иваново-Вознесенской губернии» был отпечатан типографским способом. В его название была случайно внесена ошибка. В сопроводительном письме в ГубЧК [ГАИО. Ф.Р-171, оп. 1, д. 276, л. 218] вместо «Советского» использовалось более логичное «светского», т. е. не монашеского, приходского духовенства.

26.01.1920 г. из Кинешемского ООУ в Иваново-Вознесенскую ГубЧК было отправлено 278 анкет [ГАИО. Ф.Р-171, оп. 1, д. 276, л. 218], но в документации отдела осталось 209 их копий [Там же: л. 148—217; 219—277 об.; 279—303 об.; 304—358 об.]. В большинстве своем они представляют собой

заверенные делопроизводителем бланки, в которых ответы напечатаны на пишущей машинке. Но 41 копия анкет заполнена от руки делопроизводителем Кинешемского Отдела общего управления и в некоторых случаях содержит подлинные подписи священно- и церковнослужителей. В 209 анкетах представлены сведения от 111 священников, 57 диаконов, 40 псаломщиков и игуменьи Макариев-Решемского женского монастыря.

Среди этих анкет имеется и анкета, заполненная священником села Новопокровское Никитинской волости Кинешемского уезда Михаилом Васильевским — отцом будущего маршала Советского Союза. Данный документ интересен тем, что, во-первых, он содержит малоизвестные сведения о положении семьи А.М. Василевского в годы Гражданской войны, об отношении его отца к Советской власти, к Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви. Во-вторых, документ является в целом интересным историческим источником о положении провинциального духовенства в первые годы Советской власти.

Для понимания содержания этого документа необходимо немного сказать о личности М.А. Васильевского. А.М. Васильевский писал в своих мемуарах: «Я выходец из духовного сословия» [Василевский: 7]. И действительно, предки маршала являлись священнослужителями и церковнослужителями по крайней мере с середины XVIII века. Их служение было связано с церковью святителя Василия Великого в селе Шохна Золотиловской волости Нерехтского уезда Костромской губернии (ныне — Вичугский район Ивановской области). По названию церкви произошла фамилия будущего маршала. Когда дед маршала — Александр — поступал в Кинешемское духовное училище, то ему дали фамилию по названию церкви в его родном селе [Адрианов 2024b: 120].

Вскоре после окончания училища Александр Васильевский был посвящен в сан диакона и начал службу в Покровском храме села Хреново, ныне находящемся на территории Вичугского района Ивановской области. 21 мая 1866 года в семье молодого диакона Александра родился первенец Михаил, отец будущего маршала. Через полгода после рождения сына диакон Александр умер и младенца на воспитание взяла бабушка по линии матери — Агриппина Андреевна Малышева [Адрианов 2024b: 120].

Михаил Васильевский окончил Кинешемское духовное училище и в 1883 году поступил в Костромскую семинарию. Однако в семинарии он проучился только два года и, по-видимому, из-за материальных трудностей из семинарии уволился. В 1886 г. Михаил Васильевский был определен псаломщиком в Николаевскую единоверческую церковь села Гольчиха Кинешемского уезда. Единоверцы при сохранении старообрядческого богослужебного чина (двоеперстие, служба по старопечатным книгам и др.) и древнерусского бытового уклада входили в состав Российской Православной Церкви. Однако ни сам Михаил, ни его предки не были старообрядцами.

На этом месте Михаил Александрович прослужил десять лет. В 1889 году он женился на дочери псаломщика из села Углец Кинешемского уезда Надежде Ивановне, урожденной Соколовой. За время супружеской жизни у них родилось 9 детей. К сожалению, их первенец Александр умер в младенческом возрасте в 1890 году. Будущий маршал Советского Союза Александр родился в 1895 году и был третьим сыном в семье.

В марте 1896 года Михаил Александрович был рукоположен в сан священника и назначен настоятелем Вознесенского храма в селе Новопокровское Никитинской волости Кинешемского уезда [Адрианов 2020: 10]. Здесь же для него был построен новый деревянный дом, в котором стала жить вся большая

семья отца Михаила. В 1909 году этот дом сгорел, но с помощью односельчан выстроен заново [Белов 1997: 22, 29]. Семья Василевских так же, как и многие семьи провинциального духовенства, жила очень скромно. Для того, чтобы прокормиться, члены семьи обрабатывали небольшой приусадебный участок, держали корову, кур. Глава семейства занимался столярным ремеслом, делал на продажу мебель, улы, санки [Там же: 23, 24].

Революция и Гражданская война резко поменяли устоявшийся образ жизни провинциального духовенства: происходит национализация церковного имущества, представители Советской власти к духовенству относятся с подозрением, как к враждебному сословию. Стал меняться и семейный уклад жизни Василевских. Повзрослевшие дети получали образование и уезжали из родительского дома. Некоторые из них, как А.М. Василевский, вынуждены были прервать свое общение с родителями, чтобы не быть заподозренными в нелояльности Советской власти. Особенно тяжелые времена наступили в 1930-х годах, когда церковные приходы стали облагать неподъемными налогами, а за каждую мелочь стали закрывать церкви [Белов 1997: 45, 46]. После смерти своей супруги Надежды Ивановны в 1939 году Михаил Александрович уехал в г. Кинешму, где проживал в семье своей дочери Екатерины Михайловны и ее мужа Владимира Федоровича Крючина. Умер он в 1953 году и был погребен на кладбище Сокольники в городе Кинешма [Василевский Михаил...].

А.М. Василевский с отцом Михаилом Александровичем. Весна 1948 г.
Источник: [Болтунова]

М.А. Василевский у дома, перевезенного из села Новопокровского в Кинешму.
Конец 1940-х гг. В настоящее время адрес: г. Кинешма, ул. Володарского, д. 15.
Источник: [Новиков: 40]

А.М. Василевский и его родные на пароходе, остановившемся в г. Плёсе.
Слева направо: Маргарита Михайловна, Вера Михайловна, Дмитрий Михайлович,
Александр Михайлович, Екатерина Васильевна Василевские и Валерий Евхаритский.
Лето 1951 г. Источник: [Болтунова]

14. Род занятий и источник существования каждого члена вашей семьи. Сем и семья занимаемся хлебопашеством. Три сына в Красной Армии, два дочери учительницы, сын и две дочери уматов в Союз. 1888

15. В каком размере исчислялся годовой доход до Октября с 1-го Января

1) жалование 11 руб. 10 коп. 2) сборы—требы до Октября получил 2697р 8копБ 3) доход с недвиж. имущества Н е т.

16. Размер платы за требы в настоящее время (деньгами или натурой). 4

а) венчание. Цен нет довольствуясь что жертвуют: от 7руб. 70 коп до 14руб. б) крещение 70 коп до 14руб. в) похороны 7руб. до 28руб. г) молебны 70 коп. до 14руб. д) панихиды 7коп. до 14руб. е) заказные обедни 14 руб. ж) поминовение 14 руб.

17. Отношение к декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви. Отношусь сочувственно, избавился от власти сновострого начальства

18. Месячный доход настоящего времени за ноябрь 429 руб. 41 коп.

19. Сколько лет служил в данной церкви 23 года Всяка

20. Отношение к Советской власти. Помню слова Апостола хнылики душа власти придержащие да повинуются и повинуют и я неразорчиво

ПОДПИСЬ Священник Михаил ВАСИЛЬВСКИЙ

За неправильно вписанные ответы, будете отвечать перед Судом Революц. Трибунала.

Верно: [подпись]

90-171, оп. 1, д. 276

Вероисповедование *Православное по Единоверию*¹

АНКЕТА

для учета Советского¹ и монашеского духовенства всех религий, существующих в пределах *Ивано-Вознесенской*² губернии

- Имя, отчество и фамилия по миру *Михаил Александров ВАСИЛЕВСКИЙ*.
По рукоположению
- Сан *Священник*^{II}

¹ В бланке анкеты ошибочно отпечатано «Советского духовенства». Правильнее «светского», т. е. не монашеского, приходского духовенства. В сопроводительном письме в ГубЧКа было написано именно так [ГАИО. Ф.Р-171, оп. 1, д. 276, л. 218].

² В тексте написано «Ивано-Вознесенской», следует читать «Иваново-Вознесенской».

3. Место службы, место жительства *Село Новопыловское³ Никитинской Вол. Кинешемского узда.*
4. Год рождения *1866 года Мая 21-го дня*
5. Образовательный ценз *В Костромской Духовной семинарии^{III}*
6. Время вступления в духовное звание и причины, побудившие к вступлению *В 1886 г. 5-го мая; отец^{IV}, дед и прадед^V служили в духовном звании решился посвятить сему служению, а главная причина избрание прихода.*
7. Какие отличия, за что и когда получили *Набедренник, камилавку^{VI}, библию от смиды⁴ за труды по народному образованию / устройство школы и её содержание.*
8. Места и род службы прежней
9. В каких организациях (политических, общественно-экономических и культурно-просветительских) состояли до Октября и состоите теперь или сочувствуете *Состоял счетоводом в потребительных лавках.*
10. Подвергались ли наказаниям в административном, судебном и духовном порядке, когда и за что *б е т⁵*
11. Из какого сословия происходите. *Духовенств.*
12. Из кого состоит ваша семья *Жена, 4-ре сына /трое служат в Красной Армии. Четыре дочери / две учительницы в Сов. школе /^{VII}*
13. Имущественное положение семьи, родителей при живности; до Октября и в настоящее время *Родителей при живности нет.*
 - а) капитал *Нет*
 - б) недвижимое имущество *Нет а также и у семьи не имеется.*
14. Род занятий и источник существования каждого члена семьи *Сам и семья занимаемся хлебопашеством. Три сына в Красной Армии две дочери учительницы, сын и две дочери учатся в Сов. Школе^{VIII}*
15. В каком размере исчислялся годовой доход до Октября с 1-го января
 - 1) жалование *Нет.*
 - 2) сборы — требы^{IX} *до октября получил 2897 р. 9 коп*
 - 3) доход с недвиж. имущества *Нет.*
16. Размер платы за требы в настоящее время (деньгами и натурой):
 - а) венчание *Цен нет довольствуюсь что пожертвуют: от 7 руб. до 28*
 - б) крещение [неразборчиво]⁶ *до 14 руб.*
 - в) похороны *7 руб. до 28 руб.*
 - г) молебны *70 коп. до 7 руб.*
 - д) панихиды *70 коп. до 2 руб.*
 - е) заказные обедни *14 руб.*
 - ж) поминовение “ ---- “ ---- “
17. Отношение к декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви *Отношусь сочувственно избавился от своего строго начальства*
18. Месячный доход настоящего времени за ноябрь *429 руб. 41 коп.*
19. Сколько времени служил в данной церкви *23 года*
20. Отношение к Советской власти *Помня слова Апостола Всяка душа власти Предержавшим да повинуется^X и повинует и я неразборчиво*

Подпись Священник Михаил ВАСИЛЬЕВСКИЙ⁷

³ В тексте опечатка: с 1897 года семья М.А. Василевского жила в селе Новопокровское.

⁴ В тексте опечатка: следует читать «Синода».

⁵ В тексте опечатка, правильное читать «Нет».

⁶ В тексте, по-видимому, указано 2 рубля 10 копеек.

⁷ В документе указано «ВАСИЛЬЕВСКИЙ», а в начале анкеты «Василевский».

За неправильно вписанные ответы будете отвечать перед Судом Революционного Трибунала

Верно⁸: Делопроизводитель [подпись неразборчивая]

Примечания

^I Православное по Единоверию — направление в православном христианстве, сторонники которого при сохранении старообрядческого богослужебного чина (двоеперстие, служба по старопечатным книгам и др.) и древнерусского бытового уклада признают иерархическую юрисдикцию Православной Церкви (до 1917 года — Святейшего Правительствующего Синода). По мнению ряда исследователей, род Василевских никогда не принадлежал к старообрядцам. Это видно из Поколенной росписи, где подтверждается, что они в конце XVIII века из поколения в поколение служили в православной Васильевской церкви села Шохна Нерехтского уезда. Священник Михаил Александрович Васильевский действительно служил в единоверческих церквях, но это указывает на то, что он самостоятельно освоил богослужение по старообрядческим книгам и правилам. Костромской духовной консисторией ему было доверено такое служение как наиболее опытному и надежному служителю Православной Церкви [Андрианов 2020: 10].

^{II} Псаломщик М.А. Василевский был рукоположен в сан священника 4 марта 1896 г. [Новиков: 34].

^{III} По имеющимся сведениям, М.А. Василевский закончил только два курса семинарии, а затем из-за материальных трудностей оставил учебу и поступил служить псаломщиком в Николаевскую единоверческую церковь села Гольчиха Кинешемского уезда [Андрианов 2024b: 123].

^{IV} Отец М.А. Василевского — Александр Андреевич Васильевский (1843—1866) происходил из семьи пономаря Васильевской церкви села Шохна (ныне Вичугский район Ивановской области). При поступлении в Кинешемское духовное училище ему была дана фамилия Васильевский по названию церкви его родного села. Так появилась фамилия «Васильевский» через мягкий знак. После окончания духовного училища Александр Андреевич служил дьячком в Христорождественской церкви города Галича, а затем после женитьбы на Александре Малышевой был посвящен в диаконы Покровской церкви села Хреново (ныне Вичугский район Ивановской области) [Андрианов 2024b: 120—121].

^V По имеющимся сведениям, деда звали Андрей Иванович, а прадеда — Иван Михайлович, оба служили пономарями при Васильевской церкви села Шохна (ныне Вичугский район Ивановской области). Даты их жизни и смерти не установлены [Брезгина: 782].

^{VI} Набедренник — первая награда священнику за усердное служение, представляет собой четырехугольный плат, носится на ленте у бедра. Символизирует Четвероевангелие, т. е. слово Божие, которым священник должен быть вооружен как духовным мечом. Камилавка — церковная награда в форме цилиндрического головного убора. Название происходит от шапки из верблюжьей шерсти, которую носили на Ближнем Востоке. Символизирует терновый венец Христа. Цвета: красный, фиолетовый и черный. Из Клировой ведомости единоверческой церкви села Новопокровского за 1918 год следует, что М.А. Василевский был награжден: «11.11.1900 г. — набедренником, 02.04.1906 г. — скуфьею, 29.04.1913 г., ко дню Св. Кирилла и Мефодия — Библиею, 06.05.1914 г. — камилавкою» [Андрианов 2020: 10]. Таким образом, М.А. Василевский забыл указать в качестве награды скуфью — небольшую круглую чёрную, мягко

⁸ Слово написано от руки.

складывающуюся шапочку, складки которой образуют вокруг головы знамение креста (в настоящее время — повседневный головной убор православного духовенства и монахов).

^{VII} У родителей А.М. Василевского было девять детей.

Первенец Александр (1890—1893) умер в младенческом возрасте.

Второй сын — Дмитрий (1891—1962), окончил духовное училище и духовную семинарию. В 1917—1919 годах учился в Казанском ветеринарном институте. В 1919 году был мобилизован в Красную армию. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями, уволился в звании полковника.

Дочь Екатерина (1893—1962) работала с 1914 года учительницей в Новопыловской церковно-приходской школе. Позднее с мужем переехала в Кинешму, воспитывала двух детей.

Третий сын — Александр (1895—1977), будущий маршал Советского Союза, в период Гражданской войны служил в Красной Армии. Занимал различные командные должности от заместителя командира взвода до командира полка.

Четвертый сын — Евгений (1898 — сер. 1970 гг.), окончил духовное училище, три класса духовной семинарии. В годы Гражданской войны был мобилизован в Красную Армию. После демобилизации окончил Ивановский сельскохозяйственный институт и в дальнейшем работал на руководящих должностях в сельском хозяйстве во Владимирской области.

Елена (1901—1951) — вторая дочь, работала учительницей в сельской школе. После окончания Ярославского педагогического института работала в старших классах средней школы.

Вера (1909—1997) — третья дочь, в период Гражданской войны училась в школе. В дальнейшем работала сельской учительницей в начальных классах, а затем главной медицинской сестрой в Плесском туберкулезном санатории.

Пятый сын — Виктор (1904—1971), в период Гражданской войны учился в школе и в духовном училище, где закончил два класса. С 1923 года на службе в Красной Армии, участник Великой Отечественной войны. Закончил службу в 1945 году в звании полковника.

Маргарита (1911—1962) — четвертая и младшая дочь, в период Гражданской войны училась в начальной школе. После окончания войны переехала к брату Дмитрию в Шую работала лаборантом в ветеринарной лаборатории [Андрианов 2020: 10—11].

^{VIII} См. примечание IV.

^{IX} Требы — богослужения, которые совершают священники по запросу (по потребности) прихожан. К ним относятся таинства (крещение, исповедь, причащение на дому, елеосвящение, венчание), церковные обряды (отпевание, погребение, освящение дома.).

^X Цитата на церковно-славянском языке в русской орфографии из Послания св. ап. Павла (Рим. 13: 1): *Всѧка душа властѣмъ предержѧщимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не ѿ бѣа, сущыя же власти ѿ бѣа учинѣны суть.*

Список источников

Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.Р-171. Оп. 1. Д. 276.

ГАИО. Ф.Р-1814. Оп. 2. Д. 13.

Болтунова Е.В. Год памяти и славы. Документы сентября: «Сильна рать воеводою» (документы сентября о выдающемся нашем земляке — маршале Советского Союза Александре Михайловиче Василевском) // Государственный архив Ивановской области: официальный сайт. 2020. URL: <https://ivarh.ru/75-let-pobedy/god-pamyati-i-slavy/god-pamyati-i-slavy-dokumenty-sentyabrya-silna-rat-voevodoyu-816?ysclid=m2ha2o2t14711088881> (дата обращения 20.10.2024)

Василевский Михаил Александрович // Ивановский некрополь. URL: <https://ivnecropol.ru/vasilevskij-mihail-aleksandrovich/> (дата обращения 20.10.2024)

Список литературы / References

- Андреанов Г.В., священник. Выпускник Костромской духовной семинарии маршал А.М. Василевский: новые материалы к биографии // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности: сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Кострома: КГУ, 2020. С. 9—13.
(Andrianov G.V., priest. Marshal A.M. Vasilevsky, a graduate of Kostroma Theological Seminary: new materials for a biography, *Historical memory and spiritual experience of the formation of Russian statehood: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*, Kostroma, 2020, pp. 9—13. — In Russ.)
- Адрианов Г.В., священник. Маршал А.М. Василевский: братья и сестры полководца // Ипатьевский вестник. 2024а. № 2. С. 113—130.
(Adrianov G.V., priest. Marshal A.M. Vasilevsky: brothers and sisters of the commander, *Ipatievsky Bulletin*, 2024a, no. 2, pp. 113—130. — In Russ.)
- Адрианов Г.В., священник. Маршал А.М. Василевский: духовные корни полководца // Ипатьевский вестник. 2024б. № 3. С. 113—130.
(Adrianov G.V., priest. Marshal A.M. Vasilevsky: the spiritual roots of the commander, *Ipatievsky Bulletin*, 2024b, no. 3, pp. 113—130. — In Russ.)
- Андреанов Г.В., священник. Семинарский диплом маршала А.М. Василевского // Ипатьевский вестник. 2022. № 4. С. 59—68.
(Andrianov G.V., priest. The seminary diploma of Marshal A. M. Vasilevsky, *Ipatievsky Bulletin*, 2022, no. 4, pp. 59—68. — In Russ.)
- Белов П.Ф. Тернии и звезды: Повествование о Василевских. Иваново: Талка, 1997. 304 с.
(Belov P.F. Thorns and stars: The story of Vasilevsky, Ivanovo, 1997, 304 p. — In Russ.)
- Белов П.Ф. Маршал Василевский. Честь и верность. Иваново: Ивановская газета, 1995. 464 с.
(Belov P.F. Marshal Vasilevsky. Honor and loyalty, Ivanovo, 1995, 464 p. — In Russ.)
- Брезгина Г.В. Поколенная роспись предков маршала А.М. Василевского — духовного рода Васильевских-Василевских. // Костромская духовная семинария. Историческая энциклопедия. Кострома: Костромская духовная энциклопедия, 2019. С. 782—788.
(Brezgina G.V. Generational painting of the ancestors of Marshal A.M. Vasilevsky — the spiritual family of Vasilevsky-Vasilevsky, *Kostroma Theological Seminary. Historical encyclopedia*, Kostroma, 2019, pp. 782—788. — In Russ.)
- Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1987. 552 с.
(Vasilevsky A.M. The case of a lifetime, Moscow, 1987, 552 p. — In Russ.)
- Гареев М.А. Полководцы Победы и их военное наследие: Очерки о военном искусстве полководцев, завершивших Великую Отечественную войну. М.: ИНСАН, 2003. 444 с.
(Gareev M.A. The commanders of Victory and their military legacy: Essays on the military art of the commanders who completed the Great Patriotic War, Moscow, 2003, 444 p. — In Russ.)
- Дайнес В.О. Василевский. М.: Вече, 2012. 464 с.
(Daines V.O. Vasilevsky, Moscow, 2012, 464 p. — In Russ.)
- Зимонин В.П. Маршал Советского Союза А. М. Василевский: полководец, поставивший победную точку во Второй мировой войне. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 200 с.
(Zimonin V.P. Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky: the commander who put the winning point in the Second World War, Moscow; St. Petersburg, 2020, 200 p. — In Russ.)
- Новиков Е.П. Детскими тропами маршала Василевского // Губернский дом. 2020. № 1. С. 33—40.
(Novikov E.P. The children's paths of Marshal Vasilevsky, *The Provincial house*, 2020, no. 1, pp. 33—40. — In Russ.)

A NEW SOURCE ON THE FAMILY HISTORY OF MARSHAL A.M. VASILEVSKY

Arcady A. Kornikov, Grigory I. Dvortsov (abbot German)

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
histgerb@mail.ru, german1968@mail.ru

Abstract. It is for the first time that a new source on the family history of Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky is published. It is the questionnaire of his father, priest M.A. Vasilevsky, written in December 1919 at the request of the Ivanovo-Voznesensky GubCheka during a mass survey of the clergy of the Kineshma district of Ivanovo-Voznesensky province. The Soviet authorities conducted this survey in order to obtain information about the mood of the clergy during the period under review and for further planning of their anti-church policy. The questionnaire is interesting because, firstly, it contains little-known information about the attitude of A.M. Vasilevsky's father to the Soviet government, to the decree on the separation of church from state and school from church. Secondly, it contains information about the financial situation of the family of A.M. Vasilevsky during the Civil War. Thirdly, the document is an interesting historical source on the situation of the provincial clergy in the early years of Soviet power. Publishing the document, the authors conclude that M.A. Vasilevsky, like the majority of the clergy of the Kineshma district, positively accepted the Decree of the Council of People's Commissars, hoping for the declared non-interference of the Soviet state in church life. At the same time, a small part of the clergy expressed a negative attitude towards the separation of the school from the Church. However, in relation to the Soviet government, at least half of the clergy, including M.A. Vasilevsky, took a negative position, expressed in formally neutral formulations of the answers to the questionnaire points.

Keywords: Marshal A.M. Vasilevsky, family, questionnaire of Ivanovo-Voznesensky Gubernia, Ivanovo-Voznesenskaya province, Kineshma district, Orthodox clergy

For citation: Kornikov A.A., Dvortsov G.I. (abbot Herman). A new source on the family history of Marshal A.M. Vasilevsky, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 103—114.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 24.12.2024.

The article was submitted 13.11.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 24.12.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Корников Аркадий Андрианович — доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

Kornikov Arcady Andrianovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

Дворцов Григорий Иванович (игумен Герман) — аспирант кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, german1968@mail.ru

Dvortsov Grigory Ivanovich (abbot German) — Postgraduate student of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, german1968@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 115—124.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 115—124.

Научная статья

УДК 902/904:908(470.341)

DOI: 10.46726/И.2025.1.14

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ АРЗАМАСА

Алексей Александрович Исаков, Владимир Иванович Грубов

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета

им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, grubov_v@mail.ru, blauer-reiter@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются крупные достижения в историко-археологических и источниковедческих исследованиях начальной истории Арзамаса, сделанные в течение последних пяти лет и позволившие решить многие существовавшие совсем недавно проблемы. Результаты этих достижений дают основания для воссоздания в общих чертах ранней истории Арзамаса. С середины I тысячелетия н.э. на территории города существовало мордовское селище. В начале XIII в. оно находилось на периферии протогосударственного образования мордвы (Пургасовой волости) и в середине столетия было уничтожено либо русскими дружинами, либо монголо-татарами. В конце XV в. местные татарские княжеские династии попали в вассальную зависимость от Москвы, а с начала XVI в. в будущем Арзамасском ополье сформировалась группа русских дворцовых сел. Однако арзамасская крепость была основана лишь в 1572 г. в условиях второй черемисской войны на некоем Арзамасовом городище. Основателем Арзамаса стал воевода Никита Иванович Еропкин. Арзамасский уезд был собран из земель, подчинявшихся ранее частью муромской, частью — нижегородской администрации. Город являлся центром военно-служилой корпорации уезда, его экономическое значение изначально было невелико из-за отдаленности от древней караванной дороги. На момент основания крепости рядом с ней находилась мордовская деревня, которая после этого была перенесена примерно на 30 км севернее. Главная из остающихся проблем в этой картине ранней истории Арзамаса — это существование здесь поселений между серединой XIII и серединой XVI в. Обнаружение их следов позволило бы понять, что представляло собой Арзамасово городище, и кем являлся Арзамас, имя которого оно носило.

Ключевые слова: Нижегородская область, город Арзамас, начальные страницы истории, научные исследования, археологические изыскания, архивные материалы, гипотезы, открытия

Для цитирования: Исаков А.А., Грубов В.И. Новое в исследованиях начальной истории Арзамаса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 115—124.

Первая четверть XXI в. стала временем существенных изменений в развитии нашего города. В рамках политики как региональных, так и федеральных властей была сделана ставка на превращение Арзамаса не только в торгово-промышленный, но и в культурно-туристический центр. Юридически это было оформлено, в том числе приказом Министерства культуры РФ от 26 октября 2017 г. о создании на территории города охраняемой территории исторического поселения федерального значения. Такой статус не только дал возможность приступить к масштабной реконструкции исторической части города, но и стимулировал историко-археологические исследования этой территории.

© Исаков А.А., Грубов В.И., 2025

Причем если изучение прошлого Арзамаса на основе архивных материалов осуществлялись и ранее, вне связи с присвоением статуса исторического поселения, то археологические открытия последних лет напрямую связаны именно с этим.

Цель данной публикации — осветить достижения в исследованиях древнейшей истории нашего города за последние пять лет. В этой связи сначала обрисуем проблемы, существовавшие в изучении ранней истории Арзамаса еще совсем недавно.

Во-первых, в центре Арзамаса долго не проводились масштабные археологические изыскания [История Арзамасского края: 12—18], а культурный слой был сильно поврежден и перемешан. Поэтому не было достоверной информации о существовании на территории нашего города поселений до второй половины XVI в., то есть до появления упоминаний об Арзамасе в письменных источниках. Однако очевидно, что такие поселения должны были быть. Важно было установить их тип (городище, селище), время существования, этническую принадлежность населения. Решить эту проблему могли только археологи.

Во-вторых, остро стояла проблема существования протогосударственного образования мордвы XIII столетия (Пургасовой волости) и возможного отношения к нему предполагаемого поселения на месте Арзамаса. Для решения этой проблемы нужна достоверная информация о факте существования на месте Арзамаса мордовского поселения и его типе.

Третьей, не менее острой, была проблема роли Арзамаса в русской колонизации края. Существуют письменные источники, которые относят первые русские поселения к рубежу XV—XVI вв. В этой связи возникает вопрос: можно ли утверждать, что Арзамас возникает в это же время? Для его решения нужны как археологические данные, так и достоверная датировка основания города.

Поэтому четвертая проблема — это, по-прежнему, дата основания Арзамасской крепости. До настоящего времени официальной датировкой является 1578 г., но с ней упорно конкурирует городская легенда об основании города Иваном IV в 1552 г. Существуют также варианты близкой к официальной, но отличной от нее датировки (1560—1576 гг.), предложенные И.А. Кирьяновым, Н.Ф. Филатовым и другими исследователями в связи с обнаружением документов, упоминающих Арзамас до 1578 г. [Кирьянов: 101; Филатов: 17].

Наконец, не было ответа и на вопрос о присутствии мордовского населения на территории Арзамаса в момент и сразу после основания здесь русской крепости.

Первая проблема начала решаться в результате охранных раскопок, проводившихся в ноябре 2019 г. — январе 2020 г. силами археологического бюро «Артефакт» под руководством В.В. Бейлекчи и А.В. Базунова возле главной проходной городского предприятия «ТЕМП-АВИА». Под слоем XVIII—XIX вв. на глубине 0,5—1,5 м были выявлены участки сохранившегося культурного слоя XI — первой половины XIII в. площадью около 80 м². На основании находки двух соединенных вместе сьюльгам с отогнутыми расплюснутыми концами в виде узких подтреугольных лопастей археологи утверждают, что селище возникло не позднее XI в. Наличие в слое, ямах и объектах данного периода красно-коричневой круговой керамики с лощением (подражание болгарской), известной по материалам городищ Верхнего Посурья и Примокшанья, которые существовали с XI в. до первой половины XIII в. (Золотарёвское, Юловское), позволяет датировать селище временем не ранее XI столетия. Эта же керамика определяет и верхнюю хронологическую границу существования селища — первую половину XIII в. В.В. Бейлекчи и А.В. Базунов отмечают,

что в материальной культуре селища прослеживаются тесные связи с Волжской Булгарией, а русская крепость не может иметь преемственности с ним, поскольку их разделяет большой хронологический промежуток [Бейлекчи, Базунов 2022]. Археологическое изучение улицы К. Маркса, также проводившееся бюро «Артефакт», позволило получить представление о масштабах и расположении селища. Оно было довольно значительным, поднимаясь от берега речки Сороки к водоразделу с рекой Тёшей на протяжении большей части современной улицы. Такое расположение селища позволяло укрыть его от глаз врагов, которые передвигались по более крупным рекам, таким как Тёша.

Новые открытия были сделаны археологами Межрегионального центра археологических исследований летом 2023 г. По сообщениям А.А. Свиридова и А.Л. Егошина, в поселке Выездное у церкви Смоленской иконы Божией Матери было выявлено хорошо сохранившееся мордовское парное погребение женщины и подростка. Украшения позволили отнести находку к IX—X вв. При этом в переотложенных слоях были обнаружены более древние предметы, относящиеся к III—V вв. [В Арзамасском районе...]. В ходе дальнейших работ в сентябре — октябре было изучено около 1700 м² мордовского могильника, уходящего под современное дорожное полотно. Находки позволили уверенно отнести захоронение к III—VII вв. [Обнаружен уникальный...]. Это, очевидно, является основанием для того, чтобы перенести нижнюю хронологическую границу существования селища на месте Арзамаса до середины I тысячелетия н. э. При этом селище не обязательно все время занимало территорию вдоль реки Сороки, его местоположение могло меняться.

Решение второй проблемы тесно связано с научной локализацией центра и границ протогосударственного объединения мордвы XIII в. — Пургасовой волости. Отношения русских княжеств с мордовским правителем Пургасом были напряженными. Их военное противостояние началось походами владими́ро-суздальских князей вглубь мордовских земель и ответным походом Пургаса на Нижний Новгород. В 1229 г. первая фаза этого конфликта завершилась разгромом Пургасовой волости русскими князьями и их союзниками — Пурешем (вторым известным нам по летописям мордовским правителем) и половцами. При этом последними была взята и разорена столица Пургаса, но сам он успел бежать. Дальнейшее противостояние русских и мордвы было оборвано монголо-татарским нашествием.

До середины 1990-х гг. исследователи традиционно локализовали столицу Пургасовой волости на территории Мордовии. Однако в 1996 г. выдающийся нижегородский археолог Н.Н. Грибов впервые аргументированно локализовал ее на Саровском городище [Грибов 1996]. Новое и важное подтверждение этой концепции нашли директор Шатковского краеведческого музея А.А. Инжутов и независимый исследователь из Москвы Е.И. Парадеев. Они много работают с актовым материалом XVI—XVIII вв., черпая информацию из документов (многие из которых впервые вводят в оборот), связанных с поземельными спорами из-за пахотных или бортных угодий. Эти документы, в свою очередь, содержат отсылки к писцовым книгам — кадастровым документам того времени, что позволяет и в наши дни локализовать упомянутые в них объекты.

При изучении землевладений и бортных угодий мордвы, проживавшей в XVII в. в Арзамасском уезде, исследователи обнаружили не известное прежде упоминание Пургасова городища с географической привязкой. Оно содержится в писцовой книге по мордовским деревням Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг., дошедшей до нас в копии XVIII в. В ней есть упоминания городища

и пинетаевской мордвы (деревня Пинетаева — теперь село Понетаевка Шатковского муниципального округа Нижегородской области) в описании бортных угодий деревни Лобаски. Проведя археографический анализ самой книги и сохранившихся выписок из нее, исследователи обнаружили, что название городища в документах постепенно менялось по схеме Пургасово — Барсово — Борисово. В то же время точные границы бортных угодий, описанные в книге, позволяют не сомневаться в его тождестве с Саровским городищем [Инжутов, Парадеев 2021].

Это означает, что мордовское селище, располагавшееся на территории Арзамаса, с большой долей вероятности входило в состав Пургасовой волости, но принадлежало к ее периферии. Также верхняя граница датировки существования селища на берегу Сороки может означать его исчезновение в результате как монголо-татарского нашествия, так и действий дружин владими́ро-суздальских князей и их союзников в 1229—1230 гг.

Для исследований по начальной истории Арзамаса принципиальное значение имеет издание новых источников как можно более раннего времени. Последний раз до начала XXI в. подобная работа была осуществлена С.Б. Веселовским в 1915 г. изданием «Арзамасских поместных актов (1578—1618 гг.)». В 2018 г. усилиями Б.М. Пудалова — выдающегося нижегородского архивиста, ученика Д.С. Лихачёва — был опубликован двухтомник «Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи», с тех пор ставший продолжающимся изданием. Большой интерес представляет предисловие, написанное Б.М. Пудаловым. Исследователь призвал окончательно отказаться от поддержки легенды об основании Арзамаса Иваном IV. Однако, учитывая случаи упоминания в документах Арзамасского уезда применительно к 1560-м гг., он именно этим временем датировал основание его центрального города. Арзамас при этом характеризуется как военно-административный город, центр поместной корпорации служилых людей. К сожалению, объем и жанр предисловия не позволили остановиться на этой теме подробнее, и остальные проблемы решались в последующие годы другими исследователями [Пудалов 2018: 4—6].

Наука пока не располагает достоверными данными об истории Арзамасского края между серединой XIII и концом XV в. Это не удивительно, так как период с 1236 по 1409 г. наполнен нашествиями ордынских ратей, начиная с Батые и заканчивая Едигеем. Ситуация начинает стабилизироваться лишь в середине XV в. в связи со складыванием Русского централизованного государства и Казанского ханства. В последние годы появилась возможность уточнить масштаб и границы влияния Московского великого княжества на мордовских землях. В решении этой проблемы существенно продвинулись также А.А. Инжутов и Е.И. Парадеев.

О московском сюзеренитете над нашим краем на рубеже XV—XVI вв. прежде свидетельствовали два документа: грамота Ивана III о пожаловании Н. Ознобишина «мордвою Кирдановскою в кормление» от 1491 г. (согласно писцовым книгам, на рубеже XVI—XVII вв. кирдановская мордва проживала в селах Кардавилъ, Корино, Пасьяново) и духовная грамота (завещание) Ивана III 1504 г., согласно которой Муром завещался «с мордвами, и с черемисою, что к Мурому потягло». В первой половине XVI в. мордовскими административными единицами (беляками), в соответствии с жалованными грамотами от московских великих князей, управляли татарские княжеские династии. Из источников XVII в. известно о существовании на территории будущего

Арзамасского края также Саконского и Моргальского беляков. Ближайшим административным центром для татарских феодалов был не Муром и не гипотетический Арзамас, а имевший преимущественно татарское служилое население Темников [Инжутов, Парадеев 2020: 24—26].

Отношения между Москвой и татарскими феодалами нашего края позволяют оценить недавно обнаруженный в фонде 1209 РГАДА подлинник от казных книг вдове княгине Марье Шейсуповой с детьми (1627 г.). Они отражают земельный спор между княжеским родом Шейсуповых и дьяком Петром Микулиным, который в Смутное время захватил часть их земель. Источник свидетельствует, что в первой половине XVI в. кардавилльской мордвой владел князь Азбердей. Сын Азбердея Тахтамыш в 7047 (1538/39) г. получил от царя Ивана IV жалованную грамоту на княжение над кардавилльской мордвой. Это значит, что земли будущего Арзамасского уезда контролировались Москвой, несмотря на длительную войну с Казанью. После Казанского похода 1552 г. Иван IV не только подтвердил права Тахтамыша, но и дал ему новые земли. Таким образом, по крайней мере часть будущего Арзамасского уезда управлялась татарскими князьями, являвшимися вассалами великого князя Московского [Там же: 25—26, 27].

Завесу тайны над историей собственно русской колонизации нашего края приоткрывает список с писцовых книг Игнатия Зубова 1585 г. Согласно этому источнику, село Собакино на реке Тёше было «основано на мордовском городище в 1509 году двенадцатью московскими семействами, сосланными с посада за какое-то еретичество великим князем Васильем Иоановичем» (цит. по: [Инжутов, Парадеев 2020: 28]). До 1572 г. оно считалось в числе дворцовых. А.А. Инжутов и Е.И. Парадеев проследили, что во второй четверти XVI в. на территории Притёшья в состав дворцовых входили в разное время не менее 18 сел и деревень. Все эти поселения располагались внутри радиуса в 20—25 км от Арзамаса. Здесь же отмечены и крупные русские гидронимы, что может быть объяснено продолжительным сроком проживания русского населения. Исследователи считают такое размещение дворцовых сел неслучайным: «Связь такой структуры размещения поселений с Арзамасом как центром уезда является несомненной. Но что было раньше — сложившаяся структура, а затем Арзамас или, наоборот, Арзамас, а затем около него складывающаяся структура — еще предстоит исследовать» [Инжутов, Парадеев 2020: 30].

Наиболее значительным из достижений Е.И. Парадеева является научно обоснованная датировка постройки Арзамасской крепости. Исследователь подверг анализу и отклонил легендарное сказание об основании Арзамаса Иваном IV во время Казанского похода 1552 г. Решающим аргументом стала реконструкция маршрута Царской сакмы — древней караванной дороги, по которой следовало царское войско. Опираясь на географические ориентиры, сохранившиеся в межевых книгах, и их привязку к реальному ландшафту, Е.И. Парадеев утверждает, что «дорога, по которой двигался царь, ... проходила вдали от ... Арзамаса. Пятая остановка царя на речке Акше была около деревни Исупово..., далее войско ушло в сторону села Красный Бор (бывшее Собакино), где исторически находилась переправа через Тёшу...» [Парадеев 2019].

Решающее значение в вопросе датировки основания Арзамаса исследователь отводит Наказной памяти, выданной Иваном IV князю Т.И. Долгорукову в 1571/72 г. как руководителю войск, предназначенных для обороны Мурома от восставших народов Поволжья. Копия документа сохранилась в «Местническом деле князя Тимофея Ивановича Долгорукова с князем Даниилом Борисовичем

Приимковым-Ростовским», начатом 1 июня 1588 г. Процитируем фрагмент этого документа по публикации Е.И. Парадеева: «Памят(ь) воеводе князю Тимофею Ивановичю Долгорукову. Ехати ему наспех в Муром, а приехав, велети быти с собою в Муроме князю Васил(ь)ю Туренину с Муромцы, и з Мещеры велети быти с собою князю Федору Мещерскому с Мещеряны. А в Нижней к Ондрею к Микулину и к Тучку Отяеву, в Васил(ь)город ко князю Ивану Бахтеярову, на Алатыр(ь) ко князю Ивану Звенигородцкому, на Арземасово городище к Миките к Еропкину да к Ивану к Ширину отписат(ь), что он пришел в Муром со многими люд(ь)ми для Казанских вестей, а каковы у них вести будут, и оне бы в тот час его, князя Тимофея, без вести не держали» [Парадеев 2020: 19]. Это самое раннее достоверное упоминание Арзамаса, но пока еще не как крепости или города, а как географического объекта — заброшенного мордовского поселения, городища.

Другой важнейший для решения вопроса документ выявил, проанализировал и опубликовал в 2017 г. по копии XIX в., хранящейся в Национальном архиве Республики Башкортостан, А.Н. Демидов. Это царская жалованная грамота мордовским князьям и мурзам Алатырского и Арзамасского уездов от 13 октября 1572 г., устанавливающая их неподсудность местным властям: «А судити их воеводом на Олатаре и в Орземасе не велеть, кому чего на них, и на их детех, и на людех иных, судити на Москве наша бояра и дьяки» [Там же: 29]. Это означает, что уже осенью 1572 г. Арзамас имел статус города, и в нем находился воевода. При этом, как подчеркивает Е.И. Парадеев, «никаких упоминаний военного и административного центра на территории Утишья до начала 70-х гг. XVI в. не существовало» [Там же: 30—31].

Исследователь также подвергает анализу другой источник, имеющий нижнюю границу датировки 1572 г. и упоминающий Арзамас как город — «Духовную грамоту Иоанна Грозного». Он пришел к выводу, что документ является смесью из пересекающихся между собой фрагментов, относящихся к разным периодам времени, и поэтому не может рассматриваться как надежное свидетельство того, что Арзамас к 1572 г. существовал как русский город [Там же: 52—54].

Таким образом, основателями города на Арземасовом городище, согласно Наказной памяти, являются воевода Никита Иванович Еропкин и стрелецкий голова Иван Петрович Ширин. Название городища Е.И. Парадеев производит от личного эрзянского имени Арземас. При этом исследователь отмечает, что местоположение нового города не было выгодным с точки зрения торговли, так как он находился к северу от перекрестка Царской сакмы и Нижегородской дороги в районе современного Красного Бора. Постройка крепости здесь была вызвана чисто военными нуждами [Там же: 38—42].

Следующие публикации Е.И. Парадеева связаны с фактами, на первый взгляд, указывающими на существование Арзамаса в 1560-е гг. Главный из них — упоминание Арзамасского уезда в писцовых книгах Г. Сукина, Н. Девочкина и дьяка Д. Слугина начала 1560-х гг. Сами эти книги не сохранились, но известны по ссылкам в документах 1596—1606 гг., опубликованных С.Б. Веселовским в «Арзамасских поместных актах». Локализовав с помощью других документов того времени указанные в выписях населенные пункты, Е.И. Парадеев обнаружил, что все они находились на территории Межпьянья, то есть в Залесном, а не Утишном стане Арзамасского уезда. Колонизация этой территории, в отличие от долины Тёши, велась не из Мурома, а из Нижнего Новгорода. В нижегородской юрисдикции, по версии Е.И. Парадеева, она и

находилась до 1572 г. Указание на принадлежность этих сел к Арзамасскому уезду в актах 1596—1606 гг. исследователь объясняет ретроспективным распространением более позднего административного подчинения на более ранний период времени в силу удобства такого подхода на рубеже XVI—XVII вв. [Парадеев 2022]. Это означает, что Арзамасский уезд был создан в 1572 г. из земель муромской юрисдикции (Утишный стан) и нижегородской юрисдикции (Залесный стан). Впервые как единое целое он был описан Никитой Григорьевичем Яхонтовым и Матвеем Ивановичем Могутовым в 1573—1575 гг.

В пользу более раннего существования Арзамаса мог бы говорить факт основания Спасо-Преображенского монастыря в 1555—1556 г., однако он не подтверждается актовым материалом, не выявленным ранее 1585 г. [Парадеев 2021]. Еще один источник — «Жалованную грамоту от Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича Грозного провожавшему его под Казань 1552 года мордвину села Кужендеева Ивашке Кельдяеву, названному от него Дружиной» от 8 марта 1564 г. — исследователь отклонил по причине сомнительного характера этого документа [Парадеев 2019b: 633—635]. Тем самым датировка основания Арзамаса 1572 г. осталась без изменений.

Однако перед нами еще стоит пятый вопрос — известно ли что-либо о мордовских поселениях на территории Арзамаса в момент его основания? Ответ на него нашел А.А. Инжутов. Писцовая книга Тимофея Измайлова со товарищи (1620-е гг.) сообщает о мордовской деревне Михалёвой, чьи угодья после ее исчезновения перешли жителям Арзамаса. В писцовой книге указывается, что селище и поля деревни Михалёвой были даны арзамасским посадским людям на выпуск и на сено, но после переписи Игнатия Зубова (1583—1585 гг.) поля, располагавшиеся за Тёшей, были отданы арзамасским стрельцам, а за посадскими людьми сохранилось само селище Михалёвское и Долгая поляна. Бывшие Михалёвские поля, располагавшиеся по левую сторону Тёши, сохранили свои границы до конца XVIII в. и были зафиксированы на планах Генерального межевания и карте А.И. Менде. Наиболее вероятным местоположением деревни Михалёвой исследователь считает район современной улицы 1-я Трудовая, но археологически это пока не подтверждено [Инжутов 2022: 21—25].

Далее А.А. Инжутов, с учетом двойного названия у мордовской деревни Вторусское (второе — Михайлова, Михалей) предположил, что ее могли основать жители Михалёвой, переселившиеся сюда после постройки крепости русскими. Это предположение подтвердилось при анализе границ Танграловского бортного угодья мордвы села Вторусского, известным по ряду документов первой половины XVII в. Оно представляло собой лесной массив к северо-востоку от Арзамаса, составивший впоследствии лесную дачу города, и на тот момент принадлежало мордовским бортникам. Вторусское находилось как раз в его пределах, т. е. с большой долей вероятности могло представлять собой деревню Михалёву, перенесенную ее населением в границах принадлежавших ему бортных угодий подальше от крепости [Там же: 26—30].

Более того, по А.А. Инжутову, именно это предположение позволяет прояснить смысл легенд об основании Арзамаса, опубликованных Н.М. Щегольковым со ссылкой на летопись Мерлушкина: о мордвине Тёше, поселившемся на месте, где впоследствии появилось мордовское поселение Вторусское, и его сыновьях, один из которых — Михалко — обосновался на севере от города Арзамаса на протоке Михалёвом; и о крещении Иваном Грозным братьев Арзая и Масая Александром и Михаилом соответственно [Там же: 25—26]. Они — отголосок судьбы этой мордовской деревни, а не основания города.

В целом складывается следующая картина ранней истории Арзамаса. С середины I тысячелетия н. э. на территории города существовало мордовское селище, а на территории Выездного — принадлежавшее ему кладбище. В начале XIII в. это поселение находилось на периферии протогосударственного образования мордвы (Пургасовой волости) с центром в Саровском городище и в середине столетия было уничтожено либо русскими дружинами, либо монголо-татарами. В конце XV в. местные татарские княжеские династии попали в вассальную зависимость от Москвы, а с начала XVI в. в будущем Арзамасском ополке сформировалась группа русских сел, имевших статус дворцовых. Однако арзамасская крепость была основана лишь в 1572 г. в условиях второй черемисской войны (1571—1574) на некоем Арзамасовом городище. Основателем Арзамаса стал воевода Никита Иванович Еропкин. Арзамасский уезд был собран из земель, подчинявшихся ранее муромской (Утишный стан) и нижегородской (Залесный стан) администрации. Город являлся центром военно-служилой корпорации уезда, его экономическое значение было невелико из-за отдаленности от Царской сакмы. На момент основания крепости рядом с ней находилось мордовское поселение — деревня Михалёва, которая после этого была перенесена на берег реки Серёжи.

Очевидно, что в этой картине ранней истории Арзамаса еще есть немало белых пятен. Главная из них — это существование здесь поселений между серединой XIII и серединой XVI в. Обнаружение их следов археологами или упоминаний о них архивистами позволило бы, наконец, понять, что представляло собой Арзамасово городище, и кем являлся Арзамас, имя которого оно носило.

Список источников

- В Арзамасском районе обнаружен древнемордовский могильник (2 июня 2023 года) // Межрегиональный центр археологических исследований. Новости. URL: <https://icartmb.ru/news/27/> (дата обращения: 24.02.2024).
- Обнаружен уникальный мордовский могильник III—VII веков нашей эры (17 октября 2023 года) // Межрегиональный центр археологических исследований. Новости. URL: <https://icartmb.ru/news/33/> (дата обращения: 24.02.2024).
- Парадеев Е.И. Пара слов о Цареве сакме. СПб.: Парадеев Е.И., 2019а. 92 с.
- Парадеев Е.И. Писцовая книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677—1678 гг. и другие сведения об Арзамасском уезде 16—17 вв. СПб.: Парадеев Е.И., 2019б. 759 с.
- Парадеев Е.И. Список с писцовой книги о владениях Спасо-Преображенского монастыря (Арзамас) в 20-е гг. XVII в. 2021. URL: <http://paradeev.com/2021/04/1363/> (дата обращения: 24.02.2024).

Список литературы / References

- Бейлекчи В.В., Базунов А.В. Селище XI — первой половины XIII в. на территории культурного слоя г. Арзамаса (по материалам исследований 2019—2020 гг.) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2022. С. 119—130.
- (Beilekchi V.V., Bazunov A.V. Settlement XI — first half of the XIII century on the territory of the cultural layer of Arzamas (based on research materials from 2019—2020), *Archaeology of the Vladimir-Suzdal land. Materials of the scientific seminar*, vol. 12, Moscow, 2022, pp. 119—130. — In Russ.)
- Грибов Н.Н. Саровское городище (по материалам археологических раскопок 1993—1995 гг.). Саров, 1996. 16 с.
- (Gribov N.N. Sarov settlement (based on archaeological excavations of 1993—1995). Sarov, 1996, 16 p. — In Russ.)

- Инжутов А.А. Мордовское поселение на территории Арзамаса: деревня Михалёва // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. С. 21—31.
- (Inzhutov A.A. Mordovian settlement on the territory of Arzamas: the village of Mikhaleva, *Issues of historical and ecological regional studies: Collection of articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference*, Arzamas, 2022, pp. 21—31. — In Russ.)
- Инжутов А.А., Парадеев Е.И. К вопросу о существовании русских поселений на территории Арзамасского уезда до середины XVI века // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей Региональной научно-практической конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. С. 22—31.
- (Inzhutov A.A., Paradeev E.I. On the question of the existence of Russian settlements on the territory of the Arzamas district until the middle of the 16th century, *Issues of historical and ecological regional studies: Collection of articles of the Regional scientific-practical conference*, Arzamas, 2020, pp. 22—31. — In Russ.)
- Инжутов А.А., Парадеев Е.И. Пургасово городище — Саровское городище // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей II Региональной научно-практической конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С. 4—33.
- (Inzhutov A.A., Paradeev E.I. Purgasovo ancient settlement — Sarov ancient settlement, *Issues of historical and ecological regional studies: Collection of articles of the II Regional Scientific and Practical Conference*, Arzamas, 2021, pp. 4—33. — In Russ.)
- История Арзамасского края: коллективная монография / отв. ред. О.В. Ефимов, Г.И. Родина. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2022. 445 с.
- (History of the Arzamas region: collective monograph, ed. by O.V. Efimov, G.I. Rodina, Arzamas; Sarov, 2022, 445 p. — In Russ.)
- Кириянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький: Горьковское книжное издательство, 1961. 108 с.
- (Kiryanov I.A. Ancient fortresses of the Nizhny Novgorod Volga region, Gorky, 1961. 108 p. — In Russ.)
- Парадеев Е.И. О становлении Арзамаса. СПб.: Скифия, 2020. 76 с.
- (Paradeev E.I. About the formation of Arzamas, St. Petersburg, 2020, 76 p. — In Russ.)
- Парадеев Е.И. Писцовые книги Григория Сукина, Неклюда Девичкина и дьяка Дементия Слугина начала 60-х гг. XVI века по нижегородским землям, вошедшим в Арзамасский уезд // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. С. 31—54.
- (Paradeev E.I. Scribe books by Grigory Sukin, Neklyud Devochkin and clerk Dementy Slugin in the early 60s XVIth century on the Nizhny Novgorod lands included in the Arzamas district, *Issues of historical and ecological regional studies: Collection of articles of the III All-Russian scientific and practical conference*, Arzamas, 2022, pp. 31—54. — In Russ.)
- Пудалов Б.М. Предисловие // Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи: сборник документов: в 2 ч. Ч. 1. Н. Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2018. С. 3—17.
- (Pudalov B.M. Preface, *Arzamas district in the 17th century. Acts of administrative office work of the pre-Petrine era: collection of documents: in 2 pts.*, pt. 1: N. Novgorod, 2018, pp. 3—17. — In Russ.)
- Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке. Очерк истории. Документы. Арзамас: АГПИ, 2000. 207 с.
- (Filatov N.F. Arzamas in the 17th century. Essay on history. Documentation, Arzamas, 2000, 207 p. — In Russ.)

NEW IN RESEARCH OF ARZAMAS INITIAL HISTORY

Alexei A. Isakov, Vladimir I. Grubov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas, Russian Federation, blauer-reiter@yandex.ru, grubov_v@mail.ru

Abstract. The article discusses major achievements in historical, archaeological and source studies of the initial history of Arzamas, made over the past five years and which made it possible to solve many problems that existed quite recently. The results of these achievements provide grounds for recreating in general terms the early history of Arzamas. From the middle of the 1st millennium AD there existed a Mordovian village on the territory of the city. At the beginning of the 13th century it was located on the periphery of the proto-state formation of the Mordovians (Purgasova volost) and in the middle of the century was destroyed either by Russian squads or Mongol-Tatars. At the end of the 15th century local Tatar princely dynasties fell into vassal dependence on Moscow, and from the beginning of the 16th century in the future Arzamas region a group of Russian palace villages was formed. However, the Arzamas fortress was founded only in 1572 in the conditions of the second Cheremis war on a certain Arzamas settlement. The founder of Arzamas was the governor Nikita Ivanovich Eroshkin. The Arzamas district was assembled from the lands that were previously subordinated partly to the Murom and partly to the Nizhny Novgorod administration. The city was the center of the military service corporation of the county; its economic importance was initially small due to its remoteness from the ancient caravan road. At the time of the founding of the fortress, next to it there was the Mordovian village, which was then moved about 30 km to the north. The main remaining problem in this picture of the early history of Arzamas is the existence of settlements here between the mid-13th and mid-16th centuries. The discovery of their traces would make it possible to understand what the Arzamas settlement was like, and who Arzamas, whose name it bore, was.

Keywords: Nizhny Novgorod region, the city of Arzamas, the initial pages of history, scientific research, archaeological research, archival materials, hypotheses, discoveries

For citation: Isakov A.A., Grubov V.I. New in research of Arzamas initial history, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 115—124.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 18.06.2024; принята к публикации 24.12.2024.

The article was submitted 24.04.2024; approved after reviewing 18.06.2024; accepted for publication 24.12.2024.

Информация об авторах / Information about authors

Исаков Алексей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, blauer-reiter@yandex.ru

Isakov Alexei Alexandrovich — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russian Federation, blauer-reiter@yandex.ru

Грубов Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, grubov_v@mail.ru

Grubov Vladimir Ivanovich — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russian Federation, grubov_v@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 125—131.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 125—131.

Научная статья

УДК 111.1

DOI: 10.46726/И.2025.1.15

ФИЛОСОФИЯ В ФОРМАТЕ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Игорь Ильич Булычёв

Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Россия,

Igor-algorithm@mail.ru

Аннотация. В статье оспаривается корректность нарративов, так сказать, «радикального онтологизма», стремящегося превратить онтологию в особую — главную — «часть» философии, возвышающуюся над всеми другими. Подобные нарративы квалифицируются как линия гиперматериализма, представляющего собой современную форму наивного материализма. Его претензии быть проводником подлинного монизма, объективности и научности весьма проблематичны. На деле эта онтологическая линия эклектична, логически противоречива и является определенным шагом назад в развитии классических традиций научно-философского истолкования взаимоотношений сознания и материи. В противовес парадигме узкого онтологизма автор статьи отстаивает и последовательно развивает идею о том, что вся философия по своему *содержанию* является онтологией. Это означает, что философская онтология суть отражение реальности (бытия) в ее (в его) целостности. Подлинно реально (не иллюзорно) не только вещественное, но и духовное, несмотря на свою нематериальность. Онтолого-философское содержание обладает *двумя основными формами* выражения — гносеологической и аксиологической. Уровни онтологического содержания могут быть разными: не только предельно общими (интегральными), как в философии, но и «региональными» (общенаучными и конкретно-научными, общехудожественными и т. д.).

Ключевые слова: онтология, гносеология, аксиология, содержание / форма, реальность / бытие, гиперматериализм / наивный материализм

Для цитирования: Булычёв И.И. Философия в формате содержания и формы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 125—131.

Вступление. Философия — мировоззренческий центр человеческой духовной интеллектуально-теоретической деятельности. Категории философии отображают наиболее общие и существенные признаки (свойства, связи, отношения) предметов объективного мира, описывают и объясняют существующую действительность. Между тем представления о структуре философии, ее содержании и формах выражения остаются недостаточно ясными и определенными.

© Булычев И.И., 2025

Напомним основные методологические положения, касающиеся взаимосвязи содержания и формы. Под содержанием принято понимать совокупность всех компонентов конкретной вещи или процесса. Форма есть способ выражения (воплощения, реализации) данного содержания, которое по сравнению со своей формой отличается большей динамичностью развития. Всякая форма содержательна, а содержание непременно формировано (оформлено). В силу определенной консервативности формы и большей динамичности содержания последнее играет более весомую детерминирующую роль. В результате между ними нередко возникает конфликт, в ходе которого отбрасываются старые формы и возникают новые. Пассивность формы относительна (не абсолютна), поскольку она способна оказывать обратное воздействие на содержание (стимулирующее или тормозящее). Кроме того, одна и та же форма может встречаться с разным содержанием. Возможна также ситуация, когда не содержание, а форма играет более активную (детерминирующую) роль.

Противоположность содержания и формы абсолютна в строго определенных пределах, за которыми она относительна. Скажем, гносеологическую или аксиологическую части можно рассматривать в качестве форм исключительно в границах самого общего философского (онтологического) содержания. За этими границами гносеология и аксиология, в свою очередь, выступают в качестве содержания. Формообразующую роль здесь играют философские рефлексии, сгруппированные в разделы уже внутри теории познания и теории оценки. Это, в частности, основные гносеологические и аксиологические вопросы и ответы на них, проблемы взаимосвязи материи и сознания, движения и покоя, сущности и существования человека и т. д. Следовательно, когда предметом исследования становится каждая из этих рефлексивных форм, она превращается в содержательную область познающего субъекта. Подобное изменение ракурса исследования не есть результат лишь субъективной деятельности человека, а имеет под собой глубокие объективные основания ввиду отсутствия непроходимых границ между содержанием и формой. При этом момент относительности существует на основе их абсолютности в границах конкретной вещи или явления (в данном случае философии).

Философия как онтология. Что касается непосредственно философской теории, автор данной статьи продолжает отстаивать и развивать идею о том, что *вся философия по своему содержанию является онтологией*. Как следует понимать данное ключевое методологическое положение? Оно означает, что вся философская теория (учение) суть отражение реальности (бытия) в ее (в его) целостности [Булычёв, Победоносцев: 20]. В данной связи следует с осторожностью относиться к положениям, гласящим, что онтология есть учение о бытии. Дело в том, что бытие нередко употребляется в значении лишь материального существования (материальной субстанции). Такова, в частности, типичная позиция сторонников, так сказать, «радикального онтологизма», с точки зрения которых «бытие в широком смысле есть материя, кроме материи в мире ничего нет» [Алексеев, Панин 2015: 422]. Классическая же традиция противопоставления духовного начала материальному элиминируется. Ибо душа — это «часть» тела, его составляющая, и «по своей природе она телесна» [Зеленцова: 228—229, 230]. Иными словами, «сознание не имеет своего собственного содержания, и своего собственного бытия» [Ерахтин: 229]. Но если сознание «не имеет содержания», то, следовательно, у него отсутствует и форма? Что же получается в сухом остатке? Сознание, как индивидуальное, так и общественное, бессодержательно и бесформенно. Однако если какое-либо явление лишено содержания и формы,

то оно попросту не существует, оно есть ничто! Таков фактический итог линии радикального онтологизма.

Как видим, сведение и отождествление онтологии лишь с частью отражаемой реальности (материальным, телесным бытием) — явно не лучшая идея. Базирующаяся на ней концепция онтологии негативно сказывается на всем развитии теоретического мировоззрения последних десятилетий. Во многом произвольное разграничение философии на онтологию и гносеологию, а категорий, соответственно, на онтологические и гносеологические заложено в поздний период развития советской философии. Так, в одном из авторитетных изданий этого периода к онтологическим категориям (к категориям «первичного отражения») были отнесены следующие: явление и сущность, качество и количество, пространство и время и некоторые другие. К гносеологическим (категориям «субъективной диалектики», или формам «вторичного отражения») отнесены знание и деятельность, эмпирия и умозрение, ограничение и обобщение, формализация и интерпретация и т. д. (см.: [Материалистическая диалектика: 64]). Серьезные логические обоснования проводимого разделения здесь отсутствуют. Все отдано на откуп произвольным симпатиям авторов. Тем не менее, на этой основе предпринимается попытка разграничить не только категории, но и основные разделы философии. Однако на деле это привело к путанице, эклектике и досадным логическим несуразностям.

В рассматриваемой связи обращает на себя внимание волюнтаристское разделение диалектики (и, соответственно, ее категорий) на объективную и субъективную. Это клише несостоятельно, ибо «субъективная диалектика» не может существовать в принципе. Диалектика как по своему содержанию, так и формам отражения объективна, хотя и может сопровождаться некоторыми субъективными вкраплениями из-за невозможности достижения субъектом абсолютно истинного знания о мире в целом. Не приходится также удивляться тому, что радикальные адепты данной линии в философии пришли еще к целому ряду абсурдных выводов. В частности, В.Л. Акулов заявил, что понятия материи и движения, пространства и времени, как и многие другие «онтологические категории», якобы «категориями логики не являются» [Акулов: 25]. Дальнейшие последователи этого направления утверждали, что «...включение диалектики в онтологию... является необоснованным...» [Зеленцова: 26].

Что же тогда остается от диалектической логики, изъятой из подобной «онтологии»? Вразумительного ответа на этот вопрос у А.Л. Акулова, посвятившего цитируемую здесь работу именно философии как логическому учению, как и у других представителей парадигмы радикального онтологизма, найти невозможно. Между тем на ее (парадигмы) основе делаются далеко идущие выводы. В частности, адепты данной линии миропонимания объявляют онтологию первым и наиважнейшим разделом философии, гносеологию и аксиологию — ее вторым и третьим разделами. Все другие философские дисциплины (философская антропология, социальная философия, диалектическая логика, этика и эстетика) отстоят от онтологии еще дальше, они, по сравнению с ней, в некотором смысле периферийны и второстепенны [Ерахтин: 6, 17].

Чем же заслужили такую периферийную участь все перечисленные выше дисциплины? Оказывается дело в том, что, например, аксиология «не является научной, поскольку в ценностном знании может доминировать субъективный момент...» [Ерахтин: 11]. Тень подозрения в ненаучности и субъективности напрямую касается этики, эстетики и других аксиологических, по своей сути, философских дисциплин. Тогда как никакие упреки в отношении

наличия «субъективного» и «ненаучного» моментов в онтологии, понимаемой как главной части всей философской системы, не могут быть приняты. Эта онтология априори кристально объективна, научна и ни в коем случае не может быть заподозрена в наличии каких-либо подозрительных субъективных и ненаучных элементов. И, разумеется, всякого рода онтологии языка, физики, математики или экономики абсолютно никакого отношения к философии иметь не могут. Это какие-то «региональные отрывки», подрывающие стерильную чистоту подлинной философской онтологии [Ерахтин: 234].

Сторонников подобного онтологизма ничуть не смущает тот факт, что подобные «региональные онтологии» развиваются уже много десятилетий и получили широкое признание. Линия же радикального онтологизма, хотя и обладает некоторыми элементами объективности и научности, является, по большому счету, не чем иным, как современной формой гиперматериализма (наивного материализма), а уверения о ее (форме) монистическом характере — не более, чем декларации. Между тем представители данного направления уверены, что защищают подлинно монистическое миропонимание, хотя оно во многом выглядит как гегельянство, повернутое на 180 градусов. На деле тотальный гегелевский идеализм XIX столетия сменился не менее тотальным материализмом XX—XXI веков. Обе эти формы философского миропонимания неизбежно ведут к мировоззренческому и логическому тупику*.

Выход из мировоззренческого и логического тупика, в который завел современную отечественную философию гиперматериализм, видится прежде всего в признании онтологии *содержанием* всей философии. Двумя основными способами, или *формами*, онтологического содержания выступают гносеология и аксиология. Никакого третьего, четвертого или пятого способа выражения философии, им равновеликого, не существует. Все другие часто называемые стороны, аспекты, части (когнитивные, праксиологические, антропологические и т. д.) есть некоторые проявления гносеологии или аксиологии. Иными словами, реальность, мир сам по себе в философии не могут быть даны субъекту иначе, как в формах гносеологических или аксиологических рефлексий. Что же касается поисков монистического мировоззрения, эта тема требует отдельного разговора и выходит за рамки данной публикации. Впрочем, автор не раз обращался к этой теме в предшествующих работах [Булычёв, Победоносцев: 68—85, 423—424].

Категории. Особые функции в структуре любой теории, в том числе философской, играют категории. Категории обладают определенной устойчивостью, благодаря чему только и возможна преемственность в развитии многообразных понятийных структур (гипотез, теорий и т. д.). Вместе с тем, как и всякое понятие, категории не лишены гибкости и подвижности. При этом их способность к изменению — более весомое качество по сравнению с устойчивостью и преемственностью. Иначе консерватизм надолго затормозил бы прогресс философского и научного знания. Каждая из философских или научных дисциплин имеет специфический кластер категорий, которые выполняют

* Рассматриваемое здесь направление гиперматериализма — не просто теоретическая позиция группы специалистов. Это весьма мощная линия в современном теоретическом миропонимании, которая широко распространяется путем издания соответствующих учебников и пособий для студентов и аспирантов. В качестве примера можно привести многолетнее переиздание учебника известных и уважаемых специалистов в области философии (см. [Алексеев, Панин 2003, 2015] и последующие издания).

различные задачи в теоретической системе. Разница в их функциях достаточно велика. Одни категории лежат в основе больших разделов, другие категории раскрывают внутреннее содержание принципов и законов.

Категории философии представляют собой специфические понятийные образы. Их не следует отождествлять или смешивать со знаниями и оценками. В отличие от них образ замещает прообразы реальности целостно (не углубляясь в детали). Большая универсальность и общность философских образов (категорий) достигается за счет их меньшей определенности и эмпирической конкретности. Но что вообще есть образ, какова его природа и сущность? Природу образа следует искать в особенностях его репрезентации и воздействия на сознание и поведение субъекта. Образ суть холистический императив (холизм — принцип целостности). Императивность характеризует природу образа, а понятие целостности — его сущность. Императивность мировоззренческого образа существенно отличает его, скажем, от знания, которое предоставляет некоторые сведения о содержании и формах какого-либо явления, но не содержит в себе момента долженствования (побуждения к непременному исполнению). Мировоззренческие и философские образы, являющиеся определенными холистическими императивами, детерминируют определенный стиль мышления и поведения людей.

Типичным проявлением образа (формой выражения философского сознания) выступает метафора. В своем самом широком понимании метафора присутствует повсюду, пронизывает всю человеческую жизнь. Она является также неотъемлемым компонентом философии, искусства и науки, нередко связывая их единой нитью.

Категории в самом общем философском плане следует разграничить на гносеологические (познавательные, знаниевые) и аксиологические (оценочные, аксиальные). Типичными языковыми формами выражения первых выступают категории материи и движения, пространства и времени, массы и энергии, бесконечности и конечности, абсолютного и относительного и мн. др. Аксиологическое сознание оперирует категориями ценности и контрценности, высшей и низшей ценности, прогресса и регресса, справедливости и несправедливости, прекрасного и безобразного, доброго и злого и т. д.

По своей сущности каждая философская категория является только гносеологической или только аксиологической. Однако никакая философская категория не может замыкаться в своей абсолютной сущности. На уровне явления гносеологическая категория допускает также ее употребление в аксиологическом векторе. И наоборот, аксиологическая категория не исключает возможности ее гносеологических коннотаций. Так, категория революции в теории познания коррелирует с понятием эволюции, а в теории оценки с понятием контрреволюции. Категория сознания в классическом материализме, в гносеологическом формате, вторична по отношению к материи. Напротив, в классическом идеализме все обстоит с точностью наоборот. Гносеологическим, по своей сути, категориям могут приписывать еще и аксиологические черты. Так, в учении Платона настоящим, подлинным и светлым миром является мир духовных сущностей. Тогда как, скажем, человеческое тело есть не что иное, как темница для души. Напротив, для онтологии современного гиперматериализма фактически все подлинное и субстанциональное принадлежит телесному, вещественному. Духовное же полностью лишено субстанциального характера, оно как бы бледная тень, отблеск самосущего материального бытия.

На базе философских категорий складываются гносеологические и аксиологические суждения и умозаключения. Важно не смешивать и не отождествлять эти два класса философских рефлексий. Собственно гносеологические категории в своем сущностном формате не содержат никаких оценочных квалификаций. В качестве примера рассмотрим следующее (научно-познавательное) суждение: «Существуют положительно и отрицательно заряженные частицы». Данная рефлексия не содержит в себе оценочных (аксиальных) параметров: положительные частицы отнюдь не являются таковыми в смысле их непременно позитивного воздействия на другие частицы или на общество. Точно также отрицательные частицы сами по себе не угрожают другим уровням природного бытия или социальной форме движущейся материи. Иначе обстоит дело с аксиологическими рефлексиями. Пример типичной аксиологической рефлексии: «Обостряющиеся экологические проблемы несут все большую угрозу земному сообществу».

Заключение. Как известно, в советской философии до самого ее конца существовал вопиющий алогизм, который так и не был устранен. Речь идет о двух составных частях: диалектическом материализме и историческом материализме, т. е. о наличии аж «двух материализмов» в одной теоретической системе! С конца 1990-х годов аксиологическую часть теоретического мировоззрения стали именовать «социальной философией». Очевидно, что такое наименование не менее алогично, ибо как может существовать «внесоциальная философия»? В данной связи неудивительно, что изложение даже основополагающих вопросов миропонимания в учебных пособиях многих последних десятилетий сопровождается постоянным смешением гносеологической и аксиологической методологий (знаний с оценками), обусловленное недостаточным пониманием их специфики и особенностей взаимосвязи. Вся эта теоретическая и методологическая путаница усугубляется еще и рассмотренным выше онтологическим новоязом.

В завершение еще раз подчеркну: онтологию в своем наиболее общем, философском формате целесообразно понимать в качестве содержания теоретико-мировоззренческого учения о реальности (о мире, бытии в целом). При этом уровни онтологического содержания могут быть разными: не только предельно общими, как в философии, но и «региональными» (общенаучными и конкретно-научными, общехудожественными и т. д.). Онтолого-философское содержание обладает двумя основными формами выражения — гносеологической и аксиологической.

Список литературы / References

- Акулов В.Л. Философское учение о мышлении (логика) и всеобщий метод познания. Краснодар: политехн. ин-т, 1973.
(Akulov V.L. The philosophical doctrine of thinking (logic) and the universal method of cognition, Krasnodar, 1973. — In Russ.)
- Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. 3-е изд. М.: ТК Велби; Проспект, 2003. 608 с.
(Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy: textbook, Moscow, 2003, 608 p. — In Russ.)
- Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. 4-е изд. М.: Проспект, 2015. 592 с.
(Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy: textbook, Moscow, 2015, 592 p. — In Russ.)
- Булычёв И.И., Победоносцев С.Н. Космический стандарт человека. Саратов: Амирит, 2023. 477 с.
(Bulychev I.I., Pobedonostsev S.N. The cosmic standard of human, Saratov, 2023, 477 p. — In Russ.)

Ерахтин А.В. Онтология в системе философского знания. М.: Флинта; Наука, 2017. 328 с. (Erakhtin A.V. Ontology in the system of philosophical knowledge, Moscow, 2017, 328 p. — In Russ.)

Зеленцова М.Г. Монистическая парадигма философского понимания человека. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 244 с. (Zelentsova M.G. Monistic paradigm of philosophical understanding of human, Ivanovo, 2001, 244 p. — In Russ.)

Материалистическая диалектика: в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова Т.1: Объективная диалектика. М.: Мысль, 1981. 376 с. (Materialistic dialectics: In 5 vols, ed. by F.V. Konstantinov, V.G. Marahov, vol. 1: Objective dialectics, Moscow, 1981, 376 p. — In Russ.)

PHILOSOPHY IN THE FORMAT OF CONTENT AND FORM

Igor I. Bulychhev

Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russian Federation,
igor-algorithm@mail.ru

Abstract. The article challenges the correctness of narratives, so to speak, of “radical ontologism”, which seeks to turn ontology into a special (main) one a «part» of philosophy that rises above all others. Such narratives are qualified as a line of hyper-materialism, which is a modern form of naive materialism. His claims to be a conductor of genuine monism, objectivity and scientific character are very problematic. In fact, this ontological line is eclectic, logically contradictory and is a definite step back in the development of the classical traditions of scientific and philosophical interpretation of the relationship between consciousness and matter. Thus, the soul in modern hyper-materialistic views is declared a “part of the body” that does not have its own content and being. In contrast to the paradigm of narrow ontologism, the author of the article defends and consistently develops the idea that all philosophy is ontology in its content. This means that philosophical ontology is a reflection of reality (being) in its integrity. Not only the material, but also the spiritual is truly real (not illusory), despite its immateriality. Ontological and philosophical content has two main forms of expression — epistemological and axiological. The levels of ontological content can be different: not only extremely general (integral), as in philosophy, but also «regional» (general scientific and specifically scientific, general artistic, etc.).

Keywords: ontology, epistemology, axiology, content / form, reality / being, hyper-materialism / naive materialism

For citation: Bulychhev I.I. Philosophy in the format of content and form, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 125—131.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about author

Булýchёв Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский аграрный государственный университет, г. Мичуринск, Россия igor-algorithm@mail.ru

Bulychhev Igor Ilyich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russian Federation, igor-algorithm@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 132—139.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 132—139.

Научная статья

УДК 111.1

DOI: 10.46726/И.2025.1.16

КОГНИТИВНАЯ ПРАКТИКА: ОТ ПОНЯТИЯ К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ

Вера Олеговна Волкова, Илья Евгеньевич Волков

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева,

г. Нижний Новгород, Россия, veravolkova@mail.ru, volki@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен когнитивной практики в контексте перехода от понятийного мышления к возможности представления, создающей новую реальность, отличную от действительного окружающего мира. Отмечается, что философствование формирует объект исследования — очевидность непосредственно данного. В историко-культурном контексте переходное состояние когнитивной практики передаётся через состояние сознания «сомнение», создающего двойственность человеческого существования. Доказывается, что свойствами современной когнитивной практики являются феноменализация и театрализация как формы экзистирования научного познания. Проблематизируются отношения между субъектом и феноменом как источником смысла представления. Они могут создавать в одном случае иллюзии, в другом — произведения человеческого ума, которые становятся инструментами в исследовании. В случае совпадения первого и второго философствованию приписывается художественность. Однако феноменализация в представлении предполагает специфическое явление иллюзии, не имеющей линейной представленности. Зрелищность как движение и взаимное поглощение образов приводит к театрализации восприятия. Исходная сцена создается восприятием и очищением происходящего до непосредственно исходного события, а проявляющийся в восприятии объект внимания перерастает в событие для экзистенциального существования человека.

Ключевые слова: когнитивная практика, понятие, представление, образ, феноменологизация, театрализация, событие

Для цитирования: Волкова В.О., Волков И.Е. Когнитивная практика: от понятия к представлению // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 132—139.

Известно, что когнитивная практика основана на понятии, то есть отображении в языке выделенных свойств и признаков предмета. Однако в последнее время появляются работы, расширяющие практику выделения предметных свойств, включающих их отношения к другим предметам вплоть до их экзистенциального наполнения. Намечается переход от понятийного мышления к представлению, воспроизводящему образ явления, которое в настоящем времени человек не наблюдает, но которое так или иначе воспроизводит имеющийся у него опыт. Технический прогресс доводит до крайности представление, когда человек настолько в него погружается, что начинает жить в представлении как в заменяющей действительность реальности.

Когнитивная практика есть условное обозначение действий сознания, обращенного как к самому себе человеку, так и вовне — содержанию его

окружения. Г.Г. Шпет выдвигает всем философам упрек в том, что одну и ту же вещь называют разными словами и создают путаницу, которую истолковывают во многих томах своих трудов. Это произошло с «подменной я через общий субъект». В немецкой классической философии, служащей бессмертным образцом для философствования, Г.Г. Шпет усматривает противоречие, выведенное на свет И. Кантом, что «трансцендентальное я» или «синтетическое единство апперцепции» объединяется в единое понятие, которое затем изучается как Я мыслящее, Я действующее или, в русской лексике, соотносительное понятие Я и не-Я, понятое как «отношение» у Н. Лосского или «соборность» С.Л. Франка, служащая «духовной основой общества» [Франк]. Феноменологическая идея Э. Гуссерля, указывает Г.Г. Шпет, рассматривает сознание как «субъект переживаний типа *cogito*», где Я может рассматриваться только «по аналогии с действительным Я». Даже в трактовке Э. Гуссерля сознание не воспринимается как строгое однозначное понятие. Особую роль играют «состояния сознания», которые суть «объекты нового вида», несущие в себе интенциональность как «способ-как» всех видов когнитивных действий [Шваркопф: 66]. В рамках естественно-научной установки изучаемый мир несомненен, сознание имеет дело с явленными представлениями, а философия подвергает сомнению все, что дано в представлении. К сожалению, последние времена показали, что источником философствования более, чем когда-либо, становится сомнение, что и отображается в смысловых толкованиях и аналогиях прежде непосредственно данного.

Историко-культурный контекст. Изучению подлежит то, что не может быть выражено в четких причинно-следственных последовательностях книжного знания, а манифестируется в неявленном, скрытом, что и должно скрытым остаться. В историко-культурном контексте отход от традиционного понятия как-бы запрограммирован в представлении об истории. М. Мюллер рассматривает историю в ее смысловом толковании как «взаимосвязь действий, в которой какая-то группа людей пытается реализовать в многообразии целенаправленных акций единый, тождественный смысл» [Мюллер: 278]. М. Мерло-Понти выстраивает отношение между человеком как творцом и творением мира. Мир же может быть дан в восприятии как картина, текст или математическое открытие. Автор не только создает и выражает идеи, но и пробуждает «реакции, которые помогут этим идеям укорениться в других умах» [Мерло-Понти: 112].

Аристотель выделяет «фюзис» (*Phýsis*) как природу, противопоставленную «текне» (*Téchne*) — область созданного, имеющего для нас смысл мира созданных человечеством предметов, которые появились для нас как этого же человечества. Эта «вторая природа» социальна, т. е. творится сообща многими людьми и является источником творческих способностей, имеющих свою инструментальную базу, в которой любое произведение выступает как «инструмент» [Мюллер: 279] самосовершенствования человека своими силами. К числу таких произведений-инструментов относятся знания как наука, произведения почитания — религия, культура и произведения изображения и представления — искусство выражения в образах и их движениях.

Феноменализация. Исследования конца XX века обращены к феноменологии. Однако в отношениях между субъектом и феноменом, как феноменологическими конструкциями, намечаются отношения, при которых проблематизируется сам источник смысла. Он находится не в субъекте, а в обмене смыслами. Феномен в своем саморазвитии источает смысл, который субъект должен воспринять, прочувствовать и отреагировать на него. Средством познания является

интенциональность, исходящая от субъекта. Она преодолевает самолюбие субъекта путем его аскетического и пассивного самопреобразования.

В философии открываются новые горизонты представлений человека о мире и самом себе. Изменяются взгляды человека на мир. Это изменение подчеркивает Ф.И. Гиренок: если во времена И. Канта человек исследует мир «со стороны», то М. Хайдеггер описывает мир, в котором бытие свершается в языке и представлениях человека, которые могут быть не связаны с реальностью. Человек живет в мире, который может ему представляться в отрыве от реальности и, еще более того, в иллюзии [Гиренок].

Иллюзия — это представление, которое подвергается когнитивной обработке и может стать инструментом — произведением, частью «второй природы» человека, реализующего историко-культурный смысл средствами феноменализации.

Когнитивная практика включает в себя конструктивный момент, отображенный В.С. Степиным в определении научной картины мира. В.С. Степин считает, что научная картина мира составляется постепенно в виде набора теоретических конструктов и онтологических принципов, позволяющих описывать связи и отношения ее составляющих конструктов. В этом определении мы видим два интересующих нас обстоятельства. В.С. Степин рекомендует видеть мир как «картину», а не как набор теоретических пролонгированных историй научных систем [Степин 2006].

Второе обстоятельство — картину невозможно определить как понятие. Иначе мы попадаем в противоречие непонимания, описанное Г. Шпетом как «омоним»: «Наше мышление нередко попадает в беду. Язык наш — враг наш. Почти за каждым высказываемым или воспринимаемым словом таится, как в засаде, омонимия. Мысля, и в особенности выражая свои мысли, мы других не можем обеспечить от ошибок понимания, а сами впадаем в ошибки выражения» [Шпет:156]. Среди ошибок непонимания Г. Шпет выделяет поиск общих значений и попытку отыскать «родо-видовые отношения» вместо того, чтобы принять «различие» как факт мышления и иного, не родового, понимания.

Различие заключается в понимании ключевого положения глагола «определить». Понимание отличается от объяснения, а определение зависит от представления явления в культуре и логике. В современном мышлении явления языка подчинены логике Аристотеля. «Значение» и «смысл» мешают этой логике, так как важными оказываются «содержание» и «объем» понятия. Когда внимание отвлекается от эмпирических характеристик живого объекта, например, личности, когнитивная практика имеет дело с идеальными коррелятами видимых и слышимых его характеристик. Личность переносится в положение идеального объекта отношения, выступает в единственном качестве. Как единственное в своем понимании идеальное образование, личность подлечит уникальному феноменологическому описанию.

Концептуализация. Когнитивная практика проявляется в концептуализации (лат. *conceptum* — зародыш) состояния человеческого сознания, в современных условиях принимающего свое личностное экзистирование за реальное существование. В этом состоянии сознания воплощаются всеобщие параметры взаимного согласования идей, их зависимость от интерпретации соотношения чувства и разума и возможностей их когнитивных синтезов. Когнитивная практика может быть отнесена к разным формам существования человека — культурным, политическим и т. д. Но в человеческих отношениях главным становится определение человеком самого себя, вошедшего в философский

обиход как *Dasein*, т. е. особый способ самосознаваемого существования. Изменения постигают концептуализацию как ведущую форму мышления человека и способ феноменализации исследования. С развитием технологического прогресса человек перестает размышлять и останавливается на легкой доступности благополучия и его вполне устраивает «видимость» как основа представления о мире. Отсюда и его существование выходит за пределы *Dasein*, т. е. человек обходится без осознания самого себя. Ему достаточно самопредставления.

В классическом понятийном мышлении Р. Декарта *Cogito* становится своеобразным зародышем экзистенции при создании концептуальной мысли. В выражении *Cogito ergo sum* заключена неявная представленность экзистенциального акта мышления. Исследование когнитивной составляющей обретает зрелищную форму идеи. Когнитивная наука, связанная с информацией и ее обработкой, занимается человеческим мышлением и состояниями сознания, их сопровождающими. В русской философской традиции (Г.Г. Шпет, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк и др.) состояния сознания не ограничиваются обработкой информации, остаются скрытыми, связанными с интуицией и воображением. В них же находит выражение и экзистенция.

Термин *Cogito* Р. Декарта может восприниматься отдельно от картезианства как опыт, поставленный на самом себе. Он может быть выражен разнообразными средствами, как интеллектуальными, так и чувственными.

Как опыт, поставленный на самом себе, он отличается от тех достижений, которые закрепились за когнитивными науками. В традиции русской аналитики опыт имеет экзистенциальный эквивалент.

Идея экзистенциального опыта соотносима с интуитивным усмотрением сущности И. Канта. Мы не будем обсуждать сложные соотношения свободы мышления и интуиции. Когнитивной способностью, отдельно рассматриваемой от психических способностей, для И. Канта является трансцендентальное воображение. Понятие «транс» (от лат. *trans* — сквозь, через, за) означает переход к рассмотрению высших способностей человека к внутренним поискам, связанным с «внутренней формой чувства» [Кант: 152], которая выступает предметом особого раздела теории познания. Знание может выступать как «чувство», когда обретает «форму», т. е. отрывается от чувственной основы и транспонируется в нечто совершенно иное.

В последние десятилетия этот раздел теории познания соотносится с эпистемологией (греч. ἐπιστήμη — знание). Этот род знаний лежит глубже уровня общепринятого теоретического знания. В книге М. Фуко «Слова и вещи» он отнесен к историческим познавательным структурам, которые прорастают на границе связей истории культуры и человека [Фуко]. Возникает разрыв с традиционными формами рациональности и обозначается переход к возможностям понимания условий, при которых возможно познание. Для этого «археологического» эксперимента необходимо вводить познавательные конфигурации, противоположные известным способам обретения знания.

Примером такой конфигуративной работы является способ визуального воплощения историко-культурных способов познания Бруно Латура [Латур]. Вымысел оказывается частью природы. У вымысла, как и у вещей природы, есть общее место — место встречи, так как они опираются на «оптическую согласованность»: «Вы можете не только перемещать города, ландшафты или аборигенов и свободно двигаться относительно них по путям через пространство, но, используя те же двусторонние пути, вы можете добраться до святых,

богов, небес, дворцов и снов, смотреть на них через то же “оконное стекло” на той же двухмерной поверхности» [Там же: 108].

Когнитивная практика как таковая не может быть сведена к какому-то одному направлению, например, репрезентационизму. Визуальная культура, о которой говорит Б. Латур, представляет собой иное мировоззрение, иной взгляд на мир. Так, голландские художники, начиная с XV века, по-иному видели мир, и это было их изобретением, позволившим им собрать в Голландии различные фактурные комбинации и сделать их «тотальным социальным фактом» [Там же: 109—111].

Организация пространства заставляет чувствовать и думать иными средствами: «...точная сценография, выражающаяся во взгляде на мир, одновременно определяет, что есть наука, что есть искусство и что значит иметь мировую экономику» [Там же: 111]. Голландия стала сильным государством благодаря собранности на одной территории ряда изобретений, позволяющим увидеть мир оптически (визуально) согласованным. Так, технологии, прежде чем эффективно воплотиться в материалах и конструкциях, создают новое пространство встречи факта и вымысла, слов и изображений и т. д. Изображение и вымысел согласуются с созерцанием в пространстве встречи с представлением, а факт и его выражение переводят представление в непосредственную деятельность сознания, когда можно осмыслить факт и выразить его в конкретной форме.

Такое пространство встречи восприятия в форме созерцания и представления встречается в философии Г.В.Ф. Гегеля, создавшего энциклопедию философских наук. Представление связано с рефлексией. Сначала оно выражено в припоминании как появлении образов. Это произвольная деятельность представления, но неопределенная. Здесь человек сталкивается с силой воображения, которая выталкивает образы в сознание. Воображение, в свою очередь, включает ассоциирование и сопоставление образов, закрепленное памятью. Это пример когнитивного синтеза сознания, в котором созерцание и представление связываются силой способности, относимой к продуктивному воображению [Гегель: 286—300].

Важную роль в построении переходного состояния сознания из понятийного в практику представления играет возможность изображения знания в схемах и моделях. И. Кант подчеркивал, что наряду с интеллектуальным синтезом человеку свойственно выслеживать в сознании образы, т. е. составлять фигурные синтезы [Кант: 151]. Так что схема и модель также обладают двойным смыслом: рациональным и феноменальным. Фигура — внешнее изображение построений, которые могут выступать самыми неожиданными представлениями в сознании. М. Мерло-Понти отмечает, что произведения художника или любого человека сообщают произведению «фигуративный смысл, который до этого не существовал» [Мерло-Понти: 113]. Именно этот фигуративный смысл и создает «своего рода монограммы» жизни творца как свидетельство факта, что именно это произведение (открытие физического закона, текст, роль актера, картина художника) для своего воплощения «нуждалось именно в этой жизни» [Там же].

Первоначальное единство апперцепции И. Канта в работах Э. Гуссерля используется для критики трактовки восприятия образа как копии. В «Логических исследованиях» Э. Гуссерль пишет, что при отсутствии доступа к образу невозможно установить между ними связь, так как мы не имеем прямого доступа к своему сознанию. Должна быть осознана конструктивная связка образа и его ментальной репрезентации — представления. Отсюда важнейший вопрос когнитивной практики как пространства встречи, по Э. Гуссерлю, дисциплинарно организованного мышления (ноэза) и интенционального предмета (ноэма).

Убирая из зоны внимания все несущественные характеристики предмета, мы понимаем предмет как данный нам в сознании: «роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет» (У. Шекспир). Так мы выстраиваем свое понимание чего-либо.

С одной стороны, феноменологическое описание противоположно концептуализации. Но если концептуализация уподобляется реальному творению предмета, возникающему без основания в сознании, то она перестает быть уделом классического мировоззрения и становится «онтологическим мостом» между старым и новым качеством [Касавин 2022].

На этой границе человек возвышается над личной судьбой и открывает в себе свободное *испытывание* (Г.Г. Шпет) или исполнение своей или чужой роли. Указание И.Т. Касавина на «сопутствующие обстоятельства», сопровождающие теорию познания, относится не только к «культуре» и «социальности», но и к новым решениям старых проблем [Касавин 2013].

Таким новым взглядом на сопутствующие обстоятельства является когнитивная практика познания, одним из выражений которой является «экзистенциальное измерение науки» [Касавин, Порус]. Обобщённой формой «экзистирования» могут быть названы гуманитарные науки. Когнитивная практика, включающая экзистенциальный момент, помогает разработать форму научной культуры как «смысложизненную универсалию» [Там же].

Концептуализация проявляет себя в значениях, порожденных языком, и в отвлеченной данности смысла как образа. Человек начинает доверять образу и своему восприятию через чувства и образ как картину, выраженную словами и значениями.

Театрализация. Однако образ представляет собой «поэтапное развёртывание» внутренней структуры восприятия в двойственном состоянии: как исходной «сцены» и перспективной надстройки — «воспроизведение конкретных объектов как разыгрывающихся на этой сцене событий» [Веккер: 141]. Психический процесс представляет собой «фигуративную форму отображения», в графическом способе «задания функции». Психический процесс протекает «между образом и мыслью», воплощая в себе первичные или производные образы [Там же: 271].

В последнее время появляются работы, сохраняющие когнитивную ценность образа в экзистенциальном измерении науки. Практика представления, когда осуществляется процедура интерпретации классического наполнения терминов, таких как онтология, в двойственном состоянии сознания как дистанцию, разделяющую субъекта и предметный мир. Эта дистанция создает образ-модель как субъективный опыт осознания и усмотрения исходных сцен многомерной жизни в их переходе к философствованию, которое может быть выражено в воспроизведении «конструктора “лего”» [Петряков]. Философствование как особая форма представления выстраивается не только как «межпредметное единство», но и как очередная (неклассическая) репрезентация ноосферы, предполагающая «Творящее Начало Вселенной, не имеющее формы, и потому порождающее их всех. Эта идея, а также понятия индивида, сюжета, сценария и игры являются базисными в ... модели Реальности», [Шимельфениг, Васильев: 158], складывающейся вопреки узким представлениям об онтологических поворотах, свидетелями которых мы являемся.

Список литературы / References

- Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
(Vekker L.M. Psyche and reality: a unified theory of mental processes, Moscow, 1998, 685 p. — In Russ.)

- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 3. 472 с.
(Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences, Moscow, 1974, vol. 3, 472 p. — In Russ.)
- Гиренок Ф.И. Признаки постхайдеггеровского мышления // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 2. С. 10—25.
(Girenok F.I. Signs of post-Heideggerian thinking, *Bulletin of Moscow University, Series 7: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 10—25. — In Russ.)
- Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 768 с.
(Kant I. Critique of Pure Reason, St. Petersburg, 2017, 768 p. — In Russ.)
- Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической психологии // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 46—57
(Kasavin I.T. Knowledge and communication: towards contemporary discussions in analytical psychology, *Questions of Philosophy*, 2013, no. 6, pp. 46—57. — In Russ.)
- Касавин И.Т. Научное творчество как социальный феномен // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 19—29.
(Kasavin I.T. Scientific creativity as a social phenomenon, *Epistemology and philosophy of science*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 19—29. — In Russ.)
- Касавин И.Т., Порус В.Н. Философия науки: экзистенциальный поворот // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 4. С. 7—21
(Kasavin I.T., Porus V.N. Philosophy of Science: Existential Turn, *Epistemology and Philosophy of Science*, 2023, vol. 60, no. 4, pp. 7—21. — In Russ.)
- Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 47, № 2. С. 96—156
(Latour B. Visualization and Cognition: Picturing Things Together, *Logos*, 2017, vol. 47, no. 2, pp. 96—156. — In Russ.)
- Мерло-Понти М. Сомнения Сезанна // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. 288 с.
(Merleau-Ponty M. Cezanne's Doubts, *(Post)phenomenology: new phenomenology in France and beyond*, Moscow, 2014, 288 p. — In Russ.)
- Мюллер М. Смысловые толкования истории // Философия истории: Антология / под ред. Ю.А. Кимелева. М.: Аспект Пресс, 1995. 351 с.
(Müller M. Semantic interpretations of history, *Philosophy of history: Anthology*, ed. by Yu.A. Kimelev, Moscow, 1995, 351 p. — In Russ.)
- Петряков Л.Д. Метаонтология как лево-философия // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 141—148.
(Petryakov L.D. Metaontology as Lego-philosophy, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 141—148. — In Russ.)
- Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
(Stepin V.S. Philosophy of Science. General Problems, Moscow, 2006, 384 p. — In Russ.)
- Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
(Frank S.L. Spiritual foundations of society, Moscow, 1992, 511 p. — In Russ.)
- Шварцкопф Ф. Метаморфозы данного: на пути к созданию экологии сознания. М.: Идея-Пресс, 2000. 232 с.
(Schwarzkopf F. Metamorphoses of the given: on the way to creating an ecology of consciousness, Moscow, 2000, 232 p. — In Russ.)
- Шимельфениг О.В., Васильев Н.Н. Язык как фактор самотрансформации ноосферного универсума // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 158—164.
(Shimelfenig O.V., Vasiliev N.N. Language as a factor of self-transformation of the noospheric universe, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 158—164. — In Russ.)

Шпет Г.Г. Сознание и его собственник (Заметки) // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891—1916. Статьи по философии и психологии. Москва, 1916. С. 156—210.

(Shpet G.G. Consciousness and its owner (Notes), *To Georgiy Ivanovich Chelpanov from the participants of his seminars in Kyiv and Moscow 1891—1916. Articles on philosophy and psychology*, Moscow, 1916, pp. 156—210. — In Russ.)

COGNITIVE PRACTICE: FROM CONCEPT TO REPRESENTATION

Vera O. Volkova, Ilya E. Volkov

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, veravolkova@mail.ru, volki@rambler.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of cognitive practice in the context of the transition from conceptual thinking to the possibility of representation, which creates a new reality different from the actual surrounding world. It is noted that philosophizing forms the object of research — the evidence of the immediately given. In the historical and cultural context, the transitional state of cognitive practice is transmitted through the state of consciousness “doubt”, which creates the duality of human existence. It is proved that the properties of modern cognitive practice are phenomenalization and theatricalization as forms of existence of scientific knowledge. The relationship between the subject and the phenomenon as a source of the meaning of representation is problematized. They can create, in one case, illusions, in another — works of the human mind, which become tools in research. If the first and second coincide, philosophizing is attributed to artistry. However, phenomenalization in representation presupposes a specific phenomenon of illusion that does not have a linear representation. Spectacle as movement and mutual absorption of images leads to the theatricalization of perception based on theatricalization. The initial scene is created by the perception and purification of what is happening to the immediate initial event, and the object of attention that manifests itself in perception develops into an event for the existential existence of a person.

Keywords: cognitive practice, concept, representation, image, phenomenologization, theatricalization, event

For citation: Volkova V.O., Volkov I.E. Cognitive practice: from concept to representation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 132—139.

Статья поступила в редакцию 13.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 13.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторах / Information about authors

Волкова Вера Олеговна — доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Россия, г. Нижний Новгород, veravolkova@mail.ru

Volkova Vera Olegovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Methodology, History and Philosophy of Science Department, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, veravolkova@mail.ru

Волков Илья Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Россия, г. Нижний Новгород, volki@rambler.ru

Volkov Ilya Evgenievich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of Methodology, History and Philosophy of Science Department, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, volki@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 140—149.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 140—149.

Научная статья

УДК 930.1

DOI: 10.46726/И.2025.1.17

«ВРЕМЯ» И «ВОЛЯ» В ИСТОРИОСОФИИ Г.П. ФЕДОТОВА

Павел Анатольевич Домнинский

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
paweldomninski@gmail.com

Аннотация. В центре внимания представленной статьи оказывается творчество одного из значимых представителей первой волны русской эмиграции Георгия Петровича Федотова (1881—1951). В своих работах он часто обращается к тематике истории и сопутствующим ей вопросам, касающимся воли и исторического детерминизма. Несмотря на декларативную позицию Г.П. Федотова, заключающуюся в принятии свободы воли, и критику по отношению к историческому детерминизму, на деле элементы последнего все же в той или иной степени присутствуют в работах мыслителя, и хоть контрабандой, но все же являются неотъемлемой частью всей историософии. Исходя из вышеизложенного, в статье ставится задача выявить механизмы, которые позволяют сочетать выявленное противоречие. В первую очередь под исследовательский взгляд попадает категория времени. С ее помощью удастся развести историю как концепт и случай как со-бытие. Более того, это приводит к побочному эффекту — разведению исторического нарратива и сферы социального, где второе приобретает некую автономию от первого в рамках все той же выстраиваемой Г.П. Федотовым философии истории.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, философия истории, время, исторический детерминизм, воля

Для цитирования: Домнинский П.А. «Время» и «воля» в историософии Г.П. Федотова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 140—149.

Введение. Одной из особенностей отечественной философской мысли является повышенный интерес к проблеме истории. Во многом это связано с историческим контекстом формирования национальной культуры. Находясь не просто зажатой между Востоком и Западом, а активно взаимодействуя с ним (причем это взаимодействие часто имело как характер сотрудничества, так и открытой вражды), российская мысль не оставалась изолированной и всегда — осознанно или нет — стремилась определить место России на общей карте геополитических координат. Переплетение и разнообразие подобного исторического опыта оставило большое наследие в интеллектуальной истории. Отсюда кажется небезынтересным обратиться к фигурам прошлого, особенно не столь далекого межвоенного периода (1918—1939).

В данном контексте весьма любопытно выглядит персона Георгия Петровича Федотова (1886—1951). Входя в плеяду представителей религиозного ренессанса, он часто оказывается в тени своих более именитых коллег по цеху. Подобное положение не является адекватным отображением творческого

наследия мыслителя, чей интеллектуальный вклад способен обогатить отечественную историко-философскую область научного знания. Несмотря на многие общие черты с другими представителями русской эмиграции социально-христианской направленности, творчество Г.П. Федотова, безусловно, обладает своей спецификой, которая и позволяет взглянуть на, казалось бы, уже ранее обозначенные проблемы с совершенно иного ракурса, в то же самое время оставаясь в рамках отечественной традиции.

Непосредственно в центре внимания оказывается философия истории, являющаяся чуть ли не главным лейтмотивом всей русской интеллектуальной мысли первой половины XX столетия. У самого Г.П. Федотова в этом контексте проблемной точкой является воля, место которой в его трудах однозначно не определено. Более того, возникает вопрос о наличии атрибутов исторического детерминизма и их сочетании с априорным положением о свободе человека. Естественным следствием этого в итоге может быть констатация выстраиваемой русским мыслителем своей системы компатибилизма, хоть и в имплицитной форме.

Первым шагом в данном направлении является обозначение места воли в рамках историософии Г.П. Федотова. В этом контексте стоит сказать о сюжете, связанном с методологической установкой русского мыслителя. В исследовательской литературе неоднократно подчеркивается просматриваемая тенденция в работах Г.П. Федотова к определенному рода организационным структурам, в том числе с использованием «бинарных оппозиций», свойственных структуралистам, на что весьма точно указал отечественный исследователь А.В. Антощенко [Антощенко: 11—12]. На смешение структурного и уникального указывалось и ранее в критической литературе (метод «насыщенного описания» [Раев: 165], «индивидуации культурно-исторических типов» [Иво-нина: 281]). В пользу этого говорит и четкое разграничение Г.П. Федотовым агиографии и агиологии, последняя из которых хоть и строится вокруг фигуры святого, но по своей сути связана с производством смыслов теоретического характера («агиографическое богословие») [Войтенко: 30]. Все эти положения в должной степени отражают существенную составляющую философской мысли Г.П. Федотова. Однако на этом фоне стоит обратить внимание и на другую сторону, где в центре оказывается личность вне рамок детерминистских структур.

Отталкиваясь от этого, становится весьма важно по возможности определить и развести концептуальный взгляд на историю теоретического характера и сферу социального, поскольку их смешение и отождествление есть не что иное, как вульгарное упрощение. Безусловно, нельзя говорить и о полном разрыве социального с историческим дискурсом, в первую очередь речь идет именно о сложном взаимодействии — пересечении, наложении, соприкосновении, а порой антагонизме и разрыве. Поиск этих запутанных связей и попадает в исследовательский фокус настоящей статьи.

К категории времени. Проблема истории всегда в той или иной мере наличествует в философских размышлениях Г.П. Федотова. Однако работ, в которых он обращается к данной теме напрямую, не столь много. Наряду с ними отдельного внимания заслуживают тексты, где данная проблематика, напротив, не фигурирует в качестве центральной. Это в первую очередь статьи, посвященные злободневным событиям в России и Европе — политического, социального и культурного характера. Несмотря на свою ситуационность, все эти публикации в той или иной степени связаны с исторической тематикой. Подобного рода двойственность в отношении к истории позволяет отметить следующие изначально не бросающиеся в глаза моменты: с одной

стороны, наличие некой раздробленности и фрагментарности представления об истории, с другой — параллельно и вне очевидной связи с предыдущим — это попытка концептуализации исторического нарратива. Следовательно, можно выдвинуть предположение о тотальности исторического дискурса и существовании определенной логики, обеспечивающей функционирование этого положения.

Прежде всего стоит обозначить некий исходный каркас философии истории, который эксплицитно представлен Г.П. Федотовым (преимущественно в работах европейского периода). В качестве основы служит разделение на два града — небесный и земной, непосредственно заимствованных у св. Августина. Это становится отправной точкой для введения двух реальностей — трансцендентной и имманентной. Первая из перечисленных в обозначенной паре имеет валюативную роль, по большому счету благодаря именно ей появляется сама возможность подлинного ценностно-нормативного осмысления действительности. Трансцендентное — точка, из которой выстраивается вся аксиологическая иерархия, в центре которой оказывается отношение Бога с человеком, который в итоге должен преодолеть свое грехопадение и вернуться в лоно Небесного Отца. Таким образом, на первый взгляд перед нами оказывается весьма типичная христианская модель истории. Однако особо пристальное внимание стоит обратить на материальное выражение этой метаисторической конструкции в объективированном мире, где центральное место занимает непосредственно человек.

Фундаментальной для имманентной реальности оказывается категория времени, что неизбежно тянет за собой сопутствующие проблемные точки — становление и конечность. Единичное материального бытия из-за своей ограниченности неспособно выразить «метаисторический замысел» во всей его полноте, вследствие чего объективированный мир оказывается в состоянии перманентного ускользания целостности. Впрочем, Г.П. Федотов не примиряется с обрисованным подобным положением реальности и развивает свою мысль в направлении преодоления утраченного единства мира силами человека непосредственно в рамках имманентной реальности. Отсюда и появление идеи о множестве культурных путей спасения, представленной в одной из ранних статей европейского периода «Национальное и вселенское» (1928).

В этом контексте нельзя обойти стороной программную работу «Эсхатология и культура» (1938). В ней Г.П. Федотов представляет объективированную реальность как пространство творческой деятельности человека, в котором и происходит рефлексия «абсолютного» [Мјог: 19]. Сама эта рефлексия осуществляется посредством деятельности множества единичностей, имеющих — как уже было отмечено выше — как ограниченный характер, связанный с их конечностью, так и момент становления. Непосредственно финальная точка эсхатологии представлена Г.П. Федотовым в виде совокупного и, что не менее важно, связанного между собой результата труда, олицетворением которого оказывается «Град» построенный людьми «в сотрудничестве всех поколений» [Федотов 7: 219]. Именно совместные усилия всего человечества должны лечь в основу преодоления той принципиальной неполноты и отсутствия целостности, свойственной объективированному миру. Отсюда вытекает и социальный характер общественно-политической мысли Г.П. Федотова, поскольку лишь через взаимодействие с «другим» возможно выйти за ограниченный характер единичности.

В этом отношении можно говорить о классическом для персонализма понимании личности, не замкнутой на самой себе. Как весьма точно отметил его соредактор по «Новому граду» Ф. Степун, «личность есть индивидуальность, раскрытая в другую индивидуальность. Личность есть “я”, начинающееся с “ты”, с обращения к Богу или к человеку, вернее к Богу и к человеку вместе, так как одно без другого невозможно» [Степун: 14]. Отсюда и неприемлемость только личного спасения. Подтверждение последнего можно увидеть во все той же статье «Эсхатология и культура», где отмечается проблемность «малой» эсхатологии (личной), за которой теряется «великая», и, как можно судить по расставленным акцентам, подлинная эсхатология (всего человечества) [Федотов 7: 218—219].

Вместе с тем, фундаментом связи с «другим» является не что иное, как творчество и труд. Однако это не тот деятельностный акт, который постулируется Н.А. Бердяевым, где результат оказывается вторичен, а, в сущности, и вовсе не имеет никакого значения: «Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность, не объективация, а трансцендирование» [Бердяев 1991: 210]. Для культурной эсхатологии Г.П. Федотова, напротив, особое значение приобретают формы, поскольку через них оказывается возможным фундирование природы человека в «исторической ткани», а, следовательно, более полное раскрытие истины в лице разнообразных исторических отображений человека. Таким образом, именно в наполненности конкретного содержания, а не в голом акте подражания божественному становится возможным слом жестких законов необходимости материального мира и последующий за этим прорыв в вечность.

Время в такой перспективе оказывается основополагающей категорией. Более того, его особенностью является исторический характер, а значит, и такие атрибуты, как мессианизм и антропоцентризм [Бердяев 1995: 259]. Показательна в этом отношении выстраиваемая Г.П. Федотовым эсхатологическая перспектива, в которую и оказывается зашит мессианский мотив. Его роль весьма отчетливо видна в проблематике национального. Необходимо сразу отметить, что «мессианизм» Г.П. Федотова не был связан с классическими идеями об избранности и исключительности конкретных народов [Ивонина: 312—313]. Уже упомянутая выше концепция о множестве путей спасения заключалась как раз в наделении вообще всех этно-культурных обществ особой исторической миссией, а вместе с ней и субъективностью в рамках исторического процесса [Федотов 2: 119—120], благодаря чему через каждый народ, имеющий свои особые национальные черты, раскрываются различные части бытия. Следовательно, лишь совокупность этого многообразия способна в наиболее полном объеме представить истину.

Касательно антропоцентризма стоит отметить одну особенность. Сложно найти работу, где Г.П. Федотов обращался бы к нему напрямую. Наиболее полно антропоцентризм оказывается представлен через критику секуляризованного мира. В частности, внимание мыслителя привлекают две области — искусство и наука. Показательной здесь является публикация в Вестнике РСХД «О христианском гуманизме» (1932). В ней всплывает примечательный сюжет, связанный с написанием портрета в современной Г.П. Федотову живописи. Лицо человека, как отмечает он, не имеет качественного отличия от остальных объектов изображения — сапог и кусков мяса [Федотов 4: 236]. Последствие этого есть не просто демонтаж портретной живописи как жанра, а нечто большее — дегуманизация самого человека, сведение его жизни к предметному

существованию. Ту же логику можно увидеть и в публикации «Борьба за искусство» (1935). Рассуждая об импрессионизме, Г.П. Федотов отмечает, что опора на чувственность в этом жанре возводится в абсолют, что ведет к фрагментарному пониманию человеческой природы как таковой. Выделение чувств в отдельное понятие приводит личность к потере присущей ей до этого целостности [Федотов 6: 276]. То же самое можно увидеть в работах, где в той или иной степени представлена критика науки и самого Просвещения в целом. Подобного рода процессы секуляризации быют в самый центр структурообразующего узла истории — личность.

Отдельно стоит упомянуть природное. Органическая жизнь представлена Г.П. Федотовым как нечто статичное, лежащее вне времени, а значит, и вне истории. Тем не менее, в работах мыслителя модели описания естественных процессов довольно часто имеют свое приложение к общественным явлениям и непосредственно к самому человеку. В то же время это не должно вводить в заблуждение, поскольку подобные стилистические приемы нагружены рядом специфических характеристик, которые все же оставляют их носителей в рамках социальной реальности. Как правило, подобного рода метафоры — это всегда разговор о разрушении и уничтожении фундаментального порядка вещей. В случае подлинной биологической природы (пчелы, муравьи и т. п.) аналогичного негативного эффекта не наблюдается вовсе [Там же 9: 97].

Невольно напрашивается параллель с противоборством варвара и дикаря, отмеченная Фуко в одном его лекционном курсе, прочитанном в Коллеж де Франс*. Суть этой оппозиции заключается в том, что варвар, как и охваченный природным порывом человек у Г.П. Федотова, есть не кто иной, как носитель господства, а его «органическая» стихия — это постоянная война с цивилизацией [Фуко: 209]. Не имеет значения, в какой форме это выражается — бунт черни, разбой или неограниченная власть тирана — везде на первое место встает принцип экспансии лишь своей свободы и своей власти. Ключевым моментом оказывается то, что в отличие от дикаря, варвар всегда связан с историей, являясь в какой-то мере результатом культурного производства. Неудивительно то, что носители подобного квазиприродного описания в работах русского мыслителя становятся одними из творцов исторического прогресса, хоть и внося в это движение негативный элемент.

Как видно, сам поворот к органической жизни оказывается сугубо социальным актом, непосредственно связанным с историей как таковой. Однако проблема заключается в том, что категория времени в таком ее формате ставит вопрос о сочетании двух разнонаправленных процессов — детерминации и свободы воли. Несмотря на то, что исторические формы непременно привносят в объективированную реальность причинно-следственный элемент, а, следовательно, необходимость, сама культурная эсхатология Г.П. Федотова с рядом оговорок, напротив, делает ставку на свободно творящего человека. Только личность, становясь смысловым узлом исторического процесса, может обеспечить свое спасение. Никакие силы детерминированного мира и даже непосредственно Бог не могут преодолеть греховного состояния человека: «Если человек волею избирает ад, не будет ли для него адом самое небо?» [Федотов 7: 227].

Показать разрешение обозначенного столкновения причинности и свободы возможно через разведение истории как концептуальной модели и социального как базового, что хоть и связано с историческим, но в то же время

* Речь идет о лекции от 3 марта 1976 г. из курса «Нужно защищать общество».

обладает собственной автономией и проблематикой. В этом может помочь рамка двух оппозиционных пар — истории и случая, времени и вечности [Комаров: 108].

Современное и история. Первое, о чем необходимо сказать, — это тот факт, что несмотря на все сопутствующие контексты, а, возможно, в том числе и благодаря им, время представлено двояко. С одной стороны, оно имеет некую протяженность и статичность, атрибуты которой формируют концептуальную модель исторического процесса, в рамках которой раскрывается мета-историческое. Прежде всего, подобная форма представления времени всегда ретроспективна и строится в рамках линейного процесса причинно-следственных связей, свойственных историческому детерминизму, против которого всегда выступал Г.П. Федотов. С другой стороны, при более близком приближении обнаруживается еще одна, не сразу заметная черта — дискретность. Проявляется она в определенной автономности темпоральных единичных событий, хоть и связанных единой линией, но безусловно обладающих своим самобытным содержанием и расширенным контекстом. Оттеняя протяженность, свойственную концептуальной модели истории, именно единичность выражает момент становления, точку волевого действия, являющуюся одной из двух, наравне с разумом, чертой человеческой природы [Малинов: 60].

Как результат, мы обнаруживаем в философских построениях Г.П. Федотова онтологическое разделение свободы на формальную и волюнтаристскую. Наибольший интерес, прежде всего, представляет последняя из вышеприведенных, поскольку сам мыслитель резко дистанцируется от нее, декларативно отдавая предпочтение формальной свободе. Безусловно, причина подобного неприятия понятна и заключается она в выстраиваемой Г.П. Федотовым культурной эсхатологии. В одной из своих статей позднего периода творчества он отмечает, что свобода есть «поздний и тонкий цветок культуры» [Федотов 9: 97]. Проявляется она в ходе исторического процесса, причем формы ее имеют институциональный характер. Общей здесь оказывается суть, заключающаяся в постулировании свободы, которую можно обозначить как негативную (свобода от).

В начале 1930-х годов Г.П. Федотов пишет следующее: «свобода может и должна ограничить некоторые свои обнаружения: вовне, в быту, в жизненно-хозяйственном порядке. Во имя чего? Во имя уважения к свободе других людей...» [Федотов 5: 219]. В этом он однозначно сближается с Н.А. Бердяевым, который также провозгласил на страницах «Нового Града» один из ключевых критериев истинной свободы — «свободу для другого и для других» [Бердяев 1931: 62]. Однако за этим патетическим слогом скрывается весьма важная деталь. Подобная жесткая оппозиция «свободы» и «воли» в большей степени отражает не языковую ситуацию или социальную реальность, а представляет один из элементов концептуализации истории [Киришбаум: 71]. Так, сущностным атрибутом этой формальной свободы оказывается становление с присутствующим ему деятельностным корнем. Всякий раз, когда речь заходит о волевом начале, Г.П. Федотов непреклонен: всякое попрание и умаление воли ведет однозначно к атонии и последующей смерти [Федотов 4: 120].

Именно волевому акту отводится фундаментальная роль. Под впечатлением от конфликта в Свято-Сергиевском богословском институте Г.П. Федотов печатает, на первый взгляд, свою не самую заметную публикацию «В защиту этики» (1940). Однако любопытен в первую очередь не сам вопрос этики, а момент ее проявления в жизни, где волевое действие и играет важную роль: «Акт лежит посередине между внутренним и чисто внешним и является

настоящей связью между двумя мирами, или исходом личности в мире. Это ее воплощение или (?) объективация» [Федотов 2: 325].

Непосредственная реализация воли оказывается точкой выражения внутренней сущности человека, которая имеет не только природную, но и божественную составляющую. Следовательно, лишь с творческого акта личности и начинается любая возможная реализация чего бы то ни было в объективированном мире, в том числе и становление концептуальной модели истории с заложенным в ней метаисторическим замыслом. Отсюда и трудовая направленность выстраиваемых Г.П. Федотовым социально-политических моделей, суть которых сводится к корпоративной (профессиональной) социал-демократии [Федотов 5: 234—235].

Выход за рамки исторического нарратива в момент волевого действия хорошо замечен по использованию Г.П. Федотовым анахронизма, нарушающего линейную хронологию. Здесь стоит обратиться к отрывку из публикации «Россия Ключевского» (1931), впервые напечатанной в «Современных записках»: «XVII век действительно не умирал в России совершенно. Оттиснутый вниз петровской дворянской культурой, он доживает, в полной моральной силе и здоровье, в крестьянстве, купечестве и духовенстве, особенно сельском, из которого вышел Ключевский. Лесков — бытописатель XVII века в XIX» [Федотов 4: 171]. На этом примере, во-первых, видно одновременное существование двух разных хронологических периодов, во-вторых, что более существенно, отсутствие какой-либо иерархической зависимости между двумя представленными культурными напластованиями. Более того, совершенно нет какой бы то ни было органической метафоры, привязывающей эти «хронологические» периоды к стадияльному паттерну.

Порой наличие тех или иных элементов может присутствовать и вовсе в различных темпоральных единичностях автономно от изначального временного периода их становления, на что в том числе указывала исследователь русской философии Л.А. Гаман, говоря о совмещении «культурно-исторических напластований» в «самых неожиданных комбинациях», актуализация которых происходит в настоящем [Гаман: 160]. Ярким примером может служить национальный тип русского человека, состоящий из совмещения архетипов различных эпох, где на первое место выдвигаются, казалось бы, изначально совершенно реакционные черты. В работе «Письма о русской культуре» можно найти следующие слова: «Москвичу, благополучно отсидевшемуся в русской деревне от двухвековой имперской культуры, не нужно делать над собой никакого нравственного насилия, чтобы идти в ногу с европейцами» [Федотов 6: 376]. Как видно из вышеприведенного отрывка, «московский тип», зародившийся в период Московского царства, смог пережить более поздний культурный пласт «русского европейца-просветителя», появившийся лишь только как результат кардинальных реформ Петра Великого. Более того, он не только сумел пережить плоды русского Просвещения, а и вовсе показал стремительный рост своих жизненных сил и энергии, что непременно нашло отклик в набирающем обороты XX веке.

Ко всему прочему, весьма существенно и наличие во многих работах таких понятий, как «эпоха», «дух времени», которые позволяют говорить о формировании области современного. Последняя, в свою очередь, как раз образует пространство темпоральной негомогенности, где и реализуется волевой акт. Возможным же это становится лишь благодаря расширению «текущего сейчас». В результате в центре становления оказывается фигура «другого»,

поскольку всякое творческое действие происходит лишь в со-бытии. Отсюда и резкое неприятие эгоцентризма, замыкающего человека на самом себе, разрывая всякие попытки обратиться вовне. Подлинное становление личности происходит лишь благодаря паре «ты» и «мы», через которую формируется уникальная субъективность «я».

Стремление преодолеть отчуждение людей друг от друга, на первый взгляд, сближает Г.П. Федотова с экзистенциалистами, однако для них «ты» — это всегда другая реальность, что, как указывал Э. Мунье, непременно ведет к абсолютной интериорности [Вдовина: 92]. Подобное, безусловно, оказывается неприемлемо. Подтверждением этого служит не только обозначенное выше неприятие эгоцентризма, но и приверженность Г.П. Федотова идее соборности [Федотов 5: 246—247]. Таким образом, совместное бытие есть единое пространство реальности, которое и совпадает с расширенным «сейчас». Включенность множества единичностей в единое, соответственно, оказывается тем многоголосым хором, который войдет в Царство Божие [Федотов 2: 119—120]. Со-бытие в этом контексте приобретает не инструментальную (организационную) функцию, а становится ценностью, связанной с общей иерархией, которая имеет в центре абсолютную ценность — Бога.

Как раз в этом радикальном расширении и включении прочих множественных единичностей происходит преодоление конечности и неполноты объективированного мира, хоть и только в моменте становления, за которым непременно идет «потом». К тому же сама актуализация нового в определенной мере оказывается уходом от абстракции к конкретности, которая, в свою очередь, способна приблизить человека к истине [Лагурев: 29]. Безусловно, волевой акт не панацея, и к тому же сам факт признания человека свободным делает возможным провал в перспективе истории. Тем не менее, негативные последствия могут трактоваться как реакция на отклонение от верного пути, что безусловно соответствует духу П. Тиллиха, к которому в той или иной степени был идеологически близок Г.П. Федотов [Фотиева: 188].

Заключение. Остается открытым вопрос непосредственно о субъектах всего этого процесса — как самой истории, так и момента ее становления. Однако можно сказать точно, что универсальных единиц здесь оказывается две: личность во всей ее сложности взаимоотношения с «другим» и народ, понимаемый как соборная личность. Оба этих смысловых узла имеют ключевое значение в разворачивании вечности в истории, а следовательно, и всей «рамочной» конструкции философии Г.П. Федотова.

Однако уже сейчас можно однозначно отметить демаркационную линию, проходящую через все творческое наследие Г.П. Федотова, которая лежит в рамках большого дискурса об истории. Основой этого деления становятся атрибуты категории времени. Протяженность и статичность оказываются фундирующими принципами концептуального подхода к истории. Отсюда берется фокус на систематичность, выстраиваемую в первую очередь в формате причинно-следственной хронологической связи, а также локальных парадигм, обусловленных хоть и внутренним, но все же детерминизмом. Последние оказываются как раз-таки на границе с субъективным, где категория времени выступает как дискретность в контексте становления «здесь и сейчас». Выход на первый план субъекта становится возможным в «социальной ситуации» совместного бытия, когда сопрягается несколько точек, главной из которых становится реализация воли конкретной единичности. И хотя по-прежнему стоит быть осторожным в утверждении о жестком разграничении, поскольку что волевое «сейчас»,

что рационализированное и объективированное «потом» связаны с единым телом времени; все же можно принять положение о наличии определенной степени автономии социального бытия в его практическом, персонифицированном выражении с его отдельным рядом смыслов в философском наследии Г.П. Федотова.

Список источников

- Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.
 Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
 Бердяев Н.А. Парадоксы свободы в социальной жизни // Новый Град. 1931. № 1. С. 59—66.
 Степун Ф.А. О свободе // Новый Град. 1938. № 13. С. 11—45.
 Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, Sam & Sam, 1996—2014.

Список литературы / References

- Антощенко А.В. «Византизм» в интерпретации Г.П. Федотова // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 7—20.
 (Antoshchenko A.V. George Fedotov's interpretation of the concept "Byzantinism, *Bulletin of Slavic Cultures*, 2017, vol. 44, pp. 7—20. — In Russ.)
 Вдовина И.С. Французский персонализм (1932—1982): учеб., пособие для филос. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1990. 151 с.
 (Vdovina I.S. French personalism (1932—1982): A textbook for university philosophy departments, Moscow, 1990, 151 p. — In Russ.)
 Войтенко А.А. Курс по агиологии Г.П. Федотова в Богословском институте в Париже. Новые данные // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2016. Вып. 4 (49). С. 24—35.
 (Voytenko A.A. The course of lectures on hagiology by Georgy Fedotov at the Theological Institute in Paris. New evidence, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 2016, no. 4 (49), pp. 24—35. — In Russ.)
 Гаман Л.А. Историко-теоретические представления Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 156—162.
 (Gaman L.A. Historic and theoretical ideas of G.P. Fedotov, *Tomsk State University Journal*, 2007, no. 294, pp. 156—162. — In Russ.)
 Ивонина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX — середины XX вв. Новосибирск: НГПУ, 2000. 442 с.
 (Ivonina O.I. A time of freedom. The problem of the orientation of history in the Christian historical thought of Russia in the 19th—mid-20th centuries, Novosibirsk, 2000, 442 p. — In Russ.)
 Киршбаум С.В. О границах свободы // Этическая мысль. 2017. Т. 17, № 1. С. 70—79.
 (Kirshbaum S.V. On the Limits of Freedom, *Ethical Thought*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 70—79. — In Russ.)
 Комаров С.В. Стратегии борьбы со временем: событийность и история // Вестник РХГА. 2015. Т. 16, вып. 1. С. 107—120.
 (Komarov S.V. The strategies of Fight with time: eventness and history, *RCAH Review*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 107—120. — In Russ.)
 Лагурев А.С. Историческая трагедия и вопросы морали: Михаил Лифшиц о добре и зле // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2023. № 2. С. 24—32.
 (Lagurev A.S. Historical tragedy and questions of morality: Mikhail Lifschitz on good and evil, *Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 24—32. — In Russ.)
 Малинов А.В. Очерки по философии истории в России: в 2 т. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2013. 494 с.
 (Malinov A.V. Essays on the philosophy of history in Russia: in 2 vols., vol. 1, St. Petersburg, 2013, 494 p. — In Russ.)

- Раев М. Россия за рубежом: История культуры эмиграции. 1919—1939 / предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
(Raev M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration. 1919—1939, Moscow, 1994, 296 p. — In Russ.)
- Фотиева И.В. Пауль Тиллих: профанное и священное в культуре // Вестник РХГА. 2022. Т. 23, вып. 3, ч. 1. С. 182—190.
(Fotieva I.V. Paul Tillich: the profane and sacred in culture, *RCAH Review*, 2022, vol. 23, no. 3, pt. 1, pp. 182—190. — In Russ.)
- Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975—1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
(Foucault M. Society must be defended: lectures at the Collège de France, 1975—76, St. Petersburg, 2005, 312 p. — In Russ.)
- Mjør K.J. Georgii Fedotov as a Theologian of Culture // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26, № 1. С. 15—29.
(Mjør K.J. Georgii Fedotov as a Theologian of Culture, *RUDN Journal of Philosophy*, 2022, vol. 26, no. 1, pp. 15—29. — In Eng.)

“TIME” AND “WILL” IN GEORGY FEDOTOV’S HISTORIOSOPHICAL SYSTEM

Pavel A. Domninskii

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
paweldomninski@gmail.com

Abstract. The focus of the article is on the work of one of the most significant thinkers of the first wave of Russian emigration, Georgy Petrovich Fedotov (1881—1951). In his essays he often writes about history and related issues like will and historical determinism. Despite G.P. Fedotov’s position of accepting free will and criticism of historical determinism, in fact, elements of determinism are present in the thinker’s works and are an integral part of all historiosophy. Based on the above, the article aims to identify mechanisms that allow combining the identified contradiction. The category of time is the first to become the centre of the research focus. With its help, it is possible to separate history as a concept and an event as a co-existence. Moreover, this leads to the separation of the historical narrative and the field of social activity. The last one acquires autonomy from the conceptual history within the framework of the historiosophy developed by G.P. Fedotov.

Keywords: G.P. Fedotov, philosophy of history, time, historical determinism, will

For citation: Domninskii P.A. “Time” and “will” in Georgy Fedotov’s historiosophical system, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 140—149.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 13.01.2025.

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 13.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Домнинский Павел Анатольевич — аспирант, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, paweldomninski@gmail.com

Domninskii Pavel Anatolievich — Postgraduate student, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, paweldomninski@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 150—157.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 150—157.

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.46726/И.2025.1.18

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЛИЧНОСТНО-ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (XX ВЕК). Часть 1

Роман Владимирович Шорин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, romanshorin@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявить специфику неакадемической философии через обращение к пятерке философов неакадемического направления XX века. Автор предлагает соответствующую типологию — концептуальные вариации неакадемической философии, определенные на основе личностно-персоналистического подхода. Показано, что именно такая методология способствует лучшему пониманию роли и значению неакадемической философии в целом как социокультурного феномена. Пять персоналий — Людвиг Витгенштейн, Альбер Камю, Мартин Хайдеггер, Николай Бердяев и Мераб Мамардашвили — рассматриваются как воплощения пяти характерных типов или типажей неакадемического философствования — философ-нонконформист, философ-бунтарь, философ-отшельник, философ-изгнанник и философ-артист (оратор, учитель). Заявлено, что неакадемическая философия не исчерпывается данным типами-типажами, однако их исследование позволяет выявить специфику рассматриваемого феномена в целом, а также обосновать само его наличие в социальном и культурном пространствах. Подчеркивается, что разделение философии на академическую и неакадемическую не носит абсолютного характера. Автор делает вывод об актуальности и востребованности более глубокого изучения неакадемической философии как значимого социокультурного феномена. Зафиксировано, что этот феномен оказывает существенное влияние на общество и общественную мысль, занимая свою незаменимую нишу.

Ключевые слова: философия, неакадемическая философия, академическая философия, социокультурный феномен, типологизация, репрезентация

Для цитирования: Шорин Р.В. Неакадемическая философия: личностно-персоналистическая репрезентация (XX век). Часть 1 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 150—157.

Введение. Философия — самостоятельная форма сознания, в основе которой лежит интерес к так называемым «вечным вопросам», обусловленный самой природой человека как мыслящего существа. Поэтому было бы не философски ограничивать ее академическими, профессиональными или им подобными рамками. Другими словами, научная честность требует допущения как возможности, так и наличия неакадемической философии.

В самом именовании «неакадемическая философия» заложено отрицание или отталкивание, указание на своего рода несамодостаточность. Как представляется, это проявление своего рода «ошибки выжившего». Ведь неакадемическая философия появилась раньше академической и лежит в ее

основе, а также окружает ее как своего рода фон или среда, представляет собой источник идей и теорий, новых дискурсов и нарративов. Как уже отмечалось, началась она с интереса к тем самым «вечным» или «проклятым» вопросам, которыми люди задавались из личного, частного интереса, то есть пытались осмыслить свое существование или бытие, а также бытие мира, бытие целого, прежде всего, для самих себя. Карл Ясперс писал, что философия обращается к каждому человеку. Самые абстрактные пути философии оправданы лишь тогда, когда они выходят к конкретному человеческому бытию. «В философствовании происходит отбрасывание человека к самому себе» [Ясперс: 501].

Важно подчеркнуть, что между академическим и неакадемическим жанром не пролегает пропасти. Имеются резонные основания говорить о во многом условном характере данного разделения. И даже о взаимопротекании академической и неакадемической философии одной в другую. Скажем, Жан-Поль Сартр, написав роман «Тошнота» для неакадемической аудитории, далее пишет объемный труд «Бытие и ничто», которое уже навряд ли осилит читатель его прозы. Или возьмем кейс Людвиг Витгенштейна, во многом уникальный, когда его неакадемический труд «Логико-философский трактат» был в дальнейшем зачтен в качестве диссертации с последующим присвоением научной степени. Кстати, обратим внимание, что он назвал сочинение вполне по-академически, а именно трактатом, тем самым отдавая дань академической традиции (вспомним и про то, что путь к признанию открыл для Витгенштейна более чем академический философ Бертран Рассел). Не будет лишним упомянуть и Мартина Хайдеггера, который, преподавая в университете, создал свой собственный философский язык и писал на нем тексты, крайне далекие от академизма в его привычном представлении.

В пользу условности или не-жесткости разграничения на академическую и неакадемическую философию укажем также на то обстоятельство, что работа академического философа не исключает публицистической активности, появления в СМИ, участия в дискуссиях на неформальных площадках, ведения блогов, а также создания текстов, которые могут быть ближе, скажем, к литературе, нежели к философии. Верно и обратное: неакадемический философ может быть приглашенным лектором, читать спецкурсы, участвовать в дискуссиях, организованных философскими институциями, имеющими статус официальных.

В то же время нельзя не отметить, что представители академической и неакадемической философии зачастую оценивают друг друга уничижительно. Это свидетельствует о своего рода конкуренции между академической и неакадемической философией. Однако данное обстоятельство не мешает говорить об их бытии в качестве «сообщающихся сосудов». Причем «вещества» в каждом из этих сосудов неоднородны, а потому, вступая между собой в реакцию, они дают синергетический эффект, обеспечивающий если не прогресс, то продолжение философии как таковой.

Американский писатель и философ Рейчел Анна Уильямс написала в 2021 году эссе *Why I Left Academic Philosophy* («Почему я покинула академическую философию»). «Философы часто делают все возможное, чтобы сделать свои работы максимально скучными и трудными для чтения», — полагает она и отмечает, что это делается для того, чтобы текст казался «строгим» и «научно-образным», при этом указанная «строгость» создает затруднение для понимания философа широким читателем. «Плотный жаргон и технические детали делают существенную часть современной философии утомительной для обычного человека» [Williams].

При этом Уильямс делает оговорку, что академическая философия тем не менее является формой благородного служения человечеству: «Научить молодых людей критически мыслить, тщательно и разумно анализировать окружающий мир — это фантастика». И все же основной пафос текста автора состоит в том, что необязательно иметь степень, чтобы задаваться «большими» (философскими) вопросами. Иными словами, неакадемический формат философского высказывания не только возможен, но и в известном смысле оправдан.

Пять персон — пять типов или воплощений. Предпримем попытку выявить специфичность неакадемической философии через репрезентацию пяти философов неакадемического направления XX века. Это позволит обозначить концептуальные вариации неакадемической философии, сделать шаг в направлении ее типологизации. Кроме того, опыт личностно-персоналистического осмысления будет способствовать лучшему пониманию роли и значению неакадемической философии в целом как социокультурного феномена.

Людвиг Витгенштейн. Философ-нонконформист. Свой основной труд — «Логико-философский трактат» — Людвиг Витгенштейн (1889—1951) написал, находясь на фронтах Первой мировой войны в качестве офицера австро-венгерской армии, а затем в лагере для военнопленных. «Трактат» стал впоследствии одним из самых значительных произведений философии XX века. Отметим, что Витгенштейн не имел философского образования и зачастую даже бравировал своим незнанием философских классиков.

«Логико-философский трактат» представляет собой сборник афоризмов, подчас весьма коротких, при этом структурированных под формат научно-логических правил. В качестве примера: «Мистично не то, как есть мир, но то, что он вообще есть» [Витгенштейн: 216]; «Решение проблемы жизни заключается в исчезновении этой проблемы» [Там же: 217]; «Смысл мира должен лежать за его пределами» [Там же: 213]. Иногда эти тезисы раскрываются (впрочем, зачастую их раскрытие делает их еще более многозначными), иногда — нет. Также их можно назвать максимами, то есть кратко выраженными правилами или принципами, за которыми стоит личная убежденность. Как известно, Витгенштейн ни много ни мало полагал, что в своем «Трактате» он дал решение всех философских проблем.

Написав свой главный труд, Витгенштейн отошел от философской деятельности почти на десять лет (в полном согласии с тем, что, как полагал мыслитель, все философские вопросы он уже разрешил). С 1920 по 1926 год он работал учителем в сельской начальной школе, затем садовником при монастыре, а также архитектором. Однако полностью порвать с философией ему не удалось. По-видимому, в том числе и потому, что в вопросах, которые она поднимает, невозможно поставить точку.

Уникальным случаем в истории философии стало представление «Трактата» (очевидной неакадемической работы) в качестве диссертации для присвоения научной степени. Работа была рассмотрена в 1929 году. Экзаменаторами были Бертран Рассел и Джордж Эдвард Мур. Как сообщается, в конце защиты Витгенштейн похлопал обоих экспертов по плечу и сказал: «Не волнуйтесь, я знаю, что вы никогда не поймете, о чем я пишу» [Monk].

Приведем еще один факт, связанный с защитой диссертации и довольно ярко характеризующий нонконформизм философа. Когда первоначально «Логико-философский трактат» отказались зачитать в качестве диссертационного исследования, в частности, из-за отсутствия списка использованной литературы, Витгенштейн написал Муру яростное письмо: «Если я не могу рассчитывать,

чтобы для меня сделали исключение даже в таких идиотских деталях, то я вообще могу отправляться прямо к дьяволу; если же я вправе рассчитывать на это, а вы этого не сделали, то — ради Бога — можете сами отправляться к нему» [Голдштейн].

После защиты Витгенштейн переехал в Кембридж, где начал преподавательскую деятельность. Во время Второй мировой войны он прервал преподавание и работал санитаром в госпитале. За несколько лет до смерти он подал в отставку и покинул университет. «Мысль о философии как профессии была невыносима для него» [Малкольм: 65].

Как и следовало ожидать, лекции философа были далеки от академизма. По крайней мере в его привычном представлении. «Обычно он проводил занятия в своей комнате... Он не пользовался никакими записями или заметками. Он думал перед аудиторией. Создавалось впечатление огромной концентрации мысли» [Там же: 23]. «Вряд ли можно назвать эти занятия “лекциями”», — соглашается их слушатель Н. Малкольм [Там же: 34].

Вторым ключевым трудом философа, изданным уже после его смерти, стали «Философские исследования». Произведение не имеет определенной структуры и состоит из коротких пронумерованных заметок. Как пишет сам Витгенштейн в предисловии, «иногда они образуют относительно длинные цепи рассуждений об одном и том же предмете, иногда же их содержание быстро меняется, перескакивая от одной области к другой» [Витгенштейн: 17]. В свойственной ему парадоксальной манере философ продолжает: «Не исключено, что этой работе выпадет жребий в наши скудные и темные времена пролить свет в чье-либо сознание, — но, конечно, это маловероятно... Я был бы рад опубликовать хорошую книгу. Эта таковой не является, и время, когда ее можно было бы улучшить, прошло» [Там же: 19].

В «Философских исследованиях» Витгенштейн, в частности, в весьма вызывающей манере утверждает, что философские проблемы возникли вследствие неправильного использования языка — своего рода языковых игр, и, если эти ошибки устранить, философские проблемы отпадут сами собой. «Человек, запутавшийся в философской проблеме, подобен человеку, который хочет выбраться из комнаты, но не знает как. Он пробует через окно, но оно слишком высоко. Пробует через камин, но он слишком узок. Но если бы только он повернулся вокруг, он увидел бы дверь, которая все время была открыта» [Там же: 55]. Витгенштейн обратил внимание на следующее: основной корпус повседневного языка составляют не сообщения о том, что нечто имеет место, а просьбы, пожелания, вопросы, восклицания, приказы и т. д. Эти языковые ситуации и связанный с ними контекст он и назвал языковыми играми.

Исследователи отмечают двойственность Витгенштейна как философа. С одной стороны, это аналитик, логик и рационалист, с другой — мистик, пророк и проповедник [Руднев: 333]. Это хорошо иллюстрируется словами самого автора по поводу его «Логико-философского трактата». В письме Л. фон Фикеру он сообщает, что произведение состоит из двух частей, «первая из которых написана, а вторая не написана, и при этом вторая является наиболее важной» [Там же]. Подразумевается, что вторая часть относится к сфере этического, где важнее молчание и поступок. Как отмечает В. П. Руднев, стремление Витгенштейна «во что бы то ни стало жить в соответствии со своими философскими взглядами — в этом источник его правдивости, а также невероятной тяжести для окружающих и для него самого» [Там же: 334]. Он приводит историю, когда Витгенштейну сообщили о философе, который отказался защищать

диссертацию, поскольку понял, что в ней нет ничего оригинального и нового. В ответ он заметил, что за одно это можно присудить докторскую степень [Там же: 336].

С учетом изложенного можно говорить о своего рода антиакадемизме Витгенштейна, что, однако, не помешало ему стать ключевой фигурой философии XX века. Впрочем, противоречие здесь кажущееся: поскольку его парадоксальность и постоянный вызов резонирует с тем началом, откуда вообще исходит философия и философствование. Витгенштейн сумел, не преследуя этой цели сознательно, не просто влиться в академический философский процесс, но и существенным образом повлиять на него, оставаясь при этом самим собой.

Альбер Камю. Философ-бунтарь. Мы знаем многих писателей, в творчестве которых заключалась своя, вполне самостоятельная и цельная философия. Однако писатели, которые, помимо художественных произведений, создавали и чисто философские работы, стоят особняком. Среди них видное место занимает писатель-философ или философ-писатель Альбер Камю (1913—1960).

Между художественными произведениями Альбера Камю и его философскими текстами, безусловно, имеется самая непосредственная связь. Однако есть и различие: нива философии предполагает уход от сюжетной конкретики к уровню абстракций и обобщений. Это совершенно иной вид творческой и интеллектуальной работы. Стоит признать, что в творчестве Камю эти две ипостаси совместились вполне удачно, поэтому данный автор является характерным представителем неакадемической философии, а по совместительству литератором, сочинителем прозы.

В молодости Камю прошел курс лекций по философии и истории философии, этике и социологии, психологии и классической литературе в Алжирском университете. Через несколько лет, в 1936 году, он написал диссертацию, посвященную христианской метафизике. Работа была выполнена в академическом стиле. Впрочем, уже после смерти Камю было установлено, что в диссертации содержались скопированные из нескольких источников тексты без ссылок на оригиналы. Не исключено, что данная работа была для писателя формальностью, а философия стала объектом его искреннего интереса несколько позднее.

В 1940 году он закончил повесть «Посторонний», а в 1941 году написал «Миф о Сизифе». В 1944 году он написал роман «Чума», а в 1951 году в анархистском журнале «Либертер» выходит его философский текст «Бунтующий человек». Как видим, философские работы рождались вслед за художественными произведениями, как будто вбирая в себе идеи, которые появлялись во время работы над прозой. Стоит заметить, что в своих художественных произведениях автор сумел избежать господства философской схемы над сюжетом и драматургией. В 1957 году Камю присуждена Нобелевская премия по литературе «за огромный вклад в литературу, высветивший значение человеческой совести».

Как отмечает А.М. Руткевич, Камю неоднократно подчеркивал, что не считает себя философом [Руткевич: 5]. Это, однако, не помешало ему получить признание в качестве одного из выдающихся мыслителей XX века. В том числе и в академической среде, изучающей философию Камю уже на протяжении десятилетий.

Отметим, что само позиционирование себя в качестве «нефилософа» является характерным для мыслителей неакадемического направления. Что стоит за таким позиционированием, особенно с учетом того, что автор создал целый ряд чисто философских произведений? Как представляется, это своего рода уловка, с помощью которой мыслитель пытается, с одной стороны, размежеваться с академической традицией, с другой — оградить себя от

обвинений в неточности определений, нестройности понятийного аппарата, чтобы не размениваться на уточнения и оправдания, сосредоточившись на изложении тех идей и мыслей, которые его по-настоящему волнуют.

В своей нобелевской речи Камю утверждал, что «истина загадочна, она вечно ускользает от постижения, ее необходимо завоевывать вновь и вновь» [Камю: 361]. «Заслуживающий уважения философ должен служить примером», — провозглашает Камю уже на первых страницах «Мифа о Сизифе» [Там же: 24]. Кроме того, по мнению Камю, «всякий философ, даже Кант, является творцом», поскольку философским мышлением создается или пересоздается, воссоздается мир [Там же: 78]. Отметим, что перед нами весьма характерные и типические для неакадемической философии высказывания. Понимание философии как творчества входит в известное противоречие с представлением о философии как о чисто научной работе, хотя данное противоречие и не носит критического характера: даже гениев точных наук уже привычно называют творцами.

В лице Камю неакадемическая философия предстает как философия бунта или бунтующего человека. Разумеется, раз мы имеем дело с философом, этот бунт не может не носить метафизический характер. «Метафизический бунт — это восстание человека против своего удела и против всего мироздания». Метафизический бунтарь чувствует себя обделенным не сильными мирами сего, не обстоятельствами конкретной жизни, не «кознями отдельной судьбы», «он обделен и обманут самим мирозданием» [Там же: 135]. Причем главным образом его не устраивает не что иное, как разрозненность бытия, он требует его единства, космоса или, выражаясь чуть иначе, бытийной ясности [Там же]. Камю понимает бунт не как отрицание, но прежде всего как бросание вызова [Там же: 136]. Бунт против бытийного или экзистенциального удела человека каждый раз заканчивается неудачей, но попытки следует продолжать вновь и вновь, равно как и работу Сизифа.

Заметим, что с точки зрения стабильной, устоявшейся социальной системы, бунтарь выступает маргиналом, отщепенцем, тем, кто не вписался в налаженный «порядок вещей». В известном смысле таково самоощущение неакадемической философии *per se* — она воспринимает себя как находящуюся *ad marginem*. Такое самоощущение может порождать стремление добиваться признания и самоутверждения через громкие, подчас крайне заостренные заявления. Или через ту самую бунтарскую позицию, уже заняв которую, мыслитель, как мы видим в случае с Камю, может сделать оговорку, что бунт — это в действительности «парадоксальное стремление к порядку» [Там же]. Увы, это мало что меняет: имидж ниспровергателя основ легче завоевать, чем переформатировать.

П. А. Горохов отмечает, что у Камю экзистенциализм выразил себя через те формы, «которыми пользуется литература и так называемая житейская мудрость, выражаемая афоризмами» [Горохов: 5]. Он продолжает: будучи несистематическим, дискретным выражением каких-то истин, афористика широко распространилась среди интеллектуалов именно вследствие того обстоятельства, что «образованной публике наскучило философское системосозидание» [Там же: 6]. По мнению автора, рационализирование и системосозидание, будучи какое-то время популярным, далее (после Гегеля) породило усталость. На этом фоне экзистенциализм стал своего рода оживляющей струей. Неслучайно философия данного направления во многом носила именно неакадемический характер. Бунтарство, новаторство, бескомпромиссность, радикализм и

личностная окрашенность философии — одна из концептуальных линий неакадемической философии как таковой, и далеко не один Камю относится к этой линии.

Список литературы / References

- Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.
(Wittgenstein L. Selected Works, Moscow, 2005. — In Russ.)
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018, 352 с.
(Wittgenstein L. Philosophical studies, Moscow, 2005. — In Russ.)
- Голдстейн Л. Экзамен Витгенштейна на степень Ph.D. 1974. URL: <https://goo.su/8RBp2iA> (дата обращения: 23.12.2024).
(Goldstein L. Wittgenstein's Ph.D. exam. 1974. — In Russ.)
- Горохов П.А. Некоторые мысли о философии Альбера Камю // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7. С. 4—9.
(Gorokhov P.A. Some thoughts on the philosophy of Albert Camus, *Bulletin of the Orenburg State University*, 2013, no. 7. pp. 4—9. — In Russ.)
- Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990, 415 с.
(Kamus A. The Rebel Man, *Kamus A. The Rebel man*, Moscow, 1990, 415 p. — In Russ.)
- Малкольм Н. Людвиг Витгенштейн: воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс, Культура, 1993. С. 31—96.
(Malcolm N. Ludwig Wittgenstein: Memories. *Ludwig Wittgenstein: The Man and the Thinker*, Moscow, 1993, pp. 31—96. — In Russ.)
- Руднев В.П. Витгенштейн как личность // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс, Культура, 1993. С. 332—349.
(Rudnev V.P. Wittgenstein as a person. *Ludwig Wittgenstein: The Man and the Thinker*, Moscow, 1993, pp. 332—349. — In Russ.)
- Руткевич А.М. Философия А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 5—22.
(Rutkevich A.M. Philosophy of A. Camus, *Kamus A. The Rebel Man*, Moscow, 1990, pp. 5—22. — In Russ.)
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
(Jaspers K. The meaning and purpose of history, Moscow, 1991, 527 p. — In Russ.)
- Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius. URL: <https://goo.su/njzIVY> (accessed: 23.12.2024).
- Williams R.A. Why I Left Academic Philosophy. URL: <https://goo.su/aWgIR> (accessed: 23.12.2024).

NON-ACADEMIC PHILOSOPHY: PERSONALISTIC REPRESENTATION (XX CENTURY). Part 1

Roman V. Shorin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, romanshorin@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify the specificity of non-academic philosophy through the representation of five philosophers of the non-academic trend of the 20th century. At the same time, the goal is to identify conceptual variations of non-academic philosophy, to take a step towards its typology. In addition, the experience of personal or personalistic comprehension, according to the author, contributes to a better understanding of the role and significance of non-academic philosophy as a whole as a socio-cultural phenomenon. The five individuals under consideration (Ludwig Wittgenstein, Albert Camus, Martin Heidegger, Nikolai Berdiaev and Merab Mamardashvili) are defined as the embodiments of five characteristic types of non-academic philosophizing – a nonconformist philosopher, a rebel philosopher, a hermit philosopher, an exiled philosopher and a philosopher-artist (orator, teacher). Of course,

non-academic philosophy is not limited to these types, but their consideration allows us to generally identify the specifics of the phenomenon under consideration and substantiate its very presence in social and cultural spaces, as well as its significant influence on social and cultural processes. At the same time, it is emphasized that the division of philosophy into academic and non-academic is not absolute. In addition, the author concludes that a more in-depth study of non-academic philosophy as a significant socio-cultural phenomenon, which has not received enough scientific attention so far, is relevant and in demand.

Keywords: philosophy, non-academic philosophy, academic philosophy, socio-cultural phenomenon, typologization, representation

For citation: Shorin R.V. Non-academic philosophy: personalistic representation (XX century). Part 1, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 150—157.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 02.02.2025.

The article was submitted 24.12.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 02.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Шорин Роман Владимирович — аспирант кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, romanshorin@mail.ru

Shorin Roman Vladimirovich — postgraduate student of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, romanshorin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 158—164.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 158—164.

Научная статья

УДК 111.1:130.1

DOI: 10.46726/И.2025.1.19

ФИЛОСОФИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО АУДИТА: КОНТРАДИКТОРНОСТЬ РЕГУЛЯТИВОВ

Артем Оганесович Асланян, Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

smirnovdg@ivanovo.ac.ru, artem.aslanyan.97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философским основаниям университетского аудита. Рассмотрена «теория вдохновенного доверия», зафиксирован эвристический потенциал концепта «доверия». Проведена параллель теории Теодора Лимперга-младшего с концепцией языка тернарного описания. Раскрыта методологическая ценность последней для описания аудиторской деятельности. Современная аудиторская теория проанализирована через призму противопоставления установок на техносферность и ноосферность. Показана «аудиторская специфика» сферы духовного производства в сравнении с дискурсом производства материального. Рассмотрен комплексный подход к теории аудита, уточнены его валидные концепты. Представлена в первом приближении философия ноосферного аудита, раскрыт ее семиотический характер. Проанализированы цели и ценности современного университетского аудита. Сделан вывод о необходимости учета в теории университетского аудита онтологических установок и когнитивных ориентаций преподавателей и студентов.

Ключевые слова: комплексный аудит, техносферный аудит, ноосферный аудит, оценка качества, духовное производство, университет

Для цитирования: Асланян А.О., Смирнов Д.Г. Философия университетского аудита: контрадикторность регулятивов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 158—164.

Вместо Введения: «теория вдохновенного доверия». Около 100 лет назад Теодор Лимперг-младший (Th. Limperg jr.) в рамках серии эссе сформулировал собственную философию аудита под общим заголовком «Теория вдохновенного доверия» [Limperg]. С тех пор в теории и практике аудита произошли серьезные подвижки, претерпела трансформацию и философия аудита. Вместе с тем системные представления Т. Лимперга-младшего, рожденные в «бухгалтерском» дискурсе, представляют интерес в контексте проблематики ноосферного аудита.

Системный подход к аудиту предполагает, что у него есть системообразующее свойство — то, что подчиняет себе структуру и элементы, заставляет элементы соотноситься в строго определенной логике, равно как и осуществляет естественный отбор этих самых элементов. В философии Т. Лимперга-младшего место системообразующего свойства — концепта — занимает доверие¹. Фабула здесь такова — «доверие к эффективности аудита формирует смысл аудита как такового». При этом «доверие по Лимпергу, нечто большее,

© Асланян А.О., Смирнов Д.Г., 2025

¹ В этом же духе развивает свою концепцию К.К. Арабян [Арабян].

чем просто вера в качество аудитора и аудита; оно касается ожиданий, которые должны быть поняты...» [Флинт: 75]. Таким образом, феномен аудита принадлежит не только прошлому и настоящему, ориентирован не только на анамнез и диагноз, но и завязан на будущее. Иными словами — будущее аудируемой системы определяется ее же будущим. Этот принципиальный (синергетический, по своей сути) момент, отличающий ноосферный подход, часто не принимается в расчет «классическими» моделями аудита.

Значима еще одна мысль Т. Лимперга-младшего, которая касается измерений аудита. Автор выделяет два измерения аудиторской деятельности: «одна, внутренняя, выступает в качестве управленческого контроля, и другая, внешняя, — в качестве инструмента обеспечения ответственности» [Там же: 72]. С позиции языка тернарного описания [Уёмов] здесь идет речь о двух парадигмах представления «вещи» — количественной и качественной. Развиваемая нами концепция ноосферного аудита ориентирована именно на традицию качественного понимания вещей. Ее смысл применительно к рассматриваемой проблематике раскрывается в следующих положениях. «Качественные границы могут отсутствовать там, где есть пространственные» [Там же: 20]. «То, что считается одной и той же количественно понимаемой вещью, оказывается различными вещами при их качественном понимании» [Там же: 21]. Для нас здесь существенно то, что количественная и качественная оценки относятся к различным «вещам». В пределе количественная оценка может не фиксировать качества. Соответственно, комплексная оценка как результат ноосферного аудита складывается из соединения количественной и качественной оценок². «Именно достоверные данные, получаемые в результате оценивания, при их корректном использовании выступают ... основой для принятия различных решений» [Малыгин: 8].

Современный аудит: техносферность vs ноосферность. Попробуем посмотреть на пространство аудита высшей школы с точки зрения актуальной теории.

На современном этапе теория аудита представлен дисциплинарно, то есть сфокусирована на определенных сферах деятельности вуза — финансовой (экономической), образовательной и других. Выбор последних определяется возможностью их «оцифровки» для удобства сравнения и расчета эффективности. С эпистемологической точки зрения, подобная логика характерна для традиции количественного понимания вещей. Подобное положение дел связано, на наш взгляд, во-первых, с исходной «бухгалтерской» природой аудита, а во-вторых, с просчетом результатов именно материального производства. Специфика последнего, помимо прочего, заключается в том, что «считаются» результаты производства (точнее, производства, распределения, обмена, потребления). Особенность же духовного производства связана с тем, что его результат крайне трудно схватываем в пространственно-временных координатах «здесь-и-сейчас». Фактически, речь идет о необходимости подсчета процесса как «длящегося результата», «фьючерного результата»³.

² Интересно, что в парадигме качественного понимания вещей устанавливается определенная «причинно-следственная связь» между количеством и качеством: «само пространственное выделение вещи возможно лишь на основе качественного выделения» [Уёмов: 21].

³ Интересно сравнить нашу логику размышлений с логикой мыследеятельностного подхода школы Г.П. Щедровицкого. Вот как автор описывает «техносферный аудит»: «Когда корабли ходили по Атлантике, из Англии в Штаты и обратно, то на каждом

«Экономизация аудита, запираание его в жёсткие экономико-ориентированные рамки не что иное как требование времени, точнее — глобализационных тенденций, влекующих за собой стандартизацию и унификацию процессов, в том числе и в высшей школе. Вместе с тем думается, что именно подобная практика стала причиной того, что Б. Риддингс обозначил как ситуацию «университета в руинах». Это следует понимать как неспособность университета выполнять свою исходную функцию — учить осмысливать универсум, конструировать картину мира, ибо «университет — это жизненный разум эпохи» [Ортега-и-Гассет: 113].

Как убедительно демонстрируют уроки истории (особенно последних десяти лет), болонизация, приведшая к обоюдной формализации процесса обучения со стороны как студентов, так и преподавателей, практически дискредитировала высшее образование, в частности, среди зумеров⁴. А ведь именно высшее образование как последний оплот интеллектуальной безопасности страны призвано через обращение к критическому и системному мышлению тормозить радикализацию сознания.

Университетский аудит: в поисках концепта. Весьма значимы в этом контексте попытки широкого (может быть, даже комплексного) взгляда на аудит и аудиторскую деятельность. Переход системы высшего образования на федеральные государственные образовательные стандарты привел к концептуальному столкновению формул «качества услуг в сфере образования» и «качества подготовки в сфере образования». Формально логический дискурс (закон тождества) подсказывает, что данные понятия не являются тождественными. (Заметим здесь, что стандарты обязывают университет «обеспечивать гарантию качества подготовки», предлагая соответствующие механизмы.)

И.Б. Шурчкова предлагает системно проанализировать феномен аудита через призму уровней абстрагирования, что позволяет одну и ту же систему на разных стадиях познания и проектирования описать различными выразительными средствами [Шурчкова: 28]. Интересна в данном контексте бинарная классификация моделей оценивания: они бывают содержательные и процессуальные. К содержательным относят модели оценки внутрисистемных показателей; показателей ресурсов (потенциала) вуза; оценки по результатам деятельности; комплексного оценивания; свободной оценки. К процессуальным моделям относят модели оценки процедур директивного управления; сравнительного, выборочного, циклического оценивания [Гадалова, Фролова: 75].

корабле стояло зенитное орудие, чтобы обороняться от немецких самолетов-бомбардировщиков. А потом, когда бомбили Лондон, и город был в трудном положении, один генерал решил посчитать, сколько самолетов сбили эти орудия. Выяснилось, что за все время — три или четыре самолета. Он велел эти орудия снять. И что оказалось? Оказалось, что корабли просто перестали доходить. Поскольку назначение этих орудий состояло не в том, чтобы сбивать самолеты, а в том, чтобы не дать им бомбить, то есть в том, чтобы погасить возможный положительный результат» [Щедровицкий: 47]. Глубинный смысл «ноосферного» (в нашей терминологии) аудита, по Г.П. Щедровицкому, заключается в том, чтобы «начать считать пустые места. И вот с этого момента возникает исследование операций и системотехника, где пустые функциональные места считаются как значимые» [Там же: 48].

⁴ Как показали опросы общественного мнения ВЦИОМ в конце 2024 года, молодые люди чаще других склонны преуменьшать значимость высшего образования [Высшее образование в России: мониторинг. URL: <https://goo.su/keZcy>].

Особого внимания в контексте наших размышлений заслуживает так называемый внутренний («мягкий») аудит, к позитивным моментам которого традиционно относят, объективность, антисанкционность, адаптивность, неформализованность, взаимообогащение практиками [Казакова 2022: 27]. Данная форма аудита наименее агрессивна по отношению к сознанию и самооценке профессорско-преподавательского состава.

Философия ноосферного аудита в первом приближении⁵. Философия ноосферного аудита — философия семиотическая. Семиотическая в том смысле, что его целью является как раз поиск и оценка «пустых» мест (в терминологии Г.П. Щедровицкого)⁶, реконструкция своеобразной отсутствующей структуры [Эко]. Последняя, оставаясь скрытой, недостижимой, неструктурированной, порождает все новые и новые свои ипостаси, формирует новые неявные связи и отношения⁷.

Ноосферный университет [Смирнов Г., Смирнов Д., Меликян] — это, метафорически выражаясь, университет свойств и отношений. При этом свойства определяют отношения в соответствии с ноосферным законом — информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество [Дмитревская: 29], а не наоборот, когда сложившиеся отношения диктуют цели и ценности системы⁸.

Главный вопрос ноосферного аудита — «что аудируется?», «что оценивается?». С нашей точки зрения, в фокусе внимания аудиторской деятельности в этом контексте должны оказываться не вещи, а свойства и отношения⁹. Это справедливо как в отношении оценки университета в целом, так и в отношении оценки результатов его деятельности (например, образовательной — выпускники, научной — публикации и т. д.).

Университетский аудит должен принимать во внимание отношение к знанию. Важно зафиксировать не просто количественные показатели проектно-исследовательской активности, а получить понимание когнитивных ориентаций выпускников, среди которых особое значение имеют установки

⁵ Отправным пунктом размышлений здесь должна стать фиксация отказа высшего образования от статуса образовательной услуги. Здесь сама терминология задает потребительский дискурс, который отсылает потенциального аудитора к релевантным схемам «Роспотребнадзора». Новый статус требует изменения «аудиторского отношения».

⁶ Семиотичность «пустых мест» заключается в том, что, будучи невидимыми для «техносферного взгляда», есть знаки, которые на них указывают, то есть «пустые места» оказываются в роли означаемых, которые постоянно отступают. (Приведем занимательный статистический пример — оказывается, продолжительность жизни людей с высшим образованием примерно на 8,5 лет больше, чем у людей без него).

⁷ В этом смысле можно даже вести речь о феномене неявного университета (см. [Самсонова]), или «отсутствующего университета» как совокупности образовательных отношений, не попадающих в фокус внимания аудиторской деятельности.

⁸ Для сравнения — в «техносферном университете» свойства и отношения обуславливаются элементами системы. «Вещи» определяют, какие свойства и отношения могут быть реализованы с их помощью, что накладывает ограничения на университетскую систему в целом. Соответственно, аудит исключительно вещей (например, технических средств) дает неполную картину.

⁹ В свете событий последних трех лет в фокус университетского аудита неизбежно должны попасть и ценности. С учетом того, что школа еще только начинает подстраиваться под новые геополитические реалии, бремя воспитательной деятельности падает на университет. И, как показывает практика, именно формирование российских духовно-нравственных ценностей становится главной задачей образовательного процесса.

(по возрастанию в плане значимости для качества подготовки) на компиляцию, презентацию, репрезентацию, интерпретацию, понимание. Непреходящее значение имеет и «онтологическая» нацеленность. Университет, формируя, помимо всего прочего, критическое мышление, позволяет дистанцироваться от крайних экзистенциальных позиций. Он не может готовить только потребителя (актора общества глобального потребления) или только производителя (например, материальных благ). Социальное бытие дает возможность совмещения статусов «консумента» и «продуцента». «Онтологическая» установка может быть и внеэкономической, цивилизационной, культурной, что удачно выразил, на наш взгляд, академик А.В. Смирнов в формуле «всечеловеческое vs общечеловеческое» [Смирнов].

Иными словами, университетский ноосферный аудит как теория призван осуществить сильный синтез сущего (диктуемого актуальным технологическим укладом) и должного (диктуемого целями развития страны) в высшем образовании.

Вместо Заключения. Не следует рассматривать представленные выше размышления как нападку на сложившуюся систему оценки качества и мониторинга высшего образования. Каждая эпоха порождает свое видение социальных систем, в том числе и образовательных. Изменение укладов — технологических, антропологических, цивилизационных — провоцирует и изменение этого взгляда (может быть, точнее, угла взгляда).

Думается, что для оценки университетского образования в России пришло время «расставания с простотой» (термин академика Н.Н. Моисеева). Качество университетского образования действительно должно выливаться в реальные числовые формы, но вот как без сущностных потерь перевести качество (свойства и отношения) в количество — это вопрос пока открытый. Надеемся, что вопросы, поставленные в настоящей статье, укажут вектор совершенствования аудиторского взгляда на университет.

Список литературы / References

- Арабян К.К. Доверие как философия аудита // Аудитор. 2020. Т. 6, № 4. С. 39—43.
(Arabyan K.K. Trust as a philosophy of audit, *Auditor*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 39—43. — In Russ.)
- Гадалова В.В., Фролова М.Е. Система менеджмента качества в университете: опыт, результаты, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 10. С. 73—80.
(Gadalova V.V., Frolova M.E. Quality management system at the university: experience, results, prospects, *Higher education in Russia*, 2012, no. 10, pp. 73—80. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России: тезисы межгос. науч.-практ. конф., посвященной 135-летию со дня рождения ак. В.И. Вернадского. Иваново, 1998. С. 29—32.
(Dmitrevskaya I.V. Plato's "Timaeus": The myth of the Living Cosmos, *The noospheric idea and the future of Russia*, Ivanovo, 1998, pp. 29—32. — In Russ.)
- Казакова Н.А. Повышение престижа аудиторской профессии в условиях гармонизации национальных и международных стандартов образования и профессиональной деятельности // Аудитор. 2022. Т. 8, № 3. С. 25—32.
(Kazakova N.A. Increasing the prestige of the audit profession in the context of harmonization of national and international standards of education and professional activity, *Auditor*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 25—32. — In Russ.)
- Малыгин А.А. Многостадийное оценивание в высшем образовании. М.: Университетская книга, 2024. 304 с.
(Malygin A.A. Multi-stage assessment in higher education, Moscow, 2024, 304 p. — In Russ.)

- Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Голубева, А. Корбут. М.: ВШЭ, 2019. 144 с.
(Ortega y Gasset H. The mission of the university, transl. from Spanish by M. Golubeva, A. Korbut, Moscow, 2019, 144 p. — In Russ.)
- Самсонова Н.Г. Феномен неявного знания // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 6, № 1 (15). С. 126—130.
(Samsonova N.G. The phenomenon of implicit knowledge, *Bulletin of the Moscow State Technical University*, 2013, vol. 6, no. 1 (15), pp. 126—130. — In Russ.)
- Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: Садра; ЯСК, 2019. 216 с.
(Smirnov A.V. All-human vs. General-human, Moscow, 2019, 216 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г., Меликян М.А. Ноосферный университет: философские и общенаучные основания // Философия образования. 2024. Т. 24, № 2. С. 5—21.
(Smirnov G.S., Smirnov D.G., Melikyan M.A. Noospheric university: philosophical and general scientific foundations, *Philosophy of Education*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 5—21. — In Russ.)
- Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: АН СССР, 1963. 184 с.
(Uyomov A.I. Things, properties and relations, Moscow, 1963, 184 p. — In Russ.)
- Флинт Д. Философия аудита Теодора Лимперга — Теория вдохновлённого доверия // Шуундербиик Дж., Лимперг Т., Флинт Д. и др. Теория вдохновлённого доверия или социальная ответственность аудитора: коллективная монография. М.: Аудитор, 2017. С. 68—79.
(Flint D. Theodor Limperg's philosophy of auditing — the theory of inspired trust, *Schoonderbeek J., Limperg T., Flint D. etc. The theory of inspired trust or social responsibility of the auditor*, Moscow, 2017, pp. 68—79. — In Russ.)
- Шурчкова И.Б. Обобщенная модель многоуровневой системы аудиторской деятельности // Аудитор. 2013. № 3. С. 28—37.
(Shurchkova I.B. Generalized model of a multi-level system of audit activity, *Auditor*, 2013, no. 3, pp. 28—37. — In Russ.)
- Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. М.: Студия Артемия Лебедева, 2018. 464 с.
(Shchedrovitsky G.P. Organizational management thinking: ideology, methodology, technology, Moscow, 2018, 464 p. — In Russ.)
- Limperg Th.jr. The Accountant's Certificate in Connection with the Accountant's Responsibility, *Congresspaper. International Congress of Accountants*, Amsterdam, 1926, p. 47—58.

PHILOSOPHY OF UNIVERSITY AUDIT: CONTRADICTIONARY REGULATIONS

Artem O. Aslanyan, Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
artem.aslanyan.97@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article is devoted to the philosophical foundations of university audit. The “theory of inspired trust” is considered, the heuristic potential of the concept of “trust” is recorded. A parallel is drawn between the theory of Theodore Limperg Jr. and the concept of the ternary description language. The methodological value of the latter for describing audit activity is revealed. Modern audit theory is analyzed through the prism of opposing attitudes to technospherity and noosphericity. The “audit specificity” of the sphere of immaterial production is shown in comparison with the discourse of material production. An integrated approach to audit theory is considered, its valid concepts are clarified. The philosophy of the noospheric audit is presented in the first approximation, its semiotic nature is revealed. The goals and values of the modern university audit are analyzed. A conclusion is made about

the need to take into account the ontological attitudes and cognitive orientations of teachers and students in the theory of university audit.

Keywords: comprehensive audit, technospheric audit, noospheric audit, quality assessment, immaterial production, university

For citation: Aslanyan A.O., Smirnov D.G. Philosophy of university audit: contradictory of regulations, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 158—164.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторах / Information about authors

Асланян Артем Оганесович — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Вологда, Россия, artem.aslanyan.97@mail.ru

Aslanyan Artem Oganesevich — postgraduate student, Ivanovo State University, Vologda, Russian Federation, artem.aslanyan.97@mail.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 165—171.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 165—171.

Научная статья

УДК 140.8

DOI: 10.46726/И.2025.1.20

ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИДЕИ

Василий Сергеевич Лебедев, Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

vasleb11@gmail.com, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. В статье представлена краткая история феномена экстремальности в контексте философии сознания. Показана связь экстремальности и цивилизационной динамики через призму представлений о человеческой революции и ноосферной истории. Рассмотрены избранные дискурсы экстремальности в истории философии. Зафиксирована особая роль философии и науки XX века как в масштабировании свойства экстремальности практически на все ипостаси бытия, так и в становлении феномена собственно экстремального сознания. Выявлены эвристически ценные позиции для комплексного анализа экстремального сознания, которые могут быть выражены в категориях естественности, амбивалентности, генеративности и гомеостатичности / аутопоэзисности. Определены содержательные и методологические перспективы исследования экстремального сознания.

Ключевые слова: катастрофизм, человеческая революция, алармизм, антихрупкость, экстремальность, экстремальное сознание, бомбардировка сознания

Для цитирования: Лебедев В.С., Смирнов Д.Г. Экстремальное сознание: краткая история идеи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 165—171.

Пролог. «Вся Вселенная перегружена знаками, если только она не состоит исключительно из знаков». Тезис, принадлежащий, вероятно, американскому философу-прагматисту Ч.С. Пирсу, имеет не только сугубо семиотический, но и, шире, — когнитивный пафос. Человек (и, особенно, современный человек — *homo sapiens*) пытается познать и понять мир, который его окружает, «читая» знаки космоса и хаоса, иногда ошибаясь, иногда интуитивно выбирая верный ответ, при этом создавая различные языки описания сознания. Традиционно успехи на этом витиеватом пути рассматриваются самим познающим субъектом как как достижения — научные, технические, цивилизационные. Но есть и иной дискурс «оценивания». Так, например, академик Н.Н. Моисеев [Моисеев] предлагает рассматривать эти «ступени восхождения к Разуму» с позиции катастрофизма. За моисеевским катастрофизмом «прячется» качественное изменение характера эволюции сначала биосферы, а затем и ноосферы¹. А профессор Г.С. Смирнов предлагает «оценивать» успехи цивилизации через призму представлений о «планетарной революции человеческого сознания» [Смирнов 2015: 10]. Категории катастрофы и революции сосредотачивают внимание на том моменте, что всякое достижение человечества

© Лебедев В.С., Смирнов Д.Г., 2025

¹ Интересны в этом контексте размышления о «ноосфере в эпоху глобальных катастроф» [Смирнов 2010], которые рядоположены логике нашего философствования.

практически всегда предполагает определенную «деструкцию сознания» [Смирнов 2017: 65]. Обращение к концепту человеческого качества и попытка конструирования через него общей картины мира и социокультурной динамики, выявление их логики разворачивания представляется нам весьма эвристичной.

Экология сознания и ноосферная история. Дискурс (ко)эволюции человеческого качества, (ко)эволюции сознания отсылают нас к представлениям о ноосферной истории как истории подстраивания материи под формы духа [Смирнов Г., Смирнов Д. 2012]. Эта ситуация подстраивания, связанная напрямую с решением главного вопроса философии, и становится, с нашей точки зрения, источником катастрофичности, эсхатологичности, фрустрированности сознания.

Эпоха глобализации, приведшая к очередной человеческой революции (а может быть, и к катастрофе), вывела проблематику экстремального сознания на первый план. Описание реальности через акронимы SPOD, VUCA, BANI, TACI, SHIVA² — в определенном смысле ответ сознания на быстроменяющуюся окружающую среду. Резкий (по меркам исторического времени) переход от простого мира к сложному, а затем и враждебному и беспощадному заставил уже сознание подстраиваться под все ускоряющуюся динамику окружающей среды. Сознание же, как во многом консервативная когнитивная система, к быстрой и кардинальной перестройке оказалось не совсем готово. Так, феномен экстремального сознания стал пугающей явью.

Ретроспекция экстремальности сознания: избранные дискурсы. Повышение внимания к феномену экстремального сознания в контексте глобализационных процессов при этом не означает, что в предшествующие эпохи он был вне фокуса исследовательского внимания. Экстремальность сознания — проблема, которая в течение весьма длительного времени занимала умы философов и ученых (см. [Баранов: 197]). Вопрос экстремальности сознания ставился и решался как в онтологической (границы существования и бытия), так и в гносеологической плоскостях (границы познания).

Обнаруживается дискурс «экстремального» в рамках индуистской, даосской и буддийской мысли. В *индуистской традиции* для нас имеют значение представления о двух практиках поклонения божеству аскетов — садху и агхори. Первый тип практикует поклонение через тотальное отрицание мирской жизни и удовольствий, через уход в крайность воздержания. Второй тип предполагает практики самоуничтожения во всевозможных социально-девиантных формах поведения. Язык бинарного описания дополняется тернарным языком в представлении о трансцендентном единстве противоположностей. Это хорошо видно на примере культов богини Кали, богини Дурги и богини Лакшми. Очевидно, что здесь соотношение «нормального» и «экстремального» — это связь взаимопределяющих и онтологически непротивопоставляемых характеристик. В *даосской традиции* отсутствует термин, который можно было бы

² По сути, каждый акроним фиксирует совокупность качественных характеристик, которыми человечество (как познающий субъект) наделяет окружающий его мир. SPOD — Steady / Устойчивый, Predictable / Предсказуемый, Ordinary / Простой, Definite / Определенный; VUCA — Volatility / Изменчивый, Uncertainty / Неопределенный, Complexity / Сложный, Ambiguity / Двусмысленный; BANI — Brittle / Хрупкий, Anxious / Тревожный, Nonlinear / Нелинейный, Incomprehensible / Непостижимый; TACI — Turbulent / Турбулентный, Accidental / Случайный, Chaotic / Хаотичный, Inimical / Враждебный; SHIVA — Split / Расщепленный, Horrible / Ужасный, Inconceivable / Невообразимый, Vicious / Беспощадный, Arising / Восстающий.

перевести как «экстремальное» или «крайнее», однако именно дихотомии раскрывают учение Лао Цзы. Трактат «О пути и добродетели (Дао Дэ Цзин)» отстаивает единое как форму разрешения всяческой дихотомии, например, о понимании трудного как «со-творённого» лёгкому; взаимообусловленность и относительность логически противоположных понятий. Важным аспектом философии даосизма оказывается иллюзия мышления, которая состоит «состоит в уверенности, что возможно мыслить непостоянное при посредстве постоянного, подвижное при посредстве неподвижного» [Бергсон: 307]. В *буддийской традиции* понятие экстремального сводится (опять же в контексте языка тернарного описания) к уклонению в избыток и недостаток в стремлении к освобождению, что нашло свое отражение в легенде об обнаружении «срединного пути» через отказ от крайности излишества и недостатков материальных и нематериальных благ. Экстремальными в данном случае становятся как избыток материальных благ, который ведёт к неконтролируемым желаниям и повторяющемуся страданию, так и тотальная аскеза, которая ведёт к нарушению мысли, спутанности сознания и неспособности тела на поддержание познавательной деятельности и размышления.

В контексте *античной традиции* для нас имеет существенное значение мысль о «предельности» в состоянии вещей. «Экстремум древние философы понимали в основном как границы существования вещей с выходом за пределы, после которых вещи перестают быть собой и обретают иное состояние. Вследствие этого античные мыслители развивали представление об экстремальности в учениях о мире вещей, пределах, дисгармонии и т. д.» [Хутуев: 387]. Эта позиция ярче всего обнаруживается в знаменитой работе Аристотеля «Никомахова этика»³.

В рамках *новоевропейской философии* «теория экстремумов» была предметом исследования Николая Кузанского, который экстремальное рассматривал как эпистемологический инструмент познания всего сущего. В частности, именно через познание крайности Николай Кузанский видел возможность познания божественной истины. Как и в античности, экстремумы определялись не как нечто негативное и разрушительное в отношении существования предмета, а, скорее, как рамки, определяющие предмет и его существование. Заявка на экстремальность обнаруживает себя и в *немецкой классической философии*, в частности в трудах Г.В.Ф. Гегеля. Он был одним из первых идеалистов, рассмотревших на развитие мысли, общества и природы как на нелинейный процесс. Диалектика для Гегеля есть развитие через «установление» тезиса, антитезиса, их последующего синтеза в ходе борьбы. Экстремумы Гегеля — это противоположности, «стремящиеся» к синтезу.

Философия XX века — философия эпохи катастроф, имеющая дело с «человеком войны» — *homo belli* (см. [Хубулова]), или человеком воюющим — *homo militaris*. Философия экзистенциализма (но, безусловно, не только она)⁴,

³ Из досократиков, наверное, следует упомянуть Гераклита, который рассматривал борьбу противоположностей в космосе и постоянное изменение мира. Для него экстремальная ситуация возникает при наличии борьбы и противопоставления. Соответственно, равновесие его мира было бы невозможно без «мир-военного» противостояния, без постоянного горения и сгорания (см. [Хахимов: 20]).

⁴ «Философии экзистенциализма очень близка проблема экстремальности... Экстремальная ситуация — пограничная ситуация экзистенциализма» [Воличенко: 66]. Ее два базовых понятия — стресс и страх.

представленная работами Мартина Хайдеггера, Жанна Поля Сартра и Альбера Камю, отражает напряжённое состояние сознания человека, столкнувшегося с разрушением старых смыслов и отчаянным поиском новых для продолжения своего существования.

Научный дискурс обогащает представления об экстремальности теорией катастроф [Том; Арнольд] и концепцией «пределов роста» [Медоуз Донелла Х., Медоуз Денис Х. и др.], формируя достаточно противоречивый тезаурус устойчивого развития. Отправной точкой размышлений становится признание факта «слепоты» в экстремальной ситуации, в ситуации «сложного положения человечества». Вторая половина XX века в этом контексте знаменует переход от парадигмы blind-determination к парадигме mind-determination: «Сложное положение человечества как раз и заключается в том, что человек может понять эту проблематику и тем не менее, несмотря на имеющийся у него значительный объем знаний и опыта, не понимает исходных причин...» [Там же: 16].

Закономерно возникает «футурушок» как состояние страха будущего. Э. Тоффлер предлагает эвристичную метафору для описания подобной ситуации — «бомбардировка сознания» [Тоффлер: 379]. Последнюю он соотносит не только с «галлюциногенной калейдоскопией» (перцептивным измерением), но и моментом «экстремальной непредсказуемости и новизны» [Там же: 380]. Здесь можно вспомнить и концепцию У. Бека «общества риска», где защищенность убывает по мере роста угроз и опасностей [Бек: 166]. Возможно, поэтому вновь в конце XX века набирает обороты алармизм [Хайнацкая], масштабируясь из экологической плоскости в антропологическую, когнитивную, психологическую и прочие.

Таким образом, к началу XXI века философия экстремальности подошла с завидным запасом теорий. Главным актором хронотопа экстремальности постепенно становится сознание. На пересечении философии экстремальности и философии сознания формируется концепт экстремального сознания, который требует описания и осмысления.

Экстремальное сознание: дискурс современности. В настоящее время экстремальное сознание исследуется внутри различных секьюритологических дискурсов. В частности, наибольший отклик фиксируется в рамках исследований экстремальной психологии [Магомед-Эминов]. Нас же интересует, прежде всего, «антропологический» тезаурус проблемы [Ефанова]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что речь чаще всего идет не собственно об экстремальном сознании, а об экстремальности как качестве сознания, мышления, индивида в целом.

Сосредоточим внимание на положениях, которые эвристичны в контексте философии экстремального сознания (или семиотики экстремального сознания). Стремление, тяга к экстремальности заложена в самой природе человека, она принуждает его «идти по пути постоянного движения и развития»; «... всё экстремальное имеет свою внутреннюю логику, вызывается необходимостью и подчиняется закономерностям» [Ефанова: 87]. «Экстремальность в своей полноте не может быть сведена к негативности, а представляет собой феномен, образующийся во взаимодействии позитивного и негативного, страдания и благополучия». В пределе экстремальный опыт сознания есть столкновение смыслов жизни и смерти [Магомед-Эминов: 90]. Экстремальность не только отражает критическую направленность против существующего положения дел, но и обладает потенциалом позитивной трансформации — предлагает новые ценностные образцы, играя тем самым роль транслятора новых культурных смыслов [Хутуев: 388]. «Экстремальная экология глобального

сознания предполагает обращение к многочисленным личностным практикам самоспасения, что предполагает интенсивное развитие сознания и самосознания, расформатирования и переформатирования индивидуального и коллективного сознания» [Смирнов 2017: 71]. Таким образом, экстремальность как особое качество, которое применимо и к описанию сознания, может быть охарактеризовано через категории естественности, амбивалентности, генеративности и гомеостатичности / аутопоэзисности.

Эпилог. Настоящая статья представляет собой первый шаг на пути собственно философского (научно-философского) осмысления феномена. В качестве перспективных задач изучения экстремального сознания можно назвать — категориально-понятийный анализ, определение предпосылок и причин масштабирования, выявление адекватной методологии (системы подходов), установление связи с процессами глобализации, ведущими к потере идентичности, описание системы экстремального сознания, в том числе его соотношения с концептами глобального сознания, техносферного сознания, ноосферного сознания.

Очевидно, что проблематика экстремального сознания теснейшим образом связана с дискурсами безопасности — психологической [Кисляков, Шмелева], ноосферной [Смирнов Г., Смирнов Д. 2021] и антихрупкости [Талейб]. Думается, что именно исследовательском пространстве экстремального хроноса и экстремального топоса возможен комплексный анализ рассматриваемого феномена.

Список литературы / References

- Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990. 128 с.
(Arnold V.I. Theory of catastrophes, Moscow, 1990, 128 p. — In Russ.)
- Баранов Н.Р. Экстремальная ситуация // Новейший философский словарь. Минск.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
(Baranov N.R. Extreme situation, *The newest philosophical dictionary*, Minsk, 1998, 896 p. — In Russ.)
- Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С. 161—180.
(Beck W. From industrial society to risk society, *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 161—180. — In Russ.)
- Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Издательство АСТ, 2023. 416 с.
(Bergson A. Creative evolution, Moscow, 2023, 416 p. — In Russ.)
- Воличенко О.В. Философия архитектуры «футуроэкстрима» // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2018. Т. 18, № 8. С. 63—68.
(Volichenko O.V. Philosophy of “futuro-extreme” architecture, *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 2018, vol. 18, no. 8, pp. 63—68. — In Russ.)
- Ефанова Е.В. Экстремизм и экстремальность в человеческом измерении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 86—91.
(Efanova E.V. Extremism and extremeness in the human dimension, *Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*, 2012, no. 3, pp. 86—91. — In Russ.)
- Кисляков П.А. Шмелева Е.А. Психологическая безопасность: психодиагностика. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2024. 270 с.
(Kislyakov P.A. Shmeleva E.A. Psychological safety: psychodiagnostics, Krasnoyarsk, 2024, 270 p. — In Russ.)
- Магомед-Эминов М.Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2014. № 3. С. 79—91.
(Magomed-Eminov M.Sh. Ontological conceptualization of the phenomenon of extremality, *Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*, 2014, no. 3, pp. 79—91. — In Russ.)

- Медоуз Донелла Х., Медоуз Денис Х., Рэндерс Й., Беренс III В. Пределы роста: доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». М.: МГУ, 1999. 206 с.
(Meadows Donella H., Meadows Denis H., Randers J., Behrens III V. The limits to growth: a report on the Rome club project "The plight of humanity", Moscow, 1999, 206 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
(Moiseev N.N. The fate of civilization. The path of reason, Moscow, 2000, 224 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 74—91.
(Smirnov G.S. Noosphere in the Age of Global Catastrophes, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2010, no. 2 (10), pp. 74—91. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
(Smirnov G.S. Formation of the noosphere: philosophical and methodological problems of the evolution of consciousness, Ivanovo, 2015. 504 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Экстремальная экология глобального сознания: глобальное и локальное в фрустрированном российском сознании // Ноосферные исследования. 2017. № 2 (18). С. 63—74.
(Smirnov G.S. Extreme ecology of global consciousness: global and local in frustrated Russian consciousness, *Noospheric studies*, 2017, no. 2 (18), pp. 63—74. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.
(Smirnov G.S., Smirnov D.G. Hypostases of noospheric history, *News of higher educational institutions. Series: Humanities*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 21—28. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. Летаргический сон разума: техносферно-ноосферные раздумья в эпоху деглобализации [обзор национальной научной конференции «Глобальный мир и ноосферная безопасность России»] // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 150—160.
(Smirnov G.S., Smirnov D.G. Lethargic sleep of reason: technosphere-noosphere reflections in the era of deglobalization [review of the national scientific conference "Global world and noospheric security of Russia"], *Intelligentsia and the World*, 2021, no. 4, pp. 150—160. — In Russ.)
- Тaleb Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: Азбука-Аттикус, 2015. 762 с.
(Taleb N.N. Antifragility. How to benefit from chaos, Moscow, 2015, 762 p. — In Russ.)
- Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М.: Логос, 2002. 288 с.
(Tom R. Structural stability and morphogenesis, Moscow, 2002, 288 p. — In Russ.)
- Тоффлер Э. Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 2002. 557 с.
(Toffler E. Future shock, Moscow, 2002, 557 p. — In Russ.)
- Хайнацкая Т.И. Экологический алармизм как политический дискурс // Южнороссийский Журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 2. Р. 53—73.
(Khainatskaya T.I. Environmental alarmism as a political discourse, *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 53—73. — In Russ.)
- Хакимов Р.З. От чего всё!: Материалистические идеи древних мыслителей о взаимосвязи и взаимообусловленности как основе мироздания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. 220 с.
(Khakimov R.Z. What is it all from?: Materialistic ideas of ancient thinkers about the interconnection and interdependence as the basis of the universe, Ivanovo, 2002, 220 p. — In Russ.)
- Хубулова С.А. Homo belli: человек войны в новейшей истории России (к постановке проблемы) // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадыева. 2024. № 3 (35). С. 83—90.
(Khbulova S.A. Homo belli: a man of war in the modern history of Russia (towards the formulation of the problem), *Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov*, 2024, no. 3 (35), pp. 83—90. — In Russ.)

Хутуев Р.Г. Эволюция концепта экстремальности в философских теориях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 387—389.

(Khutuev R.G. Evolution of the concept of extremality in philosophical theories, *Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 12, pp. 387—389. — In Russ.)

EXTREME CONSCIOUSNESS: A BRIEF HISTORY OF AN IDEA

Vasily S. Lebedev, Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
vasleb11@gmail.com, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article presents a brief history of the phenomenon of extremality in the context of the philosophy of consciousness. The connection between extremality and civilizational dynamics is shown through the prism of ideas about human revolution and noospheric history. Selected discourses of extremality in the history of philosophy are considered. The special role of philosophy and science of the 20th century is recorded both in scaling the property of extremality to almost all hypostases of being, and in the formation of the phenomenon of extreme consciousness itself. Heuristically valuable positions for a comprehensive analysis of extreme consciousness are revealed, which can be expressed in the categories of naturalness, ambivalence, generativity and homeostaticity / autopoiesis. Substantive and methodological prospects for studying extreme consciousness are defined.

Keywords: catastrophism, human revolution, alarmism, antifragility, extremity, extreme consciousness, consciousness bombing

For citation: Lebedev V.S., Smirnov D.G. Extreme consciousness: a brief history of an idea, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 165—171.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторах / Information about authors

Лебедев Василий Сергеевич — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vasleb11@gmail.com

Lebedev Vasily Sergeevich — postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vasleb11@gmail.com

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 172—182.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 172—182.

Научная статья

УДК 81'374

DOI: 10.46726/И.2025.1.21

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА XXI ВЕКА.

Рец. на коллективную монографию: The Cambridge Handbook of the Dictionary, ed. by Finegan E., Adams M. Cambridge: Cambridge University Press, 2024, 826 p.

Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

olga.m.karpova@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на коллективную монографию *Finegan E., Adams M. (eds.). The Cambridge Handbook of the Dictionary*, посвященную описанию актуальных проблем современной лексикографии. В статьях известных лексикографов поднимаются проблемы классификаций новых типов общих и специальных словарей, участия пользователей в процессе создания цифровых лексикографических проектов, истории создания и эволюции терминологических и других специальных справочников, применения искусственного интеллекта и новых цифровых технологий в создании словарей различных типов, отражении идеологии и культуры в словарях и другие важные вопросы современной лексикографии.

Ключевые слова: цифровая лексикография, печатный, электронный, толковый, специальный словарь, цифровой аналог словаря, культура, идеология, пользователь

Для цитирования: Карпова О.М. Лексикографическая картина XXI века. *Рец. на коллективную монографию: The Cambridge Handbook of the Dictionary, ed. by Finegan E., Adams M., Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 826 p. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 172—182.*

Рецензируемая коллективная монография, изданная авторитетным британским издательством Cambridge University Press, представляет собой собрание статей известных лексикографов из разных стран мира, посвященных общим и частным проблемам теоретической и прикладной лексикографии в современных условиях смены научной лексикографической парадигмы под воздействием новых тенденций в мировой словарной практике: профессиональной, партнерской, волонтерской, коммерческой, междисциплинарной и т. п. Книга состоит из шести частей, в которых поднимаются основные вопросы теоретической и прикладной лексикографии: часть I. Типы словарей (Types of Dictionaries), часть II. Словарь как книга (Dictionary as Book), часть III. Словарь

и идеология (Dictionaries and Ideology), часть IV. Словари и сферы использования (Dictionaries and Domains of Use), часть V. Словарный бизнес (The Business of Dictionaries), часть VI. Будущее словарей (The Future of Dictionaries).

Часть I. Типы словарей включает восемь статей и посвящена различным типам существующих словарей. Раздел открывается статьей известного американского лексикографа М. Адамса *Dictionary Typologies (Типологии словарей)*, где рассматриваются классификации англоязычных словарей, начиная с классической типологии Я. Малкиеля, которая учитывает основные характеристики печатных справочников: язык, охват предметных областей, лексикографическую форму словаря, полноту/дифференциальность словника и лексикографической обработки входных единиц, сформировавших различные группы словарей. Это — одноязычные, двуязычные и многоязычные; лингвистические и энциклопедические; словари для общих и специальных целей; глоссарии, конкордансы, толковые и частотные словари. Автор рассматривает и новые типологии отдельных групп специальных словарей: сленга, терминологических, авторских, фразеологических и т. п. на базе параметров, характерных для этих разновидностей справочников. Однако за пределами статьи остаются классификации электронных словарей, имеющих уникальные черты, отличающие их от печатных лексикографических произведений.

Объектом статьи А. Ши *Historical and Specialized Dictionaries (Исторические и специализированные словари)* являются общие и специальные справочники английского языка, среди которых особо выделяется богатый репертуар словарей для специальных целей, отличающийся большим разнообразием. Автор проводит экскурс в историю специальной лексикографии и определяет статус специального словаря, который начинался в английской лексикографии со словарей трудных слов. Особое внимание уделяется формированию справочников английских медицинских и технических терминов, которые на начальном этапе своего существования выступали как словари трудных слов, непонятных носителям английского языка. Позднее круг их пользователей значительно расширился, как и сам репертуар этих справочников в печатной и электронной форме.

Далее А. Ши рассматривает ряд словарей сленга, которые быстро завоевали популярность прежде всего у молодежной аудитории, выделив *Urban Dictionary* (пользовательский словарь сленга), поскольку читатели стали активно участвовать в процессе составления разных типов словарей. В статье подробно рассматриваются справочники современного словоупотребления и типичных ошибок людей, изучающих английский язык как иностранный. Привлекает внимание читателя и раздел статьи, посвященный описанию словарей жестового языка, которые стали весьма актуальны в наше время. Автор знакомит читателя с подробной историей их возникновения и принципами построения. Также отдельно рассматриваются так называемые *Telegraph Dictionaries*, возникшие с появлением телеграфа, крайне редко появляются в современных исследованиях специальных подъязыков.

Раздел продолжает статья К. Уайлд *О тезаурусах (Thesauri)*, их истории и разновидностях, начиная от тезауруса Роже и до наших дней. Автор справедливо утверждает, что данная лексикографическая форма, безусловно, способствует лучшему пониманию лексики, организованной по понятийному принципу *world map*, который прочно утвердился в западноевропейской лексикографии. В статье выделяются одноязычные и двуязычные учебные тезаурусы, а также терминологические и электронные, которые появились в цифровую эпоху. В заключении предлагается авторская классификация тезаурусов, с которой нельзя

не согласиться. Более того, эта статья фактически служит руководством для пользователя при выборе идеографического словаря для определённых целей (выбора синонимов, антонимов и т.д.).

Безусловно, актуальной является статья известного лексикографа О. Харгрейвса *Commercial Dictionaries (Коммерческие словари)*, в которой он обращается к современной коммерческой лексикографии, чье появление в словарной практике вызвано необходимостью создания, в первую очередь, учебных справочников для англичан, американцев и жителей других англоязычных стран. Интересно отметить, однако, что данная статья сводится не столько к описанию новых коммерческих лексикографических проектов, сколько к изучению исторической перспективы развития коммерческой отрасли лексикографии, начиная с 19 века до популярной современной энциклопедии *Encarta Webster's Dictionary of the English Language*. При этом ставится вопрос о юридическом статусе коммерческой лексикографии, что особенно важно при отборе языкового материала (например, цитат и графических иллюстраций) в словарные проекты. В заключении автор рассуждает о путях развития этой отрасли лексикографии в цифровой среде.

Двуязычные словари, особенности принципов построения их мега-, макро- и микроструктуры описываются в статье К. Морелло *Bilingual Dictionaries (Двуязычные словари)*. Известный итальянский лексикограф подробно описывает историю создания двуязычных латинско-английских, испанских и других европейских языков. Особое внимание автор уделяет характеристике аудитории двуязычных глоссариев, а также подробно анализирует типичную структуру словарной статьи двуязычного словаря, в котором обязательно должны присутствовать грамматические, фонетические, стилистические, функциональные и другие пометы, дефиниция, перевод и примеры словоупотребления в зависимости от типа двуязычного справочника (учебного, терминологического и т. п.). В заключении К. Морелло описывает важность двуязычных электронных корпусов при создании двуязычных словарей, которые (корпусы) весьма схематично здесь представлены, очевидно, из-за ограниченного объема статьи.

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает статья японского лексикографа Ш. Ямады *Learners' Dictionaries (Учебные словари)*, посвященная учебным словарям английского языка для японских пользователей. Ученый делится ценными наблюдениями поведения читателей при выборе учебных словарей для конкретных целей (перевода, письменных работ, устных выступлений и т. п.). Следует подчеркнуть, что его выводы имеют важное значение для изучения запросов пользователей словарей и других языков, включая русский, в чем мы убедились, слушая лекции Ш. Ямады на одной из ивановских школ-семинаров по лексикографии, которые проходили в Ивановском университете. Безусловным достижением автора является описанные в его статье учебные корпусы английского языка для изучения языка и составления инновационных учебных словарей.

Статья шотландского лексикографа С. Ренни *Children's Dictionaries (Словари для детей)* имеет особое значение, поскольку она впервые в западно-европейской лексикографии поставила вопрос о составлении словарей для детей младшего возраста. Создав азбуку на шотландском языке, а на ее основе и первые иллюстрированные и иллюстративные словари, С. Ренни открыла новую страницу в лексикографии, которая богата не только авторитетными словарями национального литературного языка, но и терминологическими, диалектными и писательскими словарями, многие из которых стали основой для

детских шотландских словарей. С. Ренни утверждает, что истоки словарей для детей прослеживаются, начиная со справочников *Shorte Dictionarie for Yonge Begynners* (1553) и *Latin—English dictionary* (1553), которые, постепенно совершенствуясь, нашли воплощение в иллюстративных и иллюстрированных словарях для детей, которые прочно утвердились в лексикографии для детей младшего и среднего возраста. Безусловно, составление словарей для детей сегодня стало ведущей тенденцией и в мировой лексикографии.

Заканчивается первая часть коллективной монографии статьей ведущего специалиста в области составления английских словарей цитат Э. Ноулз *Dictionaries of Quotations and Dictionaries of Provers* (Словари цитат и пословиц). Лексикограф является автором самого полного словаря *Oxford Dictionary of Quotations*, о котором идет речь в работе. Она дает обзор источников словаря, анализирует репертуар цитат, который имеет не только алфавитное расположение материала, но и категориальные индексы мифических, библейских, исторических и т. п. цитат, где все статьи располагаются по определенным темам (любовь, дружба, чувства и т. д.).

Необходимо отметить, что каждая статья включает сведения о том, кто, когда и по какому поводу использовал ту или иную цитату. Это особенно важно для политических и общественных деятелей, нередко использующих цитаты из произведений известных личностей в своих выступлениях. В этой связи Э. Ноулз неоднократно подчеркивает, что словари цитат отражают культурный код нации и будут всегда востребованы пользователями.

Часть II. Словарь как книга включает пять статей, в которых рассматриваются проблемы полиграфической семиотики. Раздел открывается статьей М. Адамса *Dictionary Typography* (Полиграфическое оформление словарей), где автор последовательно раскрывает тонкости подбора шрифтов для различных разделов структуры словарей, цветовых обозначений и графических характеристик заглавных слов, которые во многом определяют привлекательность словаря. Более того, автор ставит насущный вопрос о создании словарей для слабовидящих пользователей. М. Адамс также обращает внимание читателя на стремительно формирующуюся группу словарей для мобильных телефонов, технические возможности которых дополняют статьи полезными гиперссылками. Последние играют решающую роль при выборе справочника разными группами пользователей. Ученый также подчеркивает, что оптимально удачное полиграфическое оформление справочников может дать искусственный интеллект.

Продолжает тему особенностей полиграфического оформления современных справочных изданий статья М. Ханчера *Illustrations in Dictionaries* (Иллюстрации в словарях), в которой автор подробно рассматривает традицию включения рисунков в словари английского языка, эпизодически появлявшиеся в микроструктуре справочников, начиная с 18 в. При этом особое внимание он уделяет энциклопедиям, где графические иллюстрации стали неотъемлемой частью. На примере известных английских и американских словарей, в том числе *The Century Dictionary and Cyclopaedia*, М. Ханчер выделяет различные типы графических иллюстраций, отмечая и важность их включения в учебные словари на примере популярного *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*. К сожалению, рамки статьи, вероятно, не позволили исследователю остановиться на проблемах создания специальных иллюстративных словарей, которые активно используются пользователями разного возраста в различных странах.

У. Николс в статье *Page and Book Design in Dictionaries (Дизайн словаря и словарных статей)* пишет о богатом разнообразии типов словарей, представленных сегодня в изобилии в печатном и электронном форматах. Автор акцентирует внимание на появлении большого количества цифровых двойников авторитетных словарей, которые стали предлагать ведущие издательства, поскольку они наиболее востребованы современными пользователями. Цифровые аналоги справочников предлагают усовершенствованную архитектуру словаря, способствующую более быстрому получению необходимой справки.

Далее дается анализ проблем создания онлайн-справочников, которые быстро пришли на смену печатным словарям с CD-ROM. Структура страницы и интерфейс словарей различаются и совершенствуются с учетом запросов пользователей, с чем нельзя не согласиться. Завершают статью размышления автора о будущем цифровых словарей, совершенствовании дизайна мегаструктуры словаря и репертуара информационных категорий, входящих в их микроструктуру.

Статья выдающегося лексикографа современности Д. Консидина *Dictionaries in Book History (Роль словарей в книгопечатании)* содержит подробный исторический обзор авторитетных толковых словарей, начиная с латинских глоссариев и двуязычных латино-английских справочников на различных исторических этапах книгопечатания в Великобритании. Его наблюдения воссоздают впечатляющую картину появления первых словарей английского языка и толкового словаря С. Джонсона, а затем и Оксфордского словаря как сокровищницы английского словоупотребления и лингвистической компетенции нации.

Завершает раздел статья Л. Рассел *Dictionaries as Material Objects (Словари как материальные объекты)*, где автор ставит насущный вопрос для лексикографов — каким должен быть современный словарь? Лексикограф предлагает современный взгляд пользователей на дизайн и полиграфическое оформление печатных словарей, а также на создание дружественного интерфейса электронных справочников с помощью новых технологий.

Часть III. Словарь и идеология представляет особенно актуальную тему для нашего времени — идеологии и ее оценки в словаре. В статье Д. Брауна *Dictionaries, Language Ideologies, and Language Attitude (Словари, языковая политика и взаимодействие языков)* рассматриваются проблемы, которые сопровождает составителей словарей различных языков на всех этапах исторического развития.

По справедливому мнению ученого, авторы толковых словарей разных вариантов английского языка на разных исторических периодах, включая колониальный (и особенно в наше время), не должны навязывать пользователю свою точку зрения на политические события в мире, а давать объективную оценку входных единиц с помощью соответствующих помет и дефиниций. Более того, Д. Браун утверждает, что составители словарей не могут рекомендовать пользователям свою норму употребления, акцентируясь только на хороших словах (*good words*). Свои наблюдения ученый иллюстрирует анализом примеров из словарей *Webster's in the American Courts* и сингапурского английского.

В свою очередь Л. Расселл в статье *Dictionaries and Cultural Politics (Словари и культурная политика)* продолжает обсуждение темы идеологии в словаре на основе культурных знаний, которые обязательно должны присутствовать не только в толковых, но и в специальных лингвокультурных и страноведческих справочниках. Автор рассуждает о диалоге культур, который должен обязательно отражаться в двуязычных словарях, а их составителей призывает

принимать во внимание культурные коды новых членов общества — иммигрантов — и быть политически корректными при выборе слов в различных коммуникативных ситуациях.

В этой связи актуальной представляется статья Д. Чэпмена *Usage in Dictionaries and Dictionaries of Usage* (Словоупотребление в словарях и словари словоупотреблений), посвященная характеристике современного английского словоупотребления (*good, actual, contextual, traditional usage*). Здесь анализируются справочники, направленные на изучение английского языка в его живом функционировании на фоне проблемы нормативности современных толковых словарей, а также рассматривается влияние сленга и заимствований на современный английский язык. Автор статьи призывает пользователя ориентироваться на пометы, которые способствуют правильному выбору слова для конкретных речевых ситуаций. Однако, рассуждая о необходимости совершенствования микроструктуры таких справочников, Д. Чэпмен не предлагает каких-либо новых помет, которые бы способствовали правильному выбору слова во избежание коммуникативных неудач.

Важную тему, связанную с расширением межкультурных контактов в современном обществе, поднимает Дж. Зигель в своей статье *Dictionaries and Language Contact* (Словари и языковые контакты). На примере Карибского варианта английского языка и соответствующих словарей (*Caribbean Multilingual Dictionary*) ученый пишет о необходимости включения в их словники новых входных единиц, обозначающих языковые особенности новых членов общества. Его идея об изменении профиля пользователя (в связи с интенсивной иммиграцией из стран Азии и Африки в Европу и США) определяет суть новых толковых, терминологических и словарей заимствований из различных языков, которые должны учитывать языковые изменения в современном мультикультурном обществе.

В этой части книги особое внимание привлекает статья У. Росса *Dictionaries in Religious History and Biblical Interpretation* (Словари в истории религии и библейские интерпретации) о религиозной лексике и библеизмах, которые незаслуженно забываются современными лексикографами. Он подробно рассматривает историю создания словарей английской религиозной лексики от конкордансов к Священному писанию до современных словарей библеизмов. Свои наблюдения автор иллюстрирует подробным анализом современных словарей, которые по-разному описывают религиозную лексику. Однако при всей важности религиозной лексики У. Расс, к сожалению, не предлагает оптимальных способов ее лексикографирования, которые все еще ждут своего исследователя.

Э. Финеган в статье *Attitudes towards the Dictionary* (Отношение к словарю) на примере дефиниций ряда гендерных слов (*girl, boy, transwomen*) и некоторых политических событий в США из новых американских словарей показывает негативное отношение некоторых пользователей к их трактовке в справочнике. Ученый утверждает, что в свое время такая неудовлетворенность толкованием слов и событий привела к возможному теракту в офисе авторитетного словаря кампании *Merriam-Webster*. Вот почему, по мнению ученого, проблема отношения и оценки авторов словарей различных типов сегодня выходит на передний план словарной работы. Более того, мнения пользователей, их религиозную и национальную идентичность необходимо учитывать при создании новых лексикографических продуктов. При этом особое внимание надо уделять так называемым *a what-to-say and what-not-to-say section* и этнонимам, создавая наряду с академическими словарями справочники различных вариантов

американского английского, помня, что словарь является символом культуры, а пользователей интересует не теоретическая лексикография, а практика работы со словарем.

Часть IV. Словари и сферы использования начинается статьей К. Мартин *Dictionary Audiences (Пользовательская аудитория)*, в которой подробно рассматриваются роль и участие пользователей в словарной практике на протяжении всей истории английской лексикографии. Особое внимание не случайно уделяется изучению поведения и ожиданий пользователя при выборе словаря для конкретных целей, которые приобретают все большее значение в цифровую эпоху. Здесь поднимается ряд важных вопросов создания специализированных учебных и терминологических словарей, которые существенно пополнили лексикографический ландшафт нового времени, значительно расширив круг пользователей, начиная от школьников и студентов, заканчивая профессионалами и обычными гражданами. Ученый выделяет параметры, которые имеют большое значение для пользователей различного возраста и уровня знаний, включая совершенствование информационного поиска через инновационную маршрутизацию в словарях.

Статья Дж. Консидина *Dictionaries and Intellectual History (Словари и интеллектуальная история)* посвящена словарям как источнику человеческого знания. Автор предлагает оценивать и выбирать словари с учетом исторического наследия национальной и мировой лексикографии. Ученый рассматривает словарь как сокровищницу национальной культуры и истории языка, которые лексикограф должен знать в совершенстве, поскольку любой серьезный словарь — это прежде всего интеллектуальный труд множества специалистов и институтов. При этом метаязык словаря, как справедливо отмечает ученый, играет особо важную роль в описании входных единиц и должен существенно отличаться в лингвистических и энциклопедических справочниках.

В статье К. Перси *Dictionaries and Social History (Словари и социальная история)* поднимаются вопросы адресата словарей на различных исторических этапах. На первом этапе 15—16 вв. это были различные группы пользователей: образованные люди, простые носители языка, женщины, мужчины и т. п., причем вопросы гендера и статуса человека при выборе словаря всегда имели решающую роль. В период индустриализации появляются терминологические словари и меняется их аудитория, включая специалистов в различных предметных областях, которым требуются толкования терминов, обозначающих новые понятия. Период урбанизации характеризуется в английской лексикографии появлением новых толковых, словарей современного словоупотребления, диалектизмов и сленга. И, наконец, в связи с колонизацией многих стран Великобританией английская лексикография пополняется словарями африканского и азиатского вариантов английского языка. К сожалению, за пределами статьи остаются словари культурного наследия: пословиц, цитат, языка писателей, которые формируют богатую картину английской лексикографии.

А. Либерман в статье *Linguistics and Philology in Dictionaries (Лингвистика и филология в словаре)* пишет о важности представления филологических знаний в словаре. По его мнению, данная проблема успешно решалась в авторитетных английских и американских словарях 19 — начала 20 в., которые обязательно включали в редакционную коллегию известных филологов. Ученый перечисляет базовые характеристики входных единиц словников толковых словарей английского литературного языка, в которых обязательно должны присутствовать фонетические, грамматические, этимологические и

другие пометы. Не менее важным является доступный метаязык словарной статьи и дефиниции. Эти компоненты микроструктуры должны существенно отличаться от информационных категорий в специальном, в частности, терминологическом словаре.

В этой связи ученый справедливо отмечает, что запросы пользователей приобретают решающую роль, поскольку им необходима специальная информация и, в первую очередь, по новым терминам. К сожалению, он не предлагает каких-либо радикальных путей совершенствования структуры словарных статей как в общих, так и специальных справочниках, которые, безусловно, требуют серьезных изысканий.

Статья И. Стэванс *Dictionaries as Literary Artifacts (Словари как литературные артефакты)* посвящена роли великих писателей в формировании литературных языков и их отражении в словарях на примере У. Шекспира, М. Сервантеса, Э. Паунд и других выдающихся художников слова. Исследователь показывает роль литературного авторитета в сфере функционирования слов и их фиксации в словарях, начиная от С. Джонсона, указывавшего современникам на язык Шекспира как образец для подражания. В этой связи не менее важным представляется упоминание автора о войне словарей, которая произошла в США с продукцией известного лексикографического бренда *Merriam Webster*. Нельзя ни согласиться и с выводом ученого о том, что литература служит богатым источником новых слов для словаря любого языка.

Дж. Оуэн в статье *Dictionaries and Editors (Словари и их редакторы)* поднимает вопрос о роли редактора в подготовке словаря к печати в эпоху цифровизации, когда, казалось бы, функции редактора сводятся к минимуму, а техническую работу выполняет компьютер. Однако, как справедливо подчеркивает автор статьи, успех любого словаря во многом зависит именно от редактора, который несет ответственность за точность дат, имен и других экстралингвистических сведений, которые читатель ищет в словаре, особенно энциклопедическом.

Дж. Оуэн на примере авторитетных американских словарей: *The American Heritage Dictionary*, *Merriam-Webster's Collegiate* и *Webster's New World* показывает, как их редакторы улучшали мега-, макро- и микроструктуру справочников, таким образом обеспечивая им востребованность и успех у пользователя. В заключении автор статьи указывает на необходимость прочного взаимодействия лексикографа и редактора, особенно при составлении *Правил пользования словарем*, которые необходимо постоянно совершенствовать, поскольку читатель не особенно любит изучать этот важный информативный раздел.

Статья Б. Гарнера *Lexicography and the Law (Лексикография и закон)* посвящена историческому обзору английских словарей юридической терминологии. Автор последовательно воссоздает картину англо-американских словарей, начиная с 16 в. и до наших дней. Он пишет о важности словарей юридической терминологии для судей, адвокатов и других представителей юриспруденции с точки зрения профессионального общения и получения необходимых справок, которые во многом способствуют успешному решению судебных и процессуальных дел.

Особое внимание автор уделяет анализу словарей *The New Law Dictionary* (1729) и *Bouvier's Law Dictionary* (1839), заложивших основу английской юридической лексикографии и составленных в лексикографической форме глоссария, которые регистрировали и объясняли трудные и непонятные юридические термины. В свою очередь, авторы современных англоязычных справочников включали в микроструктуру как лингвистическую, так и экстралингвистическую

информацию, а метаязык юридических словарей стал более точным и объективным. Более того, юристы выступали в роли экспертов, что особенно необходимо для подбора точных дефиниций специальной лексики и, безусловно, свидетельствовало о продуктивном взаимодействии лексикографических и юридических законов.

Часть V. Словарный бизнес открывается статьей К. Конвери *Organizing Dictionary Projects (Построение лексикографических проектов)*, в которой автор перечисляет и анализирует этапы работы над словарем, начиная от формата, источников, электронного корпуса как основы словаря и до рассмотрения принципов построения мега-, макро- и микроструктуры. По его мнению, особое внимание при подготовке словаря должно уделяться подбору персонала (лексикографов и волонтеров) и главного редактора, которые формируют списки входных единиц и определяют принципы формирования структуры словарных статей. Важно работать по утверждённому графику, просчитывать финансовые затраты, а также способы продвижения лексикографического проекта среди целевых групп пользователей.

Дж. Пикетт в статье *Editing Dictionaries (Редактирование словарей)* делает акцент на применении электронных помощников при подготовке словаря, которые в разы повышают эффективность подбора и редактирования как общих, так и специальных словарей, многие из которых основаны на электронных корпусах. Компьютерные программы позволяют сделать дизайн и интерфейс словаря более привлекательными для пользователя, а экспертиза профессионалов обеспечивает надежность словаря. Применение компьютерных программ при создании дефиниций, подборе вербальных и графических иллюстративных примеров, набор подходящих помет составляют важную часть редактирования справочников в цифровую эпоху, позволяя сделать их подбор объективным и современным.

Дж. Мосе в статье *Publishing the Dictionary: the Business Side of the Business (Публикация словарей: деловая часть бизнеса)* рассуждает о лексикографической практике как части крупного издательского бизнеса. Автор подчеркивает, что процесс публикации словарей всегда отличалось дороговизной, является высоко конкурентно способным и требующим эффективного продвижения на рынке лексикографических услуг, успешность которых обуславливается использованием новых технологий и обязательным учетом запросов и нужд пользователей. Ученый показывает важность этих условий на примере словарей серии *Merriam-Webster* как авторитетной торговой марки, во многом способствующей выбору этих словарей международным пользователем, также благодаря эффективному менеджменту и привлечению опытных редакторов.

Появление более дешевых и доступных бумажных версий этих словарей, а также изменение их объема привели к богатому выбору сокращенных, карманных и других размеров словарей, что значительно расширило круг пользователей и увеличило продажи по всему миру. Стали подробно изучаться не только затраты на печатание словарей, но и проводились регулярные маркетинговые подсчеты их продаж в разных странах мира.

С появлением цифровых технологий бренд *Merriam-Webster* приобрел новые черты, которые смогли удержать его на рынке лексикографических продуктов, во многом благодаря свободному доступу в интернете. Расположение словарей в *Google* открыло новую страницу в развитии серии и увеличило число обращений к ресурсу до 30 миллионов в месяц. Сегодня разработчики цифровых словарей данного бренда начали работу с мобильными устройствами, предлагая пользователям более удобные и высокотехнологичные

устройства для быстрого получения запрашиваемой справки. Автор статьи утверждает, что несмотря на тот факт, что к 2020 г. закончился переход словарного бизнеса от печатных к цифровым форматам, сегодня все еще наблюдается сосуществование печатных и онлайн словарей, благодаря богатым историческим традициям бренда *Merriam-Webster*.

Раздел заканчивается статьей М. Адамса *Legal and Ethical Issues in Dictionary Making (Юридическая и этическая сторона составления словарей)*. Автор останавливается на важной юридической стороне лексикографии (*responsive lexicography*), когда авторитетность торговой марки является важным условием надежности справочника. М. Адамс справедливо утверждает, что, в отличие от печатной, в цифровой лексикографии сегодня весьма трудно уследить за аутентичным содержанием текста справочника, поскольку увеличилось количество пользователей, которые влияют на содержание лексикографических продуктов, а также за соблюдением авторского права, которое, к сожалению, не всегда соблюдается составителями новых словарей.

Заключительную **часть VI. Будущее словарей** завершает статья Г.-М. Де Шрайвера *The Future of Dictionaries (Будущее словарей)*, в которой автор возвращается к истории формирования и развития английской лексикографии через призму исследований известного лексикографа С. Аткинса, которая вместе с ее великими современниками П. Хэнсом, М. Ранделом, Р. Мунд внесла существенный вклад в формирование и описание лексикографической картины Великобритании и как теоретик, и как составитель авторитетных словарей английского языка.

Нельзя не согласиться с мнением ученого о том, что накопленный опыт создания традиционных печатных словарей позволил лексикографам подойти к веку цифровизации с богатым багажом знаний. Причем автор статьи наглядно представил соотношение правил создания печатных и электронных словарей нового поколения, а также набор элементов их мега-, макро- и микро-структуры в сравнительных информативных таблицах (с. 657, 663 и 634). Ученый справедливо утверждает, что многие информационные категории, составляющие структуру печатных словарей, в дальнейшем либо исчезнут, либо изменятся в цифровых словарях, что приведет к их новым классификациям, а соответственно, и новым типам справочников.

Далее ученый рассматривает форматы печатных и цифровых словарей, которые включают информационно-справочные порталы с мультимедийными и другими техническими характеристиками, существенно изменившими имидж современного словаря английского языка. Будущее лексикографии ученый видит в применении так называемых *the Big Data companies*, разрабатывающих корпусные технологии для составления информационных ресурсов (в том числе лексикографических), а также искусственного интеллекта.

Монография завершается большим справочным разделом, включает исчерпывающий список использованных словарей и список трудов по лексикографии, процитированных в монографии, который может служить ориентиром в современной картине западноевропейской и американской лексикографии (с. 696—757). Перечень авторов статей, рисунки и таблицы существенно дополняют содержание коллективной монографии, а раздел *Благодарности* содержит слова признательности многим известным лингвистам и лексикографам.

Коллективная монография *The Cambridge Handbook of the Dictionary*, несомненно, отличается новизной, включает описание принципов построения новых лексикографических печатных и цифровых проектов и представляет интерес как для исследователей, так и для составителей различного рода словарей.

LEXICOGRAPHIC SCENE OF THE XXIst CENTURY.

Book review: The Cambridge Handbook of the Dictionary, ed. by Finegan E., Adams M. Cambridge: Cambridge University Press, 2024, 826 p.

Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Abstract. The readers are presented with a review of the collective monograph *Finegan E., Adams M. (eds.). The Cambridge Handbook of the Dictionary*, devoted to the description of present-day problems of modern lexicography. The papers written by famous lexicographers state problems of new general and special dictionaries typologies, users' participation in compilation of digital lexicographic projects, history and evolution of terminological and other specialized reference works, application of artificial intellect and new digital technologies in different dictionaries compilation, reflection of ideology and culture in dictionaries and other important questions of modern lexicography.

Keywords: digital lexicography, printed, electronic, explanatory, academic, specialized dictionary, dictionary counterpart, culture, ideology, user

For citation: Karpova O.M. Lexicographic scene of the XXIst century. *Book Review: The Cambridge Handbook of the Dictionary*, ed. by. E. Finegan., M. Adams. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 826 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 172—182.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Информация об авторе / Information about author

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@mail.ru

Karpova Olga Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Research-Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 183—187.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 183—187.

Научная статья

УДК 82.091(470+571+430)

DOI: 10.46726/И.2025.1.22

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТОБРАЖЕНИЯ.

Рец. на кн.: Россия — Германия: литературные встречи

(1880—1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 768 с.

Юрий Леонидович Цветков

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, jzvetkow@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается фундаментальное комплексное исследование, впервые предпринятое в новой России. Межкультурная коммуникация двух ведущих стран Европы предстаёт в аспектах современной компаративистики как важная составная часть истории русистики и германистики конца XIX и первой половины XX в. Трагические годы политического и военного противостояния двух держав не отменили, как ни парадоксально, внимания, тщательного изучения и взаимного влияния друг на друга. Коллективное исследование подготовлено ведущими учеными Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН совместно с их коллегами из различных вузов РФ. Единство замысла авторов научных статей закреплено в трёхчастной композиции труда: «Россия глазами немецких писателей» (аксиологически окрашенные характеристики России у немецких писателей), ««Русская» Германия — «немецкая» Россия: литературные контакты» (взаимоотношения русских и немецких деятелей культуры) и «Художественная практика: схождения, пересечения, параллели» (явления литературного взаимодействия, в процессе которого возникает общий российско-немецкий культурный текст). Книга открывает читателю новые имена в диалоге двух культур и литератур, а также вводит в историю и современное состояние германистики, ведущим вектором которой являются русско-немецкие и немецко-русские гуманитарные связи.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация, компаративистика, имагология, идеология и личность, русско-немецкие и немецко-русские литературные (взаимо)связи

Для цитирования: Цветков Ю.Л. Россия и Германия: литературные отображения. *Рец. на кн.: Россия — Германия: литературные встречи (1880—1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ, 2017. 768 с. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 183—187.*

Коллективный труд «Россия — Германия: литературные встречи (1880—1945)», создававшийся на протяжении нескольких лет, исследует особенности взаимных влияний, пересечений, типологических схождений, рецептивных проекций и имагологических стереотипов, возникавших на границах культурного пространства Германии и России в конце XIX и первой половине XX в. Сотрудники Отдела литератур Европы и Америки новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук с привлечением внешних авторов (Санкт-Петербургский государственный университет, Нижегородский государственный университет, Смоленский государственный университет, Удмуртский государственный университет, Тольяттинский государственный университет и др.) представили

на суд читателей самых разных специальностей труд, имеющий целью дополнить или скорректировать уже сложившиеся представления об особенностях литературных (шире — культурных) взаимосвязей двух стран в обозначенный период.

Главное внимание авторов статей уделяется выявлению механизмов восприятия чужой культуры в контексте национальной нормативно-узуальной парадигмы и исследованию прямых и опосредованных контактов двух литератур, вычленению элементов критической рефлексии как в сфере смыслообразования, так и на уровне формирования мотивной, эстетической и стилистической модели текста. Коллективный труд имеет теоретическое и прикладное значение в области компаративистики, межкультурной коммуникации, истории немецкой и русской литератур.

Актуальность такого издания обусловлена необходимостью осмысления сходства и различия, связей и взаимовлияний культурных и литературных феноменов России и Германии в исторической ситуации последнего десятилетия XIX и первой половины XX в., включая сложную ситуацию литературного процесса до и во время Первой и Второй мировых войн. Истоки литературы Германии XX века, как и русской литературы, несомненно, заложены в периоде конца XIX века. Для Германии — это время восстановления международных позиций литературы после десятилетий отставания. Для России — новый этап широкого влияния русской классической, авангардной и советской литературы на мировую, что обусловило обоюдный интерес двух стран друг к другу в трагические десятилетия открытого противостояния.

Неразделимая общность исторического развития Германии и России определила как «прямые» влияния и связи при непосредственных контактах деятелей культуры и литературы, что А.Н. Веселовский называл «встречными течениями», так и типологические, возникшие независимо друг от друга благодаря общей судьбе двух народов в движения времени. Рецензируемый труд демонстрирует плюрализм исследовательских подходов в сопоставлении культурных и литературных объектов с целью выявления сходства и различия.

Коллективный труд «Россия — Германия: литературные встречи (1880—1945)» нов по своему духу не только потому, что разнообразные литературные связи и взаимовлияния, во многом определявшие картину европейского литературного процесса конца XIX и первой половины XX в., никогда не становились предметом специального изучения в российской и зарубежной германистике, но и, что не менее важно, были пересмотрены оценки и по-новому поставлены акценты в компаративистских штудиях, которые в разные годы были созданы отечественными литературоведами. Можно указать в этой связи на коллективный труд, созданный учеными ИМЛИ АН СССР: «История немецкой литературы»: в 5 томах под общей редакцией Н.И. Балашова (1962—1976).

Новый коллективный труд становится его закономерным продолжением и переосмыслением по отношению к тенденциям нового времени. Следует констатировать, что солидный труд «Россия — Германия: литературные встречи (1880—1945)» дает новое, непредвзятое и независимое от политической и идеологической обстановки того времени представление о сложном процессе взаимодействия ведущих европейских литератур.

Методология, использованная в труде, может служить основой для написания подобных изданий по другим национальным литературам, войти составной частью в свое естественное продолжение (1945—2020) и послужить ориентиром для исследований в области европейского сравнительного

литературоведения. В основу труда положен системно-комплексный подход, который сочетает элементы сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, историко-контекстуального и интертекстуального характера. При сравнительных исследованиях в рецензируемом труде учитывались особенности культурно-философского, социокультурного, общественно-политического и эстетического развития России и Германии. Труд подчинен единой концепции, призванной выявить особенности (взаимо)влияний в обозначенный исторический период.

Главное внимание авторов труда сосредоточено не только на исследовании конкретного сравнительного материала, но и на демонстрации порой нелегко постигаемого смысла, который не укладывается в традиционные схемы мышления. Книга дает широкую и многогранную картину литературных (взаимо)влияний, в которой проявляется богатство плодотворных творческих поисков и находок русских и немецких деятелей культуры, вносящих тем самым значительный вклад в кросс-культурную коммуникацию в её историко-культурном и имагологическом аспектах.

Все без исключения авторы труда «Россия — Германия: литературные встречи (1880—1945)» сумели подняться над конкретным материалом и выявить общие и частные связи и влияния, что позволяет определить приоритетное место России и Германии в кросс-культурной коммуникации как особой области человеческих отношений. Целенаправленное видение авторов труда создает возможности для сопоставления самых разных культурных и литературных феноменов, что позволяет выявить их национальную специфику, понять закономерности возникновения и бытования в национальном контексте.

Коллективное исследование имеет хорошо проработанную структуру, в которой обозначены ключевые элементы заявленной темы. Важное место занимает **Введение** к объемному тому. Статья проф. *Гугнина А.А.* «Несколько общих замечаний к проблематике изучения русско-немецких литературных взаимосвязей» вводит читателя в общую проблематику, историю и современное состояние русско-немецких литературных связей, что особенно важно для представления читателя об исторических рамках рецензируемого труда. Более конкретно и предметно представлен взгляд на компаративистские явления рассматриваемого периода (1880—1945) в статье *Кудрявцевой Т.В. и Гугнина А.А.* «Особенности немецко-русского литературного диалога (1880—1945)», в котором значительное место занимает классическая русская литература, авангардные движения в России начала XX века и советская литература.

Первый раздел носит название «**Россия глазами немецких писателей**» и содержит статьи *Кудрявцевой Т.В.* «Русские этюды: Пауль Эрнст, Рихард Демель, Теодор Дойблер», *Якушевой Г.В.* «Генрих Манн и Томас Манн о России», *Ерохина А.В.* «Вальтер Беньямин и Россия», *Стрельниковой А.А.* «Москва 1920-х годов в восприятии немецких публицистов: «Русские путевые картины» Э. Толлера и “Московский дневник” В. Беньямина», *Ковалева Н.И.* «История и культура России в творчестве Готфрида Бенна», *Добряшкиной А.В.* Третий рейх и Третий Рим: рецепция Достоевского в Германии в 1910—1930-е годы XX века», *Елисеевой А.В.* «Между отцом и матерью: “Путешествие по Советскому Союзу. 1934” О.М. Графа как странствие по психике автора и его современников», *Андреюшкиной Т.Н.* «Становится трудно признать себя немцем”: Иоганнес Роберт Бехер и Россия», *Зачевского Е.А.* «Вторая мировая война глазами немецких писателей времён “Третьего рейха”» и *Скороходова М.В.* «Материалы к биографии Р. Березова 1941—1949 годов: мысли о России».

Представленный в первом разделе материал достаточно широк и репрезентативен для того, чтобы делать выводы, сконцентрированные, в основном, в имагологическом аспекте, изучающем представления об иной стране, её народе и особенностях национального характера.

Второй раздел **«“Русская” Германия — “немецкая” Россия: литературные контакты»** объединяет исследования *Холмогоровой И.В.* «Герхарт Гауптман в России», *Демкиной С.М.* «Максим Горький и немецкий театр. По материалам фондов музея А.М. Горького ИМЛИ РАН», *Шубниковой-Гусевой Н.И.* «С.А. Есенин в Германии: проблемы рецепции», *Титовой У.А.* «С.А. Есенин и русский Берлин», *Седельника В.Д.* «Герман Гессе и Россия. Россия и Герман Гессе», *Стрельниковой А.А.* «Личность и драматургия Э. Толлера в литературно-театральном контексте Советской России», *Воронцовой Г.Н.* «Алексей Толстой в Германии (К истории перевода на немецкий язык романа “Хождение по мукам”)», *Ариас-Вихиль М.А.* «Роль французских, немецких и советских интеллектуалов в подготовке Парижского конгресса писателей в защиту культуры 1935 г. (в свете новых архивных материалов)», *Добряшкиной А.В.* «Немецкие писатели-эмигранты в СССР (1933—1945)», *Седельника В.Д.* «Анна Зегерс и русские (советские) писатели», *Добряшкиной А.В.* «“...обязан Советскому Союзу”: Теодор Пливье в советской эмиграции (1933—1945)», и *Гуревич Р.В.* «Россия и Иоганнес Бобровский: аспекты поэтологического и идейного воздействия».

Многие из описываемых сопоставлений впервые вводятся в литературоведческий оборот и находят специфические точки притяжения и отторжения как предшествующей традиции, так и сосуществующих во времени штампов. Из представленных статей ясно прослеживается интерес, складывавшейся в Германии к России и в России к Германии. Особенность второго раздела состоит в том, что описываемые сравнения рассматриваются в контексте изменения представлений о России или Германии.

Раздел третий носит название **«Художественная практика: схождения, пересечения, параллели»** и включает статьи *Фукс-Шаманской Л.П.* «Образ Шиллера в русской литературе XIX—XX вв.», *Орлицкого Ю.Б.* «Русский Заратустра: между философией и поэзией», *Субботина С.И.* «“Песнь Солнца” Николая Клюева: первые немецкие переводы», *Кудрявцевой Т.В.* «Арно Хольц, европейский верлибр и русское “искусство слова”: поэтика схождения или универсальный код времени», *Исраповой Ф.Х.* «“Самообман” и “миф” как отказ от поэтического воображения в лирике Гёте и Анненского», *её же* статья «Дионисийская флейта в стихотворениях Г. Гейма и русских постсимволистов», *Ерохина А.В.* «Бакунин и немецкая литература», *Седельника В.Д.* «Русский авангард начала XX века и дадаизм (схождения и отличия)», *Наумовой В.С.* «Русские переводы лирики немецкого экспрессионизма в 1920-е годы», *Гирнина Ю.Н.* «Российско-германский контрапункт: 1920—1930 гг.», *Шарыпиной Т.А.* «“Русский контекст” немецкой антифашистской литературы (1930-е годы)», *её же* статья «Эстетические идеи русского авангарда и немецкая социалистическая драматургия 1930—40-х годов (Бертольт Брехт и Фридрих Вольф)» и *её же* статья «Жанровые разновидности немецкой антифашистской публицистики (1941—1945)».

Третий раздел обращен к явлениям литературного взаимодействия, в процессе которого возникает общий российско-немецкий культурный диалог. В рецензируемом труде в полной мере учитываются достижения отечественных и зарубежных исследователей, проделавших огромную работу по анализу

конкретных и типологических литературных связей. Оформление монографии выдержано в строгом научном стиле, справочный аппарат соответствует современному состоянию науки, а само издание представляет собой существенный вклад в изучение русско-немецких и немецко-русских литературных (взаимо)связей и в полной мере отражает состояние современной германистики. Публикация этой книги, без сомнения, обогатила российскую германистику и может привлечь к себе внимание широкого читателя в научной филологической среде.

RUSSIA AND GERMANY: LITERARY DISPLAYS

Book review: Russia — Germany: literary meetings (1880—1945), ed. by T.V. Kudryavtseva, Moscow, 2017, 768 p.

Yuriy L. Tsvetkov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, jzvetkow@mail.ru

Abstract. Readers are offered a fundamental comprehensive study, first undertaken in the new Russia. Intercultural communication of the two leading European countries appears in aspects of modern comparative studies as an important part of the history of Russian studies and German studies of the late XIX and first half of the XX centuries. The tragic years of political and military confrontation between the two powers did not cancel, paradoxically, attention, careful study and mutual influence on each other. The collective study was prepared by leading scientists of the Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS together with their colleagues from various universities of the Russian Federation. The unity of the plan of the authors of scientific articles is enshrined in a three-part composition of labor: “Russia through the eyes of German writers” (axiologically colored characteristics of Russia among German writers), «“Russian” Germany — “German” Russia: literary contacts» (relations between Russian and German cultural figures) and “Artistic practice: convergence, intersections, parallels” (phenomena of literary interaction, during which a common Russian-German cultural text arises). The book reveals to the reader new names in the dialogue of two cultures and literatures, and also introduces the history and current state of German studies, the leading vector of which is Russian-German and German-Russian humanitarian ties.

Keywords: cross-cultural communication, comparative studies, imagology, ideology and personality, Russian-German and German-Russian literary (mutual) connections

For citation: Tsvetkov Yu.L. Russia and Germany: literary displays. *Book review: Russia — Germany: literary meetings (1880—1945), ed. by T.V. Kudryavtseva, Moscow, 2017, 768 p., Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2025, iss. 1, pp. 183—187.*

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Информация об авторе / Information about author

Цветков Юрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра «Художественное слово в пространстве культуры», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, jzvetkow@mail.ru

Tsvetkov Yuriy Leonidovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Research-Educational Centre “Artistic Word in the Cultural Space”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, jzvetkow@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 188—193.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 188—193.

Научная статья

УДК 81'374

DOI: 10.46726/И.2025.1.23

Рец. на кн.: Праздников А.Г. Люди Войн Алой и Белой Розы.

Состав и модели поведения активных участников

социально-политического конфликта в Англии

второй половины XV века. СПб.: Евразия, 2023. 560 с.

Владимир Александрович Евсеев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия yevseyv@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена монографии А.Г. Праздникова «Люди Войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века». Книга разделена на три части. Основной фактический материал книги представлен во второй и третьей частях. Автор выделил два поколения активных участников Войн Роз, определил их социальные сходства и различия. В третьей части монографии рассматривается участие в Войнах Роз представителей различных социальных групп (знати, дворянства, духовенства и горожан). Наиболее активно участвовала в конфликте знать, но одна треть ее представителей оказалась вне числа её участников. Автор произвел стратификационный анализ джентри, участвовавшего в Войнах Роз, и сделал вывод, что в отличие от светских лордов в них принимала активное участие лишь меньшая её часть. В заключении автор отмечает, что Войны Роз имели характер национального конфликта.

Ключевые слова: Войны Роз, участие представителей различных социальных групп, типы поведения

Для цитирования: Евсеев В.А. Рец. на кн.: Праздников А.Г. Люди Войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. СПб.: Евразия, 2023. 560 с. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1. 2025. С. 188—193.

События «Войн Роз» были переломным моментом истории английского общества, гранью эпох между поздним Средневековьем и ранним Новым временем. Это обстоятельство привлекает внимание общества и профессиональных исследователей уже не одно столетие. Достаточно вспомнить знаменитые пьесы У. Шекспира. Поэтому обращение А.Г. Праздникова к этим событиям вполне понятно, ибо он уже давно занимается социально-политической проблематикой Англии этой эпохи. Его первая монография была издана в 2007 г.

Событийная сторона войн Роз изучена достаточно полно, по крайней мере, на уровне политики национального масштаба, чего нельзя сказать об истории социальной. Преодолеть сложившееся противоречие между событийной историей войн и рассматриваемыми на их основе тенденциями общественного развития помогло бы максимально возможное исследование фактов участия в них конкретных представителей различных социальных групп английского общества второй половины XV века.

Именно эту попытку и делает автор рецензируемой книги. Он применил просопографический метод для исследования всех участников Войн Роз, информация о которых сохранилась в источниках. Обращение к данной теме представляет несомненный интерес не только для медиевистов, но и для более широкого круга специалистов, занимающихся историей западноевропейских государств. Типы социального поведения — это действительно новый подход в исследовании Войн Роз. Это так называемая «новая социальная история» и вместе с тем микроистория. В монографии прослеживается реальный междисциплинарный подход к исследованию очень интересной и сложной проблемы. За каждым сословием, стратой или социальной группой стоят конкретные люди, вовлеченные в систему связей и отношений с другими людьми, группами или слоями. Изучение их участия в событиях прошлого позволяет оценить модели социального поведения.

Структура рецензируемой книги вполне логична. Она разделена на три части. Первая часть посвящена историографии и обзору источников. Историографический обзор достаточно обширен и занимает 32 стр. Автор пытается представить этот сюжет в проблемном ключе, но этот принцип четко не обозначен.

Рецензируемая монография основана на очень широком круге источников. А.Г. Праздников разделил их на несколько групп. Очень значимой из них являются хроники и письма периода Войн Роз. Они не только проливают свет на фактическую сторону войн, но и содержат большой объем информации о персональном участии в них представителей различных сословий, особенно лордов и дворянства.

Основной фактический материал книги А.Г. Праздникова представлен во второй и третьей частях. Каждая из них состоит из четырех глав, которые отражают главные цели монографического исследования. Характер подачи материала, связь частей, стиль изложения имеют внутреннюю логику и оставляют самое хорошее впечатление. Автору удалось на каждом из этапов своей работы сгруппировать весьма обильный и разнообразный материал вокруг действительно узловых проблем. Анализ сделанных по ходу работы таблиц (их 29), выводы в каждом разделе и общее заключение представляются вполне убедительными.

Отдельно следует выделить Приложение «Участники войн Роз» (с. 351—557), где собраны сведения о более чем 1100 участников. В этом списке приводятся биографические данные (откуда родом, даты жизни), социальный статус, информация о родственных и матримониальных связях, занимаемых должностях, в каких сражениях участвовал и на чьей стороне. Создание этого списка — очень кропотливый труд, надо было просмотреть огромное количество самых разнообразных источников. На основании этой базы и создана рецензируемая монография. Это приложение имеет и прямой практический интерес, поскольку его можно использовать в учебном процессе.

А.Г. Праздников выделил два поколения активных участников Войн Роз, водораздел между которыми проходил во второй половине 1460-х гг., определил их социальные сходства и различия. Именно этим двум поколениям участников войн и посвящены первые две главы второй части монографии, которые являются ключевыми в данной работе и на их долю приходится одна треть всего текста книги. Первая глава этой части самая большая по объёму — 62 с. (с. 74—136). Анализируя источники, автор отмечает, что большинство дворян сохраняло приверженность своему лорду и его «партии» на протяжении конфликта, кроме того, сыновья, как правило, наследовали принадлежность к «партии» отцов. По мнению автора, главные рыцарские ценности служения

и преданности сеньору, иногда даже вопреки личным интересам, по-прежнему сохраняли свое значение для большей части представителей феодалов английского общества (с. 119—120). Анализируя крупнейшее и ключевое сражение Войн Роз при Таутоне 29 марта 1461 г. и опираясь на данные табл. 8, А.Г. Праздников отмечает, что с точки зрения вовлеченности в события Войн Роз участники битвы при Таутоне могут быть разделены на несколько социальных типов. К первому автор относит тех, кто сохранял лояльность выбранной стороне конфликта, и они составляли почти половину (45 %) среди тех участников битвы при Таутоне, чьи имена запечатлены в источниках. Вторая группа составляет 47 %. Они явились выполнить свой долг, но не желали нести бремя изгнания или лишний раз рисковать жизнью и собственностью, что сопоставимо с количеством преданных сторонников. Причем они также являются примеры двух различных моделей социального поведения. К первым относятся те, для кого приход Йорков стал «неизбежным злом». Признав Эдуарда IV, они более не поддерживали Генриха VI, его жену и сына, но и не стали своими людьми при новом дворе. К третьей группе относятся те, кто не только примирился с новым режимом, но и стал его активным сторонником (с. 131). Далее автор книги отмечает, что к 1464 г. в ходе Войн Роз сложилась специфическая ситуация: на стороне Ланкастеров не осталось «случайных» людей, которые вставали под их знамена до 1461 г., тем самым проявляя лояльность к правящему монарху. В результате этого диапазон моделей социального поведения сузился до двух (с. 135). Поэтому вполне убедительно звучит вывод по данной главе, где автор указывает, что большинство дворян сохраняло верность правящей династии не только в силу большой преданности, но даже по инерции. Лишь в следующем году не столько агитация Йорков, сколько агрессивные действия королевы Маргариты отпугнули от Ланкастеров часть сторонников. Тем не менее даже после коронации Эдуарда IV ситуация в глазах многих англичан должна была оставаться не вполне определенной. Подтверждением этого является участие 84 % представителей данного поколения лишь в одном сражении. Тех, кто был готов рисковать всем ради правящей или конкурирующей династии, было в разы меньше (с. 136).

В следующей главе, анализируя сюжет в битве при Барнете 14 апреля 1471 г., А.Г. Праздников показывает, что большинство сознательно ранее не желали участвовать в борьбе. В более ранних битвах доля таких лиц также достаточно велика и составляет почти половину среди известных участников сражений. Это говорит о том, что большинство дворян не желали рисковать своим положением в эпоху перманентного кризиса, делая выбор лишь в крайнем случае, как это было и в 1471 г. (с. 158). Далее автор отмечает очень важный показатель, что подавляющее большинство установленных им лиц лишь впервые были упомянуты в источниках в качестве участников битв Войн Роз. Это лишь доказывает положения предыдущего сюжета о нежелании даже верных сторонников той и другой «партии» рисковать собой без крайней необходимости (с. 166). Представители второго поколения активных участников Войн Роз более равномерно распределены между борющимися «партиями». Ланкастерцы лишь на 10 % преобладают над йоркистами (в отличие от двукратного превосходства среди представителей первого поколения). В конце данной главы приводится таблица № 17 об участии разных социальных групп во всех сражениях Войн Роз. Автор приводит в ней очень показательные цифры. Доля тех, кто брался за оружие трижды в период Войн Роз, составляет лишь 3,1 %. Причем в этой группе также только лорды, рыцари и сквайры (с. 188). Сражавшихся

дважды было 9,3 % участников Войн Роз, и среди них, помимо нобилей и дворян, были также представители духовенства и йомены. Имена всех остальных воинов, представляющих все установленные социальные группы, фигурируют среди участников битв лишь единожды. Их доля равна 84,6 %. Таким образом, можно говорить о явной тенденции: большинство даже верных сторонников Йорков или Ланкастеров старалось все-таки избегать выступлений с оружием в руках.

Подводя итог второй части своей книги, автор называет самой распространенной «вынужденную активность». Большинство известных участников, по его мнению, стремилось избегать вовлеченности в крайние формы борьбы, но при этом они оставались верны своему вассальному долгу. В то же время они готовы были признавать право победителя и склониться перед ним в случае поражения своей «партии». Поведение этих людей в значительной степени определялось родственными и патронально-клиентальными связями, а не политической или экономической целесообразностью. «Преданные сторонники» каждой из враждующих династий находились в меньшинстве по сравнению с «вынужденно активным» большинством, хотя и являлись значительной группой. Именно они формировали ядро армий, более всего выигрывали в случае победы и терпели максимальный ущерб в результате поражения (с. 204).

Седьмая глава, которая начинает третью часть рецензируемой книги, также является ключевой, ибо она посвящена изучению социальной роли светского нобилитета в Войнах Роз. Именно представители знати и лидеры их группировок были главными заводилами в борьбе за власть в эту беспокойную эпоху. А.Г. Праздников показывает структуру знатных титулов, их носителей и изменения, которые произошли в ней в течение Войн Роз. Эти сюжеты отражены автором в таблицах 20, 22 и 23 (с. 210, 216, 217). В конце главы автор делает вывод, что английскому обществу рассматриваемого периода был известен средневековый идеал рыцаря, до конца сохранявшего верность лорду. Иногда целые династии примыкали к той или иной «партии» и сохраняли свою связь с ней на протяжении всех Войн Роз (с. 238). В то же самое время родственные связи иногда отступали на задний план по сравнению с личными целями. Однако безусловная преданность суверену была характерна не для всех нобилей, часть из них сохраняла лояльность сеньору только до тех пор, пока его поражение в борьбе не становилось очевидным. После свержения Генриха VI в 1461 г. семь лордов (из 17), сражавшихся на стороне Ланкастеров, примирились с Эдуардом IV, получили от него прощение и признали новую власть. Так же в 1485 г. после прихода к власти Генриха VII поступили 15 аристократов, поддерживавших Ричарда III и сражавшихся за него при Босворте (с. 239). Далее А.Г. Праздников отмечает, что вразрез с расхожим утверждением о Войнах Роз как времени беспринципного поведения знати, большинство лордов в основном придерживалось приверженности той или иной династии. Лишь 20 представителей знати изменили свои предпочтения, сражаясь в разных битвах то на одной, то на другой стороне, и лишь в двух случаях это предательство было решающим для исхода битвы (с. 239). Несмотря на политическую активность многих лордов, 60 из них (около 30 % от общего числа) оказались в стороне от политических перипетий второй половины XV столетия. Политическая пассивность почти трети лордов, по мнению автора книги, не позволяет согласиться с еще одним распространенным мнением, согласно которому «старая» знать Англии была уничтожена в ходе Войн Роз. Объективные данные указывают на то, что лишь 53 представителя светской знати (из 187 чел.) умерли в этот

период насильственной смерти. Это высокий процент, однако не большинство (с. 239). Это вполне правомерный вывод автора по седьмой главе.

Восьмая глава (с. 240—275) рецензируемой книги посвящена изучению самой многочисленной группы среди активных участников Войн Роз — это представители среднего и мелкого дворянства (рыцарей, сквайров, джентльменов), вместе составлявших 57,2 % рассматриваемых лиц (с. 240). Автор уделяет внимание и пограничной с ними группе йоменри (с. 271—275). А.Г. Праздниковым произведен стратификационный анализ джентри (среднего и низшего дворянства), участвовавшего в Войнах Роз, при этом на основании анализа социальных карьер представителей джентри. Тщательно проанализировав имеющиеся в наличии источники, автор делает вполне обоснованные выводы, что в отличие от светских лордов в Войнах Роз принимала активное участие лишь меньшая часть джентри 647 представителей этих социальных страт из 2—3 тыс. человек (с. 244—245).

Конечно, феодалы разных рангов были самыми активными участниками битв Войн Роз, но автор упоминает и другие социальные слои, которые оказались вовлеченными в этот конфликт. А.Г. Праздников отмечает, что 15 из 54 епископов участвовали в событиях Войн Роз (с. 284).

Следующая социальная группа, принимавшая участие в конфликте Войн Роз — это горожане. А.Г. Праздников отмечает, что реальное участие городов в событиях и процессах Войн Роз было намного значительнее, чем их «представительство» среди активных участников конфликта. Это связано с тем, что эта активность городов и горожан была скорее вынужденной, по мнению автора, ее инициатива исходила от лордов, нуждавшихся в их поддержке (с. 306). Это обстоятельство и определяло их участие на той или иной стороне конфликта. Общие выводы даны в заключении и представляются вполне обоснованными.

Конечно, каждое исследование вызывает и вопросы. К данной монографии можно высказать ряд замечаний. Историографический раздел автор пытался сделать в проблемном ключе, но только 10 стр. из 33 отвечают подобным параметрам (с. 28—37). Следует заметить, что работы современных отечественных исследователей по социально-политической истории Англии XV в. рассмотрены несколько поверхностно, в частности, Е.Д. Браун и В.И. Золотова (с. 19, 27). Их труды следовало бы рассмотреть более тщательно.

Вызывает вопрос глава шестая — «Социальный состав активных участников Войн Роз». Она по объёму всего 3 стр. (с. 202—204). Это похоже на параграф, который, наверное, следовало бы поставить в начале третьей главы в качестве предваряющего основную часть книги.

Есть замечание по поводу вывода к пункту 8.1 на стр. 252 о том, что Войны Роз не были только лишь борьбой национальной и региональных элит, но имели более глубокий социальный характер. В чем же проявился этот более глубокий характер, автор не поясняет.

Проблемной, с нашей точки зрения, является девятая глава, посвященная участию духовенства в Войнах Роз. А.Г. Праздников решил дать лишь краткую справку об участии церкви в этом конфликте. Вся глава занимает всего 15 стр. Автор заявляет, что последствия Войн Роз для английской церкви были противоречивыми, но в чем это выразилось, осталось без ответа. Вывод автора о том, что английская церковь вышла из этого конфликта политически ослабленной не однозначен и не вполне обоснован свидетельствами из источников (с. 291). Конечно, история английской церкви XV века — это очень большая отдельная тема, которая нуждается в специальном исследовании.

Указанные недочеты не меняют общей высокой оценки монографии А.Г. Праздникова. Как нам представляется, данное издание является вполне актуальным и позволяет нам расширить знания о различных аспектах Войн Роз.

Book review: Prazdnikov A.G. People of the Wars of the Scarlet and White Rose. Composition and Behavior Patterns of Active Participants of the Socio-Political Conflict in England in the Second Half of the Fifteenth Century, St. Petersburg, 2023, 560 p.

Vladimir A. Evseev

Ivanovo, Ivanovo State University, Russian Federation, yevseyev@mail.ru

Abstract. The review is devoted to the book by A.G. Prazdnikov “People of the Wars of the Scarlet and White Roses. Composition and Models of Behavior of Active Participants in the Socio-Political Conflict in England in the Second Half of the 15th Century”. The book is divided into three parts. Main factual material of the book presented in the second and third parts. The author singled out two generations of active participants in the Wars of the Roses, identified their social similarities and differences. The third part of the monograph examines the participation in the Wars of the Roses, representatives of various social groups (nobility, nobility, clergy and townspeople) were engaged. The nobility was the most active in the conflict, but one-third of its representatives were excluded from its participation. The author made a stratification analysis of the gentry who participated in the Wars of the Roses, and concluded that, unlike secular lords, only a minority of them took an active part in them. In conclusion, the author notes that the Wars of the Roses had the character of a national conflict.

Keywords: Wars of the Roses, participation of representatives of different social groups, types of behavior

For citation: Evseev V.A. *Book review: Prazdnikov A.G. People of the Wars of the Red and White Roses. Composition and Models of Behavior of Active Participants in the Socio-Political Conflict in England in the Second Half of the 15th Century, St. Petersburg, 2023, 560 p., Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2025, iss. 1, pp. 188—193.*

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 24.12.2024.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 24.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru

Evseev Vladimir Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), professor, Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yevseyev@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

В итоговом распределении журналов Перечня ВАК по категориям имеет категорию K2.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует исследования в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.).

Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи по следующим направлениям:

5.6 – Исторические науки

5.6.1 – Отечественная история

5.6.2 – Всеобщая история

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики

5.7 – Философия

5.7.1 – Онтология и теория познания

5.7.7 – Социальная и политическая философия

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

5.9 – Филология

5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.2 – Литературы народов мира

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

Периодичность издания — четыре номера в год.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

• Серия «Гуманитарные науки»

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 3 месяцев.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 80 %.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов рецензирования включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научного или технического уровня.

Материалы, представляемые в редакцию, должны содержать следующие компоненты:

- 1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке, списком литературы и сведениями об авторе;
- 2) отзыв научного руководителя / консультанта *для аспирантов и соискателей* (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами.

Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

Требования к оформлению статей:

http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/requirements.php

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу: **vestnik.ivgu@mail.ru** (ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.
E-mail: **vestnik.ivgu@mail.ru**

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2025. Выпуск 1

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андреяновой*

Дата размещения на сайте 24.03.2025 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 15,1. 4,7 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**
Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год